

**Битва
за прошлое**
Как политика
меняет историю

Иван Курилла

Иван Курилла

Битва
за прошлое
Как политика
меняет историю

альпина
ПАБЛИШЕР

Москва

2022

УДК 32.019.51

ББК 66.2

К93

Редактор А. Новресли

Курилла И.

К93 Битва за прошлое: Как политика меняет историю / Иван Курилла. — М. : Альпина Паблишер, 2022. — 232 с.

ISBN 978-5-9614-7245-5

История давно перестала быть уделом только лишь ученых, превратившись в одно из самых мощных орудий в битвах политиков. Разрушенные монументы, переписанные учебники, новые названия улиц — мы это видели не раз и, похоже, не избежим в будущем. Разные интерпретации мировой истории встали на службу политическим менеджерам, но в этот момент столкнулись с волей народных масс. Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге Иван Курилла на конкретных примерах показывает, как меняется прошлое и кому это нужно, а также рассказывает, как наше обращение к истории и ее новая трактовка влияют на внешнюю и внутреннюю политику разных стран. Книга будет интересна всем тем, кто хочет ориентироваться в современных исторических дебатах в мире и особенно в России.

УДК 32.019.51

ББК 66.2

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alpina.ru.

ISBN 978-5-9614-7245-5

© Иван Курилла, 2022

© ООО «Альпина Паблишер», 2022

*Моей маме Вере Андреевне Сердюковой и всему
поколению шестидесятников, изменившему историю*

Содержание

Предыстория	6
-------------------	---

Часть первая Рассказы о прошлом

Пролог	«Проект 1619» и «Комиссия 1776»	12
История I	Единый учебник, или Борьба за школьную историю	22
История II	Выставка «Энола Гэй», или Музейное прошлое	37
История III	Наполеон и Гамильтон, или Прошлое на подмостках, экранах и мониторах	50
Эпилог	Никита Михалков против Ельцин Центра	62

Часть вторая Овещественное прошлое

Пролог	Захват Капитолия	66
История IV	Шарлотсвилл, или Трагедия монументальной пропаганды	70
История V	Ленин в Киеве, или Неустойчивые памятники	81
История VI	Сталинград по праздникам, или Историческая разметка пространства и времени	103
Эпилог	Фрески Арнаутова	117

Часть третья

Прошлое как поле конфликтов и повод для примирения

Пролог	Памятник «девушке для утешения» в Сеуле	123
История VII	Коленопреклонение в Катыни, или Вторая мировая война в европейской памяти XXI века.....	129
История VIII	«Свобода истории», или Каноны «исторической правды».....	152
История IX	Возвращение кинжала принца Дипонегоро, или Конец европейской истории	169
Эпилог	Памятник Примирения в Севастополе	176

Часть четвертая

Прошлое как действие

Пролог	День Победы после СССР	180
История X	Дело Дениса Карагодина, или «Трудное прошлое»	182
История XI	Реконструкция нацистов, или Играя в прошлое	193
История XII	«Бессмертный полк», или Кому принадлежит память о войне.....	202
Эпилог	Возвращение имен.....	223
	Конец историй.....	225

Предыстория

Это книга о разительных переменах, которые переживает мир в своем отношении к прошлому. Впервые за многие поколения в спор об истории, бывшей ранее достоянием политиков и ученых, по всему миру врываются обычные люди. Они сносят памятники, сочиняют собственные мифы и возвращают память о забытых именах. Людям нужно прошлое, чтобы опереться на него, но та история, которая создана без их участия, их уже не устраивает. Политики ощущают этот запрос и сами экспериментируют с прошлым, делая его инструментом политических конфликтов и жертвуя им в своих интересах.

Автор использовал на страницах этой книги множество примеров американских «культурных войн», которые оказалось очень интересно сравнить с европейскими «войнами памяти» и российскими конфликтами по поводу прошлого. Надеюсь, это сравнение поможет читателю увидеть отечественный опыт более объемно.

Автор признателен коллегам, с которыми обсуждал замысел этой книги: Борису Колоницкому, Илье Калинину, Дмитрию Калугину, Виктору Каплуну, Павлу Кононенко, Андрею Макарову, Марии Мацкевич, Евгению Рощину, Элле Сагинадзе, Дарье Хлевнюк. Они, вероятно, удивятся тому, что получилось в результате, но без их советов эта книга вряд ли бы вышла, а за все ее недостатки несет ответственность только автор. Отдельно хотелось бы упомянуть студентов Европейского университета в Санкт-Петербурге, участвовавших в обсуждении многих историй, попавших в книгу.

История как язык политики

Зачем политики столь часто обращаются к прошлому и почему они делают это так по-разному? Современные «бои за историю» становятся все ожесточеннее. История давно перестала быть уделом историков и государственных школ, а в последние годы превратилась в одно из самых мощных политических орудий и в то же время в поле битвы, на котором разные социальные группы ведут сражения за желанные трофеи. Глядя на прошлое, используемое политиками и пропагандистами, мы видим его не как окаменевшую в янтаре готовую «историю», а рассматриваем примеры нашего обращения к нему, исследуем, что и каким образом делает с прошлым современность. А современность не только устанавливает факты прошлого, но и извлекает из него нужные ей эмоции, ищет в нем ответы на вопросы или просто маскирует свои проблемы разговором о давно прошедших событиях.

Посмотрим на историю как на язык, на котором обсуждаются общественные проблемы. Борьба за его однозначность, превращающая события прошлого в символы, готовые к использованию в сегодняшних спорах, составляет важную часть современных исторических дебатов в мире и особенно в России.

Выступая на пресс-конференции по итогам первого официального визита государственного секретаря США Рекса Тиллерсона в Россию, министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров посетовал, что тот отказывался говорить об истории:

Сегодня мы обсуждали исторические экскурсии, и Тиллерсон сказал, что он человек новый и предпочитает не копаться в истории, а заниматься сегодняшними проблемами. Однако мир устроен так, что если мы не извлекаем уроки из прошлого, то едва ли сможем преуспеть в настоящем.

В продолжение этого пассажа Лавров пустился в рассуждения о «ситуациях, когда группа государств, прежде всего страны Запада, члены НАТО, были абсолютно заиклены на ликвидации того или иного диктатора». «Ради того, чтобы убрать президента бывшей Югославии Слободана Милошевича, НАТО в 1999 году развязало войну в центре Европы», — сообщил российский министр, напомнив также о вторжении в Ирак, разрушении государственности в Ливии, разделе Судана. В конце пресс-конференции Лавров снова вернулся к той же теме: «Надеюсь, что все-таки возобладают люди, которые извлекают уроки из истории»¹.

Российский министр и раньше углублялся в историю (куда более давнюю, чем последние десятилетия), когда пытался объяснить резкую перемену курса внешней политики России. В статье, опубликованной весной 2016 года в журнале «Россия в глобальной политике», он «высказал некоторые соображения в увязке с историческими примерами и параллелями», предложив читателям экскурс в тысячелетнюю историю России. Напомнив о Первой мировой, о войне с Наполеоном, а также об освобождении Москвы от поляков в 1612 году, Сергей Лавров заключил, что «эти вехи недвусмысленно свидетельствуют об особой роли России в европейской и мировой истории»². Еще раньше к подобной стратегии прибег его руководитель. В конце 2014 года президент России Владимир Путин объяснял

¹ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с государственным секретарем США Р. Тиллерсоном, Москва, 12 апреля 2017 года // Сайт Министерства иностранных дел РФ. http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xKtBhBzbUjd3/content/id/2725629.

² Лавров С. В. Историческая перспектива внешней политики России: Размышления на новом этапе международного развития // Россия в глобальной политике. 2016. №2.

необходимость присоединения Крыма ссылкой на далекое прошлое: «Ведь именно в Крыму, в Херсонесе, крестился князь Владимир, а потом крестил Русь. Изначально первичная купель крещения России — там», а уже в июле 2021 года писал в статье о российско-украинских отношениях:

«Чтобы лучше понять настоящее и заглянуть в будущее, мы должны обратиться к истории». Признав, что «в рамках статьи невозможно охватить все события, произошедшие более чем за тысячу лет», Путин все же попытался рассуждать о «тех ключевых, поворотных моментах, о которых нам — и в России, и на Украине — важно помнить»³.

Не только государственные деятели прибегают к истории для разговора о политике. На бытовом уровне люди используют прошлое для обозначения своих политических предпочтений. Отношение к Иосифу Сталину или к распаду СССР по-прежнему является более понятным маркером взглядов, чем определение человека как «либерала» или «консерватора». Показательно, что ведущая организация по исследованию общественного мнения россиян «Левада-центр», продолжает публиковать опросы людей об отношении к Сталину и другим деятелям прошлого: на сайте организации по слову «Сталин» находится в два раза больше статей, чем по слову «демократия»⁴.

В использовании истории для объяснения политики нет ничего нового. В любом обществе обострение политических противоречий затрагивает оценки исторических деятелей и событий

³ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Сайт Президента России. 2021. 12 июля. <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>.

⁴ <https://www.levada.ru/>.

прошлого. Однако в последнее время в России часто отмечается, что история окончательно заменила собой политику⁵.

Этим апеллированием к истории Россия традиционно отличалась от США, в которых политические разговоры чаще велись с использованием не отсылок к прошлому, а понятий — идеалов, таких как демократия или республика. Приведенный выше фрагмент пресс-конференции С. Лаврова демонстрирует смешение именно этих языков. Российский министр настаивает на важности истории для понимания проблем современной политики, а его американский коллега отказывается с этим соглашаться. Таким образом проявляется традиционное различие роли истории в политическом дискурсе двух стран. Однако всего через несколько месяцев после этого разговора американское общество напомнило своей политической элите о важности прошлого.

⁵ Это не раз отмечалось людьми, внимательно наблюдающими за политической сферой в России. Например, см.: Трудолюбов М. Наша политика — история // Ведомости. 2016. 30 сент.

Часть первая
Рассказы
о прошлом

Пролог «Проект 1619» и «Комиссия 1776»

В августе 2019 года ведущая американская либеральная газета *The New York Times* объявила о начале большого предприятия под названием «Проект 1619», организованного в память о 400-летию прибытия в Америку первых порабощенных людей. Целью проекта было «переосмыслить историю страны путем переноса центра национального нарратива на последствия рабства и на вклад черных американцев» в развитие США⁶. В текстах проекта, состоявшего из серии эссе, подкаста и обещания написать школьный учебник, содержалось, в частности, утверждение, что колонисты начали Войну за независимость для того, чтобы защитить институт рабства, а Авраам Линкольн избражался как сторонник белого превосходства. Многие активисты Демократической партии и афроамериканского сообщества с энтузиазмом восприняли «Проект 1619». Камала Харрис, ныне вице-президент США, а на тот момент сенатор, написала в твиттере, что «“Проект 1619” — сильное и необходимое разбирательство с нашей историей»⁷. Главный инициатор проекта, журналист *The New York Times* Николь Ханна-Джоунс, получила

⁶ Project 1619 // *The New York Times Magazine*. August 14, 2019.

⁷ Kamala Harris twitter, August 16, 2019. <https://twitter.com/KamalaHarris/status/1162122797726015489>.

за этот проект Пулитцеровскую премию 2020 года. В то же время сам проект подвергся резкой критике с разных сторон.

Профессиональные историки были возмущены искажением исторических фактов, обвинив авторов проекта в «подмене исторического понимания идеологией»⁸. Ряд афроамериканских интеллектуалов, поддерживающих правую повестку дня, заявили, что проект, требующий возводить историю США не к основанию государства в 1776 году, а к прибытию рабов в 1619-м, и рассказывающий всю историю Америки как историю рабства, оскорбителен для афроамериканцев, и в феврале 2020 года запустили собственный «Проект 1776», целью которого стала демонстрация успешности афроамериканцев и невозможности сведения их опыта к опыту рабства. Инициаторы этого проекта обвинили авторов «Проекта 1619» в скрытой поддержке того же «белого превосходства», с которым он декларативно борется⁹. Наконец, осенью 2020 года президент Трамп объявил о создании «Комиссии 1776» по подготовке празднования 250-летия независимости Соединенных Штатов, которое будет проходить в 2026 году. Комиссия ставила целью поддержание героического и позитивного взгляда на историю США в ответ на ревизионизм, представленный «Проектом 1619». «Несмотря на доблести и достижения нашей Нации, — писал Трамп в исполнительном указе о создании комиссии, — многих школьников учат сейчас в школах ненавидеть их собственную страну и верить, что мужчины и женщины, построившие ее, были не героями, а скорее злодеями». Именно борьба с такой

⁸ We Respond to the Historians Who Critiqued The 1619 Project // *The New York Times Magazine*, December 20, 2019.

⁹ Woodson, Robert. The Crucial Voice of 1776 // *Washington Examiner*. February 13, 2020.

историей являлась задачей комиссии¹⁰. Новый президент Джо Байден отменил создание «Комиссии 1776» в первый же день своего президентства¹¹. Поляризация американской политики приводит и к поляризации взглядов на американскую историю, быстро обрастающих институтами их защиты.

Дробление прошлого

Важной практикой обращения к истории является построение связного рассказа о прошлом своего народа и человечества в целом, который обычно называют словом *нарратив*. Для изучающих историю такой рассказ служит подобием географической карты, на которой можно найти место, где находишься ты сам, и таким образом упорядочить представление о времени. Школьные учебники иногда прямо предлагают детям «найти свое место на стреле времени», обучая их соотносить свою жизнь с «историческими событиями». Конечно, масштаб такого нарратива может отличаться: он может описывать тысячелетия, а может — историю нескольких десятилетий, но не в этом основная проблема «связных рассказов» о прошлом.

Дело в том, что в обществе сосуществует множество нарративов, совершенно по-разному описывающих развитие человечества или отдельного народа. Продолжая аналогию

¹⁰ Trump, Donald J. Executive Order on Establishing the President's Advisory 1776 Commission. November 2, 2020. <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/executive-order-establishing-presidents-advisory-1776-commission/>.

¹¹ Biden, Joseph R. Executive Order On Advancing Racial Equity and Support for Underserved Communities Through the Federal Government. January 20, 2021 // <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2021/01/20/executive-order-advancing-racial-equity-and-support-for-underserved-communities-through-the-federal-government/>.

с географией, различие между экономической и политической историей можно сравнить с сосуществованием физической и политической карт мира — они не противоречат друг другу, а описывают разные черты одной и той же реальности. Однако наличие несовместимых цельных рассказов о прошлом — два разных глобуса одной планеты — труднее принять как данность.

Первая реакция на столкновение таких противоречащих нарративов — стремление отвергнуть один из них как ошибочный. Но очень часто дело тут не в ошибке. У проблемы сосуществования противоречащих друг другу образов прошлого есть несколько уровней. Разные рассказы о прошлом существуют внутри исторической науки. Если в конце XX века это воспринималось как «внутрицеховая» проблема историков, то спустя полтора десятилетия ею озаботились политики, возглавляющие государство. Дмитрий Медведев, будучи президентом, отмечал опасность «фрагментарного восприятия истории» и сокрушался, что «после такой достаточно четкой позиции, которой придерживались историки в советский период, история стала разваливаться на куски»¹². Чтобы стать пригодной для политиков, история нуждается в «цельных» интерпретациях, которые пригодны для выстраивания национальных нарративов, и то, что воспринималось как кризис исторической науки, повлекло за собой кризис и в «исторической политике». Однако куда более разнообразны нарративы прошлого, развиваемые писателями, режиссерами и самими политиками.

История представляет собой непрерывный диалог современности с прошлым. На протяжении XIX — первой половины XX столетия главным «заказчиком» исторического диалога были нации, испытывавшие подъем, «от имени» которых и задавались

¹² Встреча Дмитрия Медведева и Владимира Путина с пенсионерами и ветеранами // Сайт Президента России. 2011. 17 ноября. <http://kremlin.ru/news/13555>.

вопросы прошлому. Именно поэтому историки зачастую рассматривали себя как чиновников, состоявших на государственной службе в национальных государствах (и даже фактически были таковыми). Интерпретация прошлого оказывалась в целом единой, что соответствовало и методологическим воззрениям позитивистской исторической школы, доминировавшим с середины XIX века.

Однако во второй половине XX века ситуация изменилась. Социальные группы, ранее не имевшие голоса, начали обретать субъектность, и вот уже в американской историографии появились «женская история» и «история афроамериканцев», а европейские историки начали активно разрабатывать различные варианты истории регионов, не совпадающих с государственными границами. Зачастую само создание такой истории становилось мощным механизмом формирования группы с политическими амбициями. Политики, контролирующие государственный аппарат, утратили монополию на постановку вопросов перед прошлым, хотя в некоторых случаях они пытаются запретить поднимать некоторые вопросы или затруднить поиск ответов на них. Зато в США само государство (в лице властей отдельных штатов) стало проводником «дробления» исторического нарратива, вводя по требованию меньшинств изучение их наследия в школьную программу. Так, например, в Калифорнии в 2011 году законодательное собрание штата приняло закон, требующий освещать в общественных школах исторические достижения геев и лесбиянок¹³.

В результате под вопросом оказалась вся картина единого исторического знания, противопоставленная разнообразным мифам о прошлом, создававшимся в литературе и искусстве:

¹³ Leidhra Johnson. California lawmakers pass bill to teach gay history // Reuters. 06.07.2011. <https://www.reuters.com/article/us-gay-education-california-idUSTRE76509120110706>.

сама научная история начала предлагать разнообразные варианты рассказа о прошлом. С точки зрения читателя, спектр описаний прошлого простирается теперь от публикаций документов и научной монографии до компьютерной игры и книги в жанре фэнтези без особых швов между ними. Лишь профессиональные историки стойко обороняют границу между мифом и основанным на источниках нарративом, неустанно объясняя обществу важность такого различения.

Варианты российской истории

Еще одним вызовом для единой интерпретации истории стало одновременное осознание историками и политиками возможностей социального конструирования при помощи исторической науки. Вопрос «Кто мы такие?» — один из важнейших, которые задают себе люди. Ответ на него обычно дается через описание себя посредством действий в прошлом, собственных либо своих реальных или мифических предков. Задача ученого все больше рассматривается как создание непротиворечивой картины прошлого из имеющихся в его распоряжении источников — их интерпретация. Очевидно, что таких логически непротиворечивых картин может быть создано множество. Развернувшаяся в России борьба за гегемонию того или иного дискурса — борьба за идентичность — проявляется не только в интеллектуальных текстах, но и в прямой поддержке политиками и чиновниками той или иной трактовки отечественной и мировой истории. Каков же доступный в сегодняшней России спектр вариантов трактовки истории?

Ниже предлагаются в крайне схематичной форме несколько интерпретаций отечественной истории, очевидно противоречащих друг другу, каждая из которых, на мой взгляд, не может быть опровергнута на основании изучения исторических источников. Все они бытуют в современном российском обществе,

отражая поиски идентичности различными его группами. Каждая может претендовать на концепцию учебника.

Концепция первая. Новая «государственная школа»

Основы подхода: подчеркивать ведущую роль и заслуги «строителей государства», причем практически любые затраты и жертвы оправдываются целью достижения величия России. Среди героев отечественной истории — Михаил Романов и Петр I, Сталин, а особенно Александр III, среди антигероев — все революционеры и диссиденты. Отношение к Ивану Грозному двойственное: считается, что он пытался укрепить государство, но итог оказался противоположным, вскоре наступила Смута. Внешняя экспансия всегда оправдана обеспечением безопасности и необходимостью получения доступа к ресурсам и торговым путям. Главные «фигуры умолчания» — коррупция чиновников, негативные результаты деятельности «героев» и преступления государства (усиление крепостного права и страдания крестьянства при Петре, ГУЛАГ, масштабы репрессий и количество жертв модернизаций сверху).

Концепция вторая. Либерально-западническая

Основы подхода: история России — летопись борьбы общества с государством за право определять судьбу страны, постепенная эволюция государственного строя в направлении европейской демократии. Среди героев — реформаторы-либералы: Александр I, Никита Хрущев, Михаил Горбачев, а также Петр Чаадаев, представители либеральной интеллигенции, партия кадетов в начале XX века, диссиденты-правозащитники советских времен. Отношение к Петру I двойственное: его хвалят как западника, но осуждают за жестокие методы проведения реформ. Среди антигероев — Иван Грозный, Сталин. Внешняя

экспансия в некоторых случаях оправдывается (в основном в восточном и южном направлениях, поскольку «несла прогресс отсталым народам»), но осуждается в западном направлении (Польша, Прибалтика), так как навязывала более развитым народам отсталые формы государства. О чем умалчивается: о необходимости выживания государства в условиях европейской экспансии XVII–XIX веков и мировых войн XX века, о противоречиях между либерализмом и демократией.

Концепция третья. Националистическая

Основы подхода: Россия — «государство народа русского», история страны — постепенное освоение русским этносом пространств Восточно-Европейской равнины, Сибири, Кавказа и Средней Азии с мирным вхождением в состав государства других этносов на правах младших братьев. Пробиравшиеся к власти представители «малых народов» причиняли, как правило, вред Российскому государству. Украинцы и белорусы — часть русского народа, обманом отсеченная от великой общности. Герои учебника — Петр I, Александр III (с оговоркой «несмотря на онемечивание Романовых»), Сталин (с оговоркой о грузинском происхождении), былинные богатыри, Евпатий Коловрат, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, генералиссимус Александр Суворов, маршал Георгий Жуков, а также интеллектуалы-антисемиты, например Федор Достоевский. Возможен вариант учебника с подчеркиванием роли православия (и добавлением Сергия Радонежского, патриарха Гермогена и пр.). Антигерои — польские мятежники, Лев Троцкий (Бронштейн), Григорий Зиновьев (Радомысльский), Лев Каменев (Розенфельд), Владимир Ленин (Бланк по материнской линии). Отношения между людьми или экономическими субъектами сведены к отношениям между представителями разных этнических групп, которым приписываются врожденные

неизменяемые черты и род деятельности. Умалчивается о современных концепциях сконструированности наций, о роли многообразия наций в современных обществах и о вкладе нерусских людей в развитие России.

Концепция четвертая. Цивилизационная

Основы подхода: в мировой истории соперничали несколько цивилизаций, одной из которых являлась Россия наравне, например, с Европой. В основе цивилизаций лежат различные религиозные традиции, разные способы хозяйствования и формирования отношений государства и общества. Важная роль отводится специфически понятому термину «менталитет», которым объясняются все различия. Герои — создатели отечественной культуры (все российские писатели, философы, композиторы и художники) и строители государства (см. список из «государственнического» учебника). Антигерои — западники, поставившие перед собой ложную цель — догнать Европу, которая идет другой дорогой и много раз предавала доверившихся ей русских. Внешняя экспансия естественна в рамках своего «цивилизационного ареала». Умалчивается о состоявшихся плодотворных заимствованиях, о тех областях, в которых стадиальность развития несомненна (например, в развитии техники и инженерных знаний).

Концепция пятая. Радикально-критическая, постколониальная

Основы подхода: вся история является историей угнетенных классов и социальных групп. Герои — «простые люди», женщины, представители покоренных народов, а также вожди народных восстаний: Стенька Разин, Емельян Пугачев. Антигерои — деспотические государственные мужи, чья деятельность

развенчивается с точки зрения ее пагубного влияния на жизнь угнетенных групп: Петр I (виновен в гибели и страданиях сотен тысяч крестьян; возможно, миллионов), Екатерина II, Российская империя в целом (разрушала культуру небольших этносов), Советское государство (страдания крестьянства, многомиллионные жертвы). Сторонники этого подхода не всегда готовы признавать позитивную роль государства и элит в развитии страны.

Можно сказать, что у большинства россиян существует запрос на «позитивный образ прошлого», но позитив все воспринимают по-разному.

В то же время развитие коммуникаций превратило визуальные искусства — театр, кино, телевидение — в мощный фактор мифотворчества, конструирования образов прошлого. Эти образы приобретают политическое значение и порождают конфликты¹⁴.

¹⁴ Алейда Ассман называет нарратив, экспонирование и инсценирование тремя формами исторической репрезентации, в моем тексте все три формы репрезентации рассматриваются как нарративы. (Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. — М.: НЛО, 2019. — С. 493–498.)

История I

Единый учебник, или Борьба за школьную историю

Владимир Путин въехал в Кремль в канун 2000 года с четким представлением о важности исторических символов¹⁵. Он начал реконструировать российскую идентичность с утверждения «царского» флага и герба России и одновременно подновленного «советского» гимна страны. Еще в должности и. о. президента в феврале 2000 г. Путин посетил мемориал «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане в Волгограде и стал активно использовать риторику обращения к «славному прошлому». Главным способом утверждения новой официальной интерпретации истории стал контроль над содержанием телевизионных программ, школьных учебников и мемориального пространства¹⁶.

¹⁵ Интерес президента к истории отмечали многие наблюдатели. См., например: Hill, Fiona and Clifford Gaddy. Mr. Putin: Operative in the Kremlin. Washington: Brookings Institution Press, 2013. P. 63–77.

¹⁶ Борьба с «неправильными» учебниками началась в 1997 году с постановлений региональных властей о запрете преподавания новейшей истории по учебнику А. А. Кредера. (Рачкова О., Данышин В. Учебник новейшей истории попал в историю // Коммерсантъ. 1997. 31 окт.

В 2001 году тему «неправильных» учебников впервые поднял премьер-министр России Михаил Касьянов. (Данилевский И. От Гостомысла до Касьянова // Независимая газета. Ex libris. 2001. 6 сент.) Со второй половины 2000-х критика школьного учебника истории в выступлениях В. В. Путина и Д. А. Медведева звучала постоянно.

В этом же контексте надо вспомнить и эпопею с созданием единого учебника истории. Уже 21 июня 2007 года президент России в разговоре с преподавателями обрушился на авторов учебников: «Многие учебники пишут люди, которые работают за иностранные гранты. Так они исполняют польку-бабочку, которую заказывают те, кто платит. Понимаете?»¹⁷ Историки — авторы учебников почувствовали себя оскорбленными, но быстрых последствий это замечание не имело. Однако в феврале 2013 года президент Путин выказал озабоченность разным толкованием истории в российских регионах и предложил создать единые учебники истории России для средней школы. Предполагалось, что такие учебники будут построены «в рамках единой концепции, в рамках единой логики непрерывной российской истории, взаимосвязи всех ее этапов, уважения ко всем страницам нашего прошлого». Разъясняя свое видение, президент фактически развил метафору «социального клея»:

Наша задача заключается в том, чтобы укрепить гармонию и согласие в многонациональном российском обществе, чтобы люди независимо от своей этнической, религиозной принадлежности осознавали себя гражданами единой страны... Возможно... единый учебник по российской истории решит эту проблему¹⁸.

Поскольку история стала основным аргументом при обсуждении политических проблем, единый учебник должен был

¹⁷ Стенографический отчет о встрече с делегатами Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук // Сайт Президента России. 2007. 21 июня. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24359>.

¹⁸ Путин В. В. Заседание Совета по межнациональным отношениям // Сайт Президента России. 2013. 19 февр. <http://kremlin.ru/events/president/news/17536>.

создать набор исторических «мемов», опираясь на который власть и население могли бы продолжать разговор о политике. Первоначально речь шла о разной трактовке важных событий национальной истории в региональном историописании. Исторические фигуры и события, по-разному воспринимаемые в регионах страны, не могут служить референтными точками для донесения какой-либо (политической) идеи. Такая история не годится для описания современных проблем и не выполняет, таким образом, основной функции, назначенной ей государственной властью.

Эта инициатива встретила, однако, серьезное сопротивление историков¹⁹. Сторонники и противники этой идеи обсуждали ее прежде всего как шаг на пути к введению государственной идеологии. Несмотря на то что в контексте встречи, на которой был анонсирован план создания единого учебника, речь шла о преодолении противоречий, содержащихся в региональных пособиях, либеральная интеллигенция озабочилась возможным поворотом к идеологической унификации. «Есть все основания предполагать, — заявили члены Комитета гражданских инициатив, — что в атмосфере неприятия политических, социальных и культурных альтернатив, невнимания к позиции активного меньшинства власть как заказчик примет такой учебник, который будет воспитывать не ценности свободы и достоинства, а послушание и сервиллизм»²⁰. Большая группа профессиональных историков и преподавателей других гуманитарных дисциплин в 2014 году опубликовала

¹⁹ Курилла И. И. Лоскутное одеяло истории, или Историческое сообщество в эпоху политизации его академического поля // *Ab Imperio*. 2013. №2. — С. 298–326.

²⁰ Заявление КГИ об общенациональном учебнике истории // Комитет гражданских инициатив. 2013. 3 марта. <https://komitetgi.ru/news/news/434/>.

«Обращение к историкам — авторам школьных учебников» с призывом бойкотировать создание «идейно выдержанных» учебников²¹.

Историки вообще оказались на удивление единодушны в неприятии этой инициативы. Так, академик Валерий Тишков в своей записи в фейсбуке сообщил, что знает о двух попытках создания единого учебника истории, в 1934 и в 1949 году, и что как академик-секретарь отделения истории РАН, «не хотел бы поощрять третью попытку»²². Академик Александр Чубарьян при обсуждении идеи единого учебника попробовал переопределить задачи историков в свете президентской инициативы. Вместо обсуждения планирования единого учебника он заговорил о том, что процесс его подготовки займет долгое время и что «нужно воспользоваться ситуацией для постановки вопроса исторического образования в школе в целом»²³. А директор Института российской истории РАН Юрий Петров подчеркнул, что «единый не значит единственный»²⁴. Ушедший в отставку с поста директора ИРИ РАН академик Андрей Сахаров также высказался против инициативы: «К созданию единого учебника истории я отношусь отрицательно, потому что считаю, что у учителя должен быть пусть и небольшой, но выбор

²¹ Обращение к историкам — авторам школьных учебников // Полит.ру. 2014. 22 мая. <https://polit.ru/article/2014/05/22/history/>.

²² Запись в фейсбуке В. А. Тишкова 27 февраля 2013 года. https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=344482752337752&id=100003280900276.

²³ Александр Чубарьян — о едином учебнике истории России // Телеканал «Культура». 2013. 4 марта.

²⁴ Лемуткина М. Единый учебник истории придет в школы уже через пару лет // Московский комсомолец. 2013. 4 марта. Любопытно, что ранее по поводу единого учебника негативно высказывался и Александр Филиппов, автор школьного учебника, вызвавшего в свое время резкую критику. Аудиозапись радиопрограммы «Своя правда» от 18 ноября 2010 г. http://www.moskva.fm/stations/FM_107.0/programs/своя_правда/2010-11-18_19:00.

того, как преподавать. Спорные вопросы, вариации оценки, точки зрения — все это должно быть представлено. А в едином учебнике все это будет нивелировано, а после и вовсе сведется к нулю. Такого не должно быть»²⁵. Сопrotивление историков введению единого учебника привело к тому, что инициатива остановилась на разработке историко-культурного стандарта, — разнообразие учебников уменьшилось, но не исчезло.

Известно несколько конфликтов вокруг учебников истории. В свое время массированную атаку со стороны консервативно настроенной части общественности и чиновников вызвали книги Александра Кредера²⁶, Игоря Долуцкого²⁷. Атаку иного рода — со стороны либеральной и антисталинистской общественности — пережил учебник, написанный с других позиций, за авторством Александра Филиппова, Александра Данилова и Анатолия Уткина²⁸.

Идея создать единый учебник истории не нова. Одним учебником, в том или ином виде развивавшим концепцию «Краткого курса истории ВКП(б)», обходились в советское время.

²⁵ Россия без Путина: единый учебник истории «приведет страну к Китаю» // РБК. 2013. 18 июня.

²⁶ Кредер А. А. Новейшая история, XX в. Учебник для основной школы. Ч. 1–2. — М. Центр гуманитарного образования, 1995–1997 (1–3-е изд.).

²⁷ Долуцкий И. И. Отечественная история. XX век. Учебник для 10 класса средней школы. Ч. 1–2. — М.: Мнемозина, 1994.

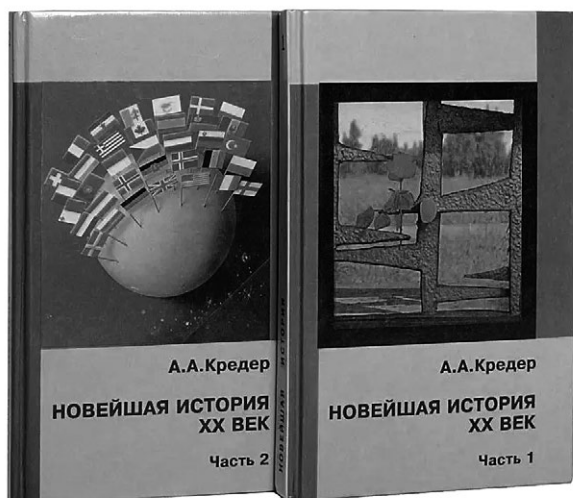
²⁸ Первоначальные идеи были изложены в пособии для учителей А. В. Филиппова, через год доработанном до полномасштабного учебника. См.:

Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945–2006. Книга для учителя. — М.: Просвещение, 2007;

История России. 1945–2007. Учебник для учащихся общеобразовательных учебных учреждений. Под ред. А. А. Данилова, А. И. Уткина и А. В. Филиппова. — М.: Просвещение, 2008.

Проблематику вузовских учебников истории, вокруг которых тоже в последние годы разгорались скандалы, оставим в стороне.

Учебник
А. А. Кредера
по новейшей
истории, вокруг
которого
разгорелся
один из первых
конфликтов.
Фото автора

На протяжении всего постсоветского периода против разнообразия учебников выступали разные политики. Однако за время этих разговоров наступила другая эпоха. Ее отличие не только в новых средствах получения и передачи информации (интернет похоронил бумажные энциклопедии и уже отобрал у учебника привилегию считаться главным источником знаний), но и в изменившемся понимании того, что такое историческая наука.

В зависимости от угла зрения рассказчика на первый план выходили разные факты прошлого. В XX веке появились не только книги по истории разных стран, написанные «с точки зрения» крестьян или рабочего класса, но и по истории разных социальных групп или «побежденных». Каждая такая история истинна в том смысле, что она повествует о реальных событиях. Однако набор фактов оказывается разным. Научный же статус истории обеспечен строгой методологией поиска ответов на вопросы, и прежде всего — работой с источниками. Кроме того, разные социальные группы, народы и регионы задают прошлому свои вопросы.

Что такое с этой точки зрения единый учебник истории? В большинстве случаев это изложение истории с позиции какой-то одной социальной или политической силы и в рамках одного из существующих объяснений прошлого. Результатом борьбы за единый учебник в России стала обновленная версия учебника государственной школы, который преподносит историю государства Российского как расширяющегося и превращающегося в империю Московского княжества.

Итогом нескольких лет работы коллектива историков и методистов стала разработка историко-культурного стандарта и одобрение к использованию в школе трех комплектов новых учебников истории, подготовленных издательствами «Просвещение», «Дрофа» и «Русское слово». Другие издательства, ранее создававшие учебники истории, не прошли сквозь мелкое сито надзирающих структур и ушли с этого рынка.

Историческое образование служит важнейшей социализирующей силой, утверждая интерпретацию прошлого, делающую детей гражданами. Историческая наука опирается на две основы: источники, сформированные в том прошлом, которое она изучает, и вопросы к этим источникам, рожденные современностью. Очевидно, что профессиональные историки не могут обладать монополией на вопрошание. Историк может поставить вопрос более грамотно, но суть общественного запроса способен сформулировать и непрофессионал. Другое дело, что в России с ее непреодоленным расколом между государством и обществом существует множество запросов к исторической науке. Больше того, определение предмета исследования может диктоваться не только интересами ученого (например, в сфере экономики или культуры), но и его системой ценностей. Поскольку в обществе сосуществуют разные группы со своими системами ценностей, то каждая из них предлагает свою интерпретацию прошлого.

Историческая наука от этой множественности выигрывает, однако проблемы появляются при использовании научных

выводов в преподавании истории. Как сегодня представляется большинству политиков, видение прошлого предопределяет будущее.

Правые и левые в борьбе за учебники

В борьбе за учебники истории участвуют, как правило, несколько сторон: помимо политиков, для которых учебник является способом утверждения собственной картины мира, это историки, стремящиеся сохранить научное содержание книги, а также издательский бизнес, для которого учебники, издающиеся тиражами в сотни тысяч и миллионы экземпляров, являются гарантированным доходом.

Учебники истории оказываются яблоком раздора и предметом пристального внимания политиков во многих странах, потому что не только участвуют в воспроизводстве национальных культурных символов, но и формируют новые общественные предпочтения²⁹. Вот лишь несколько сюжетов последнего десятилетия, которое многие характеризуют как время консервативного поворота. Правительство Чили после победы правоцентристов на выборах в 2011 году распорядилось изменить в учебниках характеристику времени правления А. Пиночета с «диктатуры» на «военный режим»³⁰. В Великобритании разразился громкий скандал, когда в 2013 году министр образования Майкл Гоув предложил реформу школьного исторического образования, заменявшую социальную историю Британии, изложенную в мировом контексте, на более национально ориентированную, патристическую, последовательно излагающую факты. Она

²⁹ Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций. Под ред. В. И. Журавлевой и И. И. Куриллы. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2009.

³⁰ Аугусто Пиночет больше не диктатор // Коммерсантъ. 2012. 10 янв.

нацелена на то, чтобы дети «выходили в мир с оптимизмом, происходящим из гордости родиться британцем и уверенностью, что правда всегда была на нашей стороне»³¹. Франсуа Фийон, бывший премьер-министр и кандидат в президенты Франции от правой партии «Республиканцы», баллотировавшийся в 2017 году, обещал не только высылать из страны всех мигрантов, совершивших какое-либо правонарушение, и ужесточить условия усыновления детей гомосексуальными парами, но и «поддержать историческую науку и написать новый учебник истории»³².

Неудивительно, что в США вокруг учебников истории также идет непрекращающаяся борьба. Она началась намного раньше, чем европейские «войны памяти», но здесь до поры до времени разные учебники были просто разделены географически. На протяжении последней трети XIX и начала XX века учебники истории для северных и южных школьников радикально отличались. Южные штаты требовали, чтобы авторы учебников изображали Конфедерацию с симпатией, а на Севере дети изучали измену южан. Большие издательства выпускали отдельные учебники истории для Юга и для Севера США³³.

Начиная с 1960-х годов ревизионизм в американской исторической науке сформировал левую критику официального нарратива отечественной истории. Вся патриотическая версия, доминирующий рассказ школьных учебников, оказалась под ударом. Исследователь исторического образования Джеймс Лёвен однажды выдвинул тезис, который только на первый взгляд кажется парадоксальным: «Для США было бы лучше, если бы

³¹ Watson, Michael. Michael Gove's war on historians: extreme whig history and Conservative curriculum reform // LSE Blogs, June 7, 2019. <https://blogs.lse.ac.uk/politicsandpolicy/michael-goves-war-on-historians/>.

³² Субботин И. Фийон атакует «Национальный фронт» // Независимая газета. 2016. 25 ноября.

³³ Ravitch D. The Language Police: How Pressure Groups Restrict What Students Learn. New York, 2003. P. 68.

учебники американской истории писались представителями другой страны»³⁴. В своей весьма популярной книге Лёвен анализирует основные составляющие доминирующего в США режима подачи истории, разбирая «патриотические» трактовки в школьных учебниках таких тем, как расизм, война во Вьетнаме, отношения с индейцами, усиление государства, и другие вопросы. Книга стала образцовым списком левых претензий к правому историческому нарративу³⁵.

Вышедшая в 1980 году «Народная история США», написанная историком левых взглядов Говардом Зинном, стала чрезвычайно популярной в качестве дополнительного чтения в американских школах (учебником она быть формально не могла). В этой книге, общий тираж которой уже превысил два миллиона экземпляров, все события американской истории рассказаны с точки зрения «проигравших»: «об открытии Америки с точки зрения араваков; о Конституции — с точки зрения рабов; об Эндрю Джексоне, каким его видели индейцы чироки³⁶; о Гражданской войне через восприятие нью-йоркских ирландцев; об американо-мексиканской войне, какой она представлялась солдатам-дезертирам армии Уинфилда Скотта; <...> о Второй мировой войне с точки зрения пацифистов»³⁷. Консервативные родители жаловались на эту книгу, а губернатор

³⁴ Лёвен Дж. Преподавать подлинную историю // Американский ежегодник, 2005. — М.: Наука, 2007. — С. 167–179.

³⁵ Loewen J. W. Lies My Teacher Told Me: Everything Your American History Textbook Got Wrong. The New Press, 1995. 2nd ed. 2007.

³⁶ Араваки — индейцы Южной Америки, первыми столкнувшиеся с европейскими завоевателями в XV–XVI веках. Чироки — одно из «цивилизованных племен» американских индейцев, высланных во время президентства Эндрю Джексона во внутренние районы страны. Во время переселения погибло несколько тысяч чироки, его маршрут сохранился в истории как «дорога слез».

³⁷ Зинн Г. Народная история США. — М.: Весь мир, 2006. — С. 21–22.

штата Индиана в прошлом десятилетии требовал не допустить ее использования в школах штата³⁸.

Правые, в свою очередь, вели собственные бои за историю, прибегая иногда к крайним методам для защиты консервативных, традиционных учебников.

Битва за учебники в округе Канова

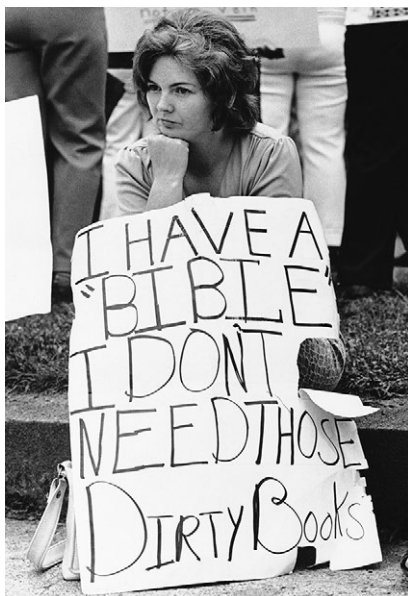
В 1974 году в округе Канова (Kanawha), штат Западная Вирджиния, введение новых учебников привело к массовым протестам, акциям гражданского неповиновения и угрозе террористических актов. Появившиеся весной того года школьные пособия отражали некоторые аспекты движения за гражданские права и развития феминизма, что показалось слишком либеральным некоторым консервативным членам окружного Совета по образованию. Они быстро собрали 12 000 подписей под петицией, требовавшей запретить в школах книги, подрывающие веру в Бога, американскую политическую систему, капитализм, а также «историю Америки как повествование об одной из самых благородных из когда-либо существовавших цивилизаций»³⁹.

После того как большинство совета, вопреки этим протестам, одобрило новые учебники, произошел взрыв. Начало учебного года бойкотировали 9000 (из 45 000) школьников округа, которых просто не пустили в школу родители. На следующий день забастовали все шахты в этом угледобывающем округе. В течение нескольких месяцев в округе происходили

³⁸ LoBianco, Tom. Mitch Daniels Sought To Censor Public Universities, Professors // AP. July 16, 2013. https://www.teachingforchange.org/wp-content/uploads/2016/06/zep_archive_huffpost_mitchdaniels_071613.pdf.

³⁹ Tauger, Nathan. Bans, Boycotts, and Brawls: The 1970s West Virginia Textbook Controversy // Nursing Clio. February 23, 2017. <https://nursingclio.org/2017/02/23/bans-boycotts-and-brawls-the-1970s-west-virginia-textbook-controversy/>.

Пикет против новых учебников
в Чарльстоне, Западная
Вирджиния, 1974 год.
На плакате надпись: «У меня
есть Библия, мне не нужны эти
грязные книги».
AP Photo / East News

обстрелы школьных автобусов и минирования школ и здания Совета по образованию (один из школьников прокомментировал: «Они стреляют в людей, чтобы не допустить насилия в книгах»). В организации протестов приняли участие консервативные религиозные лидеры, и один из них, преподобный Марвин Хоран, был позднее приговорен к трехлетнему тюремному заключению за участие в заговоре по минированию школ.

В том же 1974 году в штате Миссисипи комиссия по учебникам запретила к использованию в школах учебник для девятого класса по истории штата из-за того, что в него были включены (впервые) разделы об афроамериканцах, индейцах, женщинах, рабочих, а также обсуждались бедность, белый террор и коррупция. Авторы книги Джеймс Лёвен и Чарльз Саллис опротестовали запрет в федеральном суде и победили. Спор явился одной из последних битв движения за гражданские права, а Джеймс Лёвен с этого момента стал одним из главных

критиков консервативных школьных программ преподавания истории⁴⁰.

В отличие от России, где содержание школьных учебников истории контролируется федеральными властями с помощью единого историко-культурного стандарта, системы лицензирования издательств и одобрения учебников, в Соединенных Штатах отсутствуют единые требования к содержанию учебных пособий. Существуют, однако, стандарты отдельных штатов, и издательства, выпускающие школьные учебники, ориентируются на большие штаты. Таким образом оказывается влияние на преподавание истории. В большинстве случаев стандарты утверждаются демократическим путем, то есть решения принимают избранные представители общественности, как правило, не имеющие исторического образования. В силу этого государство не может навязывать содержание учебника, но на него напрямую влияют предрассудки большинства избирателей в конкретном штате.

Помимо избранных членов образовательных комиссий или советов, влияние на учебники оказывают и отдельные активисты. Мелвин и Норма Гэблер из Техаса получили известность в 1961 году после того, как обнаружили ошибки в учебниках своего сына. С этого времени Гэблеры начали систематически проверять школьные учебники на предмет фактических и идейных ошибок, создав организацию «Аналитики образовательных исследований». Среди обнаруженных ими в учебниках «фактов» были утверждения, будто Наполеон победил в битве при Ватерлоо и что советский спутник был межконтинентальной ракетой с ядерной боеголовкой.

Гэблеры (не имевшие, кстати, высшего образования) стали так влиятельны, что издатели сами отправляли им верстку учебников, чтобы потом не сталкиваться с критикой и не платить

⁴⁰ Eagles, Charles W. Civil Rights, Culture Wars: The Fight over a Mississippi Textbook. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2017.

миллионные штрафы, которые налагал на них с подачи этой семьи штат Техас. Взгляды Гэблеров были отчетливо консервативными: от них досталось, например, учебнику, в котором утверждалось, что «закон, позволивший рабство в Америке, был неправильным, и потому люди могли его нарушать», — Гэблеры посчитали, что такое утверждение поощряет неповиновение властям. Они осуждали «слишком большое внимание», уделяемое в учебниках Уотергейту и Вьетнамской войне, упоминания о необузданном нраве Джорджа Вашингтона, требовали запретить учебник, в котором школьникам предлагалось представить себя участниками сидячей забастовки времен движения за гражданские права, потому что «это учит мятежу»⁴¹. Именно Гэблеры убедили своих консервативных друзей в Западной Вирджинии в неприемлемости новых учебников перед тем, как там начались массовые протесты.

Техас остается оплотом консервативного подхода к историческим учебникам и в XXI веке. Наибольший резонанс получил случай, произошедший в 2010 году. Совет по образованию штата, состоявший по большей части из консервативных республиканцев, одобрил новый стандарт исторического образования. Решением совета из списка деятелей, обязательных для изучения, был удален Томас Джефферсон (считающийся слишком радикальным), зато в качестве предтеч американской Войны за независимость в него включили Жана Кальвина и Фому Аквинского. Помимо этого, совет вычеркнул из проекта стандарта требование преподавать школьникам, что «конституция запрещает правительству США отдавать предпочтение одной религии в ущерб другим»⁴².

⁴¹ Kleiman, Dena. Influential Couple Scrutinize Books for 'Anti-Americanism' // *The New York Times*, 1981. July 14. P. C1.

⁴² Texas Education Board Approves Conservative Curriculum Changes by Far-Right // *Huffington Post*, 12 May, 2010.

Конфликт вокруг учебников рисует основную линию раскола американского общества в его отношении к прошлому: по одну сторону от нее патриоты, сторонники истории, воспитывающей гордость и гражданственность, уважение к религии и к государству; по другую — либералы, требующие включить в программу знания о «другой стороне» истории, рассказывать об угнетенных, проигравших, непривилегированных группах общества. Очевидно, что первый взгляд более гомогенен, тогда как второй предлагает плюралистический и релятивистский подход к национальному прошлому.

Одним из результатов распространения, а затем доминирования либеральных антирасистских ценностей в американском обществе стало переписывание истории Юга, которую начали изображать более либеральной и толерантной, чем она была на самом деле. Так, в учебник по истории штата Вирджиния для четвероклассников попал миф об участии черных солдат в Гражданской войне на стороне Конфедерации, чего в действительности не было⁴³.

В современном мире школьный учебник не является единственным источником исторических знаний. Связный рассказ о прошлом предлагают многие кинофильмы, компьютерные игры, а также исторические выставки и музеи.

⁴³ Carol Sheriff. Textbook clash in Virginia over Civil War // *The Washington Post*. October 20, 2010.

История II

Выставка «Энола Гэй», или Музейное прошлое

Первым открытым конфликтом по поводу исторической памяти считают в США случай с отменой выставки, посвященной 50-летию атомной бомбардировки Хиросимы⁴⁴. Как известно, утром 6 августа 1945 года американский бомбардировщик В-29 «Энола Гэй» (Enola Gay), названный именем матери командира экипажа полковника Пола Тиббетса, сбросил на японский город Хиросиму атомную бомбу «Малыш» эквивалентом от 13 до 18 килотонн тротила. Общее количество погибших составило от 90 000 до 166 000. Через три дня в войну против Японии вступил СССР, а США сбросили вторую атомную бомбу на Нагасаки. Вскоре после этого Япония капитулировала.

В конце 1994 года главное научно-музейное учреждение США, Смитсоновский институт, объявил о подготовке экспозиции, авторы которой планировали свести вместе два рассказа об атомной бомбе как об оружии, с одной стороны, принесшем мир и победу, а с другой — приведшем к массовой гибели жителей Хиросимы и вызвавшем страх во всем мире. Выставка

⁴⁴ Шейд У. Ранний отблеск бомбы: Истоки холодной войны и проблемы публичной истории // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Вып. 7 (30). <https://history.jes.su/s2079878400008267-1/>.

должна была рассказать о создании атомной бомбы, о решении применить ее против городов Японии, о полете бомбардировщика «Энола Гэй», сбросившего бомбу (самолет должен был стать центральным экспонатом выставки), о результатах бомбардировки, ее роли в окончании Второй мировой и о новой эре холодной войны, которую она возвестила. Директор Национального музея воздухоплавания и астронавтики Мартин Харвит, занявший этот пост в 1987 году, хотел превратить музей в место дебатов по важным для общества темам, а выставка об атомной бомбардировке была частью его планов.

Харвит и весь Смитсоновский институт немедленно стали объектом атаки со стороны патриотических организаций, консервативных политиков и групп ветеранов. Руководство Военно-воздушной ассоциации возмутилось, что экспозиция «рассматривает США и Японию так, будто их участие в войне было морально эквивалентно». Американский легион считал, что критическое обсуждение решения об атомной бомбардировке и демонстрация фотографий ее жертв оскорбляет ветеранов. В сентябре 1994 года дело дошло до обсуждения в Сенате конгресса США, который вынес резолюцию о том, что проект выставки является «ревизионистским и оскорбительным для многих ветеранов Второй мировой войны»⁴⁵.

Авторов выставки обвинили в «похищении истории», «антиамериканизме», искажении истории в угоду «политической корректности», привнесении «контркультурных ценностей» эпохи Вьетнамской войны в описание «последней хорошей войны» Америки. Под влиянием запросов со стороны консервативных СМИ и конгрессменов Национальный музей воздухоплавания и астронавтики отменил выставку, а директор музея Мартин

⁴⁵ Controversy over the Enola Gay Exhibition // Atomic Heritage Foundation. October 17, 2016. <https://www.atomicheritage.org/history/controversy-over-enola-gay-exhibition>.

Харвит подал в отставку, но возмущение продолжалось еще много месяцев. Лидер республиканцев в Сенате Боб Доул в сентябре 1995 года продолжал бичевать «интеллектуальные элиты, которые, кажется, стыдятся Америки», «деятелей образования и профессоров», разрушающих основы единства американцев, «их язык, историю и ценности», приводя в пример несостоявшуюся выставку в Смитсоновском институте⁴⁶.

Прошло еще 20 лет, прежде чем в 2016 году президент США Барак Обама первым из американских президентов посетил Хиросиму и возложил венок к кенотафу (символической могиле) погибших японцев. «Мы разочарованы, — сказал тогда внук японки, пережившей атомную бомбардировку, — что президент не извинился за бомбу, но все же признательны ему за этот визит»⁴⁷.

«Музеи идентичности»

Выставки и музеи предлагают развернутый рассказ о прошлом, и этим близки учебникам. Некоторые музеи «рассказывают» всю историю нации, другие, как и выставки, посвящены отдельным событиям или проблемам, но всегда они предлагают свою версию связи и последовательности событий и потому так же являются предметом внимания политиков и зачастую манипуляций прошлым.

Американские нарративы расколоты по линиям «политики идентичности». Поэтому главные исторические музеи в столице

⁴⁶ Linenthal E. T., Engelhardt T. Introduction: History Under Siege // Linenthal, Edward T., Engelhardt, Tom (eds.). *History Wars: The Enola Gay and Other Battles for the American Past*. New York, 1996. P. 2–4; Harwit, Martin. *An Exhibit Denied: Lobbying the History of Enola Gay*. New York: Springer, 1996.

⁴⁷ Rich, Motoko. *President Obama Visits Hiroshima* // *The New York Times*. May 27, 2016.

страны — филиалы Смитсоновского института — представляют несколько разных репрезентаций прошлого. Музей национальной истории — главный музей, представляющий прошлое нации, — охватывает основные события и социальные перемены от первых английских поселений на американском побережье до современных США. Экспозиция не является непрерывным историческим повествованием, скорее это набор отдельных сюжетов, представляющихся авторам важнейшими, но субъект этой экспозиции — американская нация, и музей рассказывает историю ее становления.

В этом музее традиционно не находилось места истории американских индейцев, и до сравнительно недавнего времени посвященная им экспозиция размещалась в соседнем Музее естественной истории, через несколько залов от динозавров и мамонтов. Однако подъем волны мультикультурализма и рост политики идентичности привел к созданию отдельного Музея американских индейцев (решение о его создании принято конгрессом в 1989 году, открыт в 2004-м), полностью посвященного истории и культуре коренных американцев. И лишь после того, как этот музей заработал, в американской столице началось сооружение Музея афроамериканской истории и культуры (решение принято в 2003 году, открыт в 2016-м). В результате историю американцев сейчас представляют три музея, каждый из которых посвящен одному из нарративов американской идентичности. Очевидно, что на этом дробление нарративов не прекратится: летом 2020 года палата представителей конгресса одобрила закон о создании Музея истории и культуры американцев латиноамериканского происхождения (*latinos*), и в конце года развернулась борьба за поддержку этого решения Сенатом⁴⁸.

⁴⁸ Heana Ros-Lehtinen and Ken Salazar. Where Is the Smithsonian Museum for American Latinos? // *The New York Times*. November 15, 2020.

В России в последние десятилетия можно наблюдать подъем новых нарративов, подчеркивающих локальную идентичность, переосмысление значения краеведческих музеев и конструирование «местных брендов», однако традиционно репрезентации прошлого расколоты у нас по идеологическим линиям. Наиболее выражено здесь противопоставление государственнического нарратива нарративу свободы. Именно отношением к ценности сильного государства и свободы отличаются музейная экспозиция Ельцин Центра в Екатеринбурге или Музея политической истории России в Санкт-Петербурге от нарратива мультимедийных выставок «Россия. Моя История».

Музейные экспозиции: консервативный поворот?

В 2012 году крупнейший исторический музей Канады, Музей цивилизации, был переименован консервативным правительством Стивена Харпера в Музей канадской истории, и в его экспозиции акцент сместился с социальной истории (рассказа о прошлом разных групп населения Канады) на политическую и военную историю страны. Критики утверждали, что это решение превращает прошлое Канады в музейном отражении в часть «партийных планов»⁴⁹.

В 2017 году Музей Второй мировой войны, построенный в Гданьске по уникальному проекту и ориентированный на универсальную перспективу — показ ликов войны в разных частях мира, — оказался не по нраву пришедшей к власти в Польше консервативной партии «Право и Справедливость», в результате чего команда, создававшая экспозицию, была отстранена

⁴⁹ Aronczyk, Melissa, Brady, Miranda J. Branding History at the Canadian Museum of Civilization // *Canadian Journal of Communication*, 2015. Vol. 40. P. 165–184.

от работы, а новое руководство переделывает музей в «национально ориентированный»⁵⁰.

В России большие споры вызвало создание и клонирование в больших городах мультимедийных выставок «Россия. Моя история». Развернутый под эгидой Русской православной церкви при ведущей роли митрополита Тихона (Шевкунова), проект начал постепенно переходить под контроль Российского военно-исторического общества⁵¹. В экспозициях выставок связующую роль играло православие, многие исторические персонажи начиная с эпохи феодальной раздробленности были маркированы как прозападные и антизападные, причем западная ориентация преподносилась как ошибка («Западу доверять нельзя»). Декабристы и диссиденты в экспозиции показаны как заблуждавшиеся люди, игрушка в руках антироссийских сил. Антизападнический и антилиберальный нарратив выставок был сначала иллюстрирован множеством цитат, приписанных известным людям, часть которых на проверку оказались фальшивыми⁵². После этого организаторы выставок обратились к профессиональным историкам и убрали такие цитаты из экспозиции.

Исправление фактических ошибок не изменило основного содержания рассказа о русской истории: он остался антизападным и антилиберальным. В самом деле, многие нарративы

⁵⁰ Clarkem David, Duber, Pawel. Polish Cultural Diplomacy and Historical Memory: the Case of the Museum of the Second World War in Gdansk // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 2020. Vo. 33, P. 49–66.

⁵¹ Казьмина В. П. Исторические парки «Россия — моя история» как отражение трансформаций институционального измерения российской политики памяти // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы: Акторы, институты, нарративы*. — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. — С. 172–187.

⁵² См., в частности: Мосин А. Г. «Моя история» или «Моя мифология»? // *Историческая экспертиза*. 2018. №1 (14). — С. 82–92.

могут существовать как в мифологической, так и в академической форме, сохраняя свои базовые координатные системы.

К музеям как к источнику «документальных» нарративов примыкают документальные фильмы. В январе 2008 года телеканал «Россия» показал документальный фильм «Гибель империи. Византийский урок», автором которого был все тот же влиятельный православный деятель о. Тихон (Шевкунов). Хотя фильм был посвящен падению Византийской империи, автор не скрывал своего намерения использовать историю для доказательства вполне современных идеологем: о предательском Западе, о благе вертикали власти и изгнания олигархов, о проблемах из-за частой сменяемости правителей, о необходимости борьбы с «оранжевой угрозой» (авторы даже рассыпали в кадре апельсины). Ведущий отечественный византист Сергей Иванов дал этому фильму уничтожающую оценку⁵³, но, вероятно, количество посмотревших фильм многократно превышало количество читавших критику профессионала.

⁵³ Сергей Иванов. Факты, основанные на событиях // Ежедневный журнал. Еж.гу. 2008. 1 февр.

Выход телефильма вызвал поток рецензий в периодической печати как в России, так и за рубежом. См., например: Ревзин Г. Гибель истории. Уроки отца Тихона // Коммерсантъ. 2008. 31 янв.; В нужном месте поставили крестик: «Опиум для народа» в жанре исторического детектива // Новая газета. 2008. 4 февр.; A Byzantine sermon: The drawing of inaccurate historical parallels with Constantinople // The Economist. February 14, 2008.

В качестве примера положительной рецензии см.: Византийский набат (письмо пяти историков в редакцию «Независимой газеты») // Независимая газета. НГ-Религии. 2008. 2 апр.; взгляд политолога на ряд кинофильмов, снятых в России об историческом Востоке: Dmitry Shlapentokh. A projection of Moscow's mindset // Asia Times online. June 28, 2013.

Мифы о прошлом

Словом «миф» в одном из значений называют искажение фактов, которое можно опровергнуть с помощью исторического исследования, но оно также обозначает «аффективное усвоение собственной истории», то есть эмоционально насыщенное восприятие образов прошлого, на котором выстраивается собственная идентичность. Этот миф нельзя опровергнуть с помощью исследования, потому что он постоянно обогащается новыми толкованиями⁵⁴.

Нет ничего плохого в мифе или историческом романе, как бы ни критиковали их профессиональные историки. Человечество использовало мифы для объяснения прошлого задолго до появления первых исторических трудов и продолжает мифологизировать прошлое. Художественное описание прошлого пробуждает эмоции и лучше усваивается человеческим сознанием, чем рациональные выкладки историков. Образы XVI–XVII веков, бытующие в культуре и общественном сознании, куда в большей степени определены картиной Ильи Репина «Иван Грозный и сын его Иван» или романом Александра Дюма «Три мушкетера», чем работами ученых. Более того, известный историк Джон Льюис Гэддис считает, что при увеличении масштаба исторического труда работа историка и исторического романиста сближается: историк уже не может опираться исключительно на архивные документы — те слишком конкретны для широкого обобщения — и использует фантазию. Ученый ограничивает свою фантазию известными документами, а писатель может «подправить» прошлое для занимательности сюжета, но способ работы с прошлым при таком масштабе оказывается схожим.

⁵⁴ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. — М.: НЛЮ, 2014. — С. 39.

Однако распространенность мифов о прошлом в современном обществе и их привлекательность для политиков приводит и к серьезным проблемам. Мифы по своей природе создают бинарные оппозиции. Добро и зло, победа и поражение, герои и враги, жертвы и преступники определяют структуру мифа. Внутри общества такое структурирование прошлого приводит к поляризации и чревато расколом, репрессиями и гражданской войной. У этой проблемы существует несколько вариантов решения:

- Вынос ответственности вовне: негативный полюс мифа экспортируется к соседям, внешнему врагу. Этим, например, объясняется популярность двух фальшивых документов: «Плана Даллеса», приписывающего ответственность за российские проблемы действиям ЦРУ, и симметричных американских «Правил коммунистической революции», возлагавших на Советы вину за ограничение продажи оружия и распространение либерализма в США.
- Забвение конфликта (забвение является одним из вариантов памяти). После страшной войны в Европе поколения, ставшие свидетелями и участниками непереносимых трагедий, а где-то и соучастниками преступлений против человечности, старались не обсуждать это недавнее прошлое. Лишь поколение внуков начало «работу памяти», борясь с этим «терапевтическим забвением».
- Перенос отношения к конфликтному прошлому из пространства мифа в юридическую плоскость. Таковы многие решения «комиссий памяти» в странах Латинской Америки, переживших диктатуру и репрессии: обсуждение конкретных преступлений и юридических компенсаций становится там способом преодоления страшного прошлого.

Особую разновидность мифов составляют разнообразные теории заговора, объясняющие ключевые события прошлого целенаправленным воздействием каких-либо тайных сил: масонов, разведок, международных банкиров. Разнообразные виды альтернативной истории приобретают популярность у неискушенных в понимании прошлого людей, обычно разочаровавшихся в профессиональной истории и запутавшихся во взаимоисключающей исторической мифологии. К примеру, академик-математик Анатолий Фоменко предложил в своих работах так называемую *новую хронологию*, отрицающую существование письменной истории до X века нашей эры. Несмотря на очевидную антинаучность этой теории, книги Фоменко и его соавтора Глеба Носовского опубликованы уже общим тиражом 800 000 экземпляров, а в 2019 году в Ярославле его сторонниками был открыт частный «мультимедийный музей», рассказывающий мировую историю с точки зрения «новой хронологии»⁵⁵. «Теорией» Фоменко увлекались люди, имевшие разные взгляды, например бывший чемпион мира по шахматам и оппозиционный деятель Гарри Каспаров и советник президента Путина академик Сергей Глазьев. В недавней статье Глазьева содержится и объяснение популярности «новой хронологии» среди людей националистических взглядов: «Проведенная Фоменко и Носовским реконструкция истории Средних веков, — пишет Глазьев, — ставит Русский мир на подобающую ему высоту центра мировой цивилизации в эпоху традиционного общества»⁵⁶.

⁵⁵ Кузнецов Д. Первый лженаучный? В Ярославле открывают музей «фоменковщины» // Радио Свобода. 2019. 19 ноября. <https://www.svoboda.org/a/30278374.html>.

⁵⁶ Глазьев С. Духовность — категория экономическая // Военно-промышленный курьер. 2020. 15 сент.

Историю нередко называют «социальным клеем» для российского общества. В самом деле, общее прошлое, трагедии и достижения помогают россиянам ощущать себя частью единой нации, и, можно предположить, в гораздо большей степени, чем это могут сделать другие возможные интеграторы — «общие ценности» или институты вроде церкви. Но что означает эта метафора? Как именно работает история в качестве «социального клея»? Важнейшим механизмом является как раз постоянное использование истории в качестве языка разговора об обществе.

Обнаружив, что в понимании современных историков любой дорогой политикам миф должен подвергаться сомнению, власть попыталась убедить историков прекратить публичные выступления и оставить язык прошлого для политического использования. Дмитрий Медведев, будучи президентом, говорил, что «ученые-историки» могут «сесть где-то в тиши кабинета, в библиотеке, и посмотреть: вот есть одна записка, вот есть вторая записка, вот есть исторический документ из МИДа... ученые пусть пишут что хотят, но учебники, общедоступные средства массовой информации все-таки по таким событиям должны придерживаться общепринятой точки зрения»⁵⁷. Один из ведущих представителей исторической политики в России, председатель Российского военно-исторического общества и бывший министр культуры Владимир Мединский, прямо призывал поддерживать мифы, а не историю, потому что люди, по его мнению, «оперируют не архивными справками, а мифами», и относиться к этому факту нужно «трепетно, бережно и осмотрительно»⁵⁸.

⁵⁷ Встреча Дмитрия Медведева и Владимира Путина с пенсионерами и ветеранами // Сайт Президента России. 2011. 17 нояб. <http://kremlin.ru/news/13555>.

⁵⁸ Памятники культурного наследия — стратегический приоритет России // Известия. 2016. 22 нояб.

Иными словами, именно мифологизированная история позволяет говорить о политике предельно понятными и простыми словами. Мифы, в понимании Мединского, и являются теми базовыми понятиями «исторического языка», которые можно использовать в политических целях (в том числе для обращения к «общественному массовому сознанию»).

Историки не услышали странного призыва Медведева к самоцензуре, а откровения Мединского сделали его в глазах профессионалов главным олицетворением политизации истории. Примерно в это же время вольное обращение Мединского с источниками в защищенной им докторской диссертации по историческим наукам стало поводом для заявления о лишении его ученой степени, подписанного учеными-активистами⁵⁹. На статью Глазьева пришлось коллективно отвечать историкам-академикам, директорам институтов РАН⁶⁰.

Более того, в 2014 году историки, обеспокоенные судьбой своей науки перед лицом нарастающего давления со стороны политиков, в том числе использующих для этого механизмы государства, создали Вольное историческое общество, пытающееся противостоять наиболее опасным притязаниям властей на контроль над историей⁶¹. В этих условиях политики,

Мединскому же принадлежит утверждение: «Если вы любите свою Родину, свой народ, то история, которую вы будете писать, будет всегда позитивна. Всегда!» (Мединский В. Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. — М.: ОМГ, 2012. — С. 658.)

⁵⁹ История развития ситуации с рассмотрением диссертации Мединского и комментарии журналистов размещены на сайте «Диссернета». <https://www.dissernet.org/publications/theme/medinskij/>.

⁶⁰ Тишков В. А., Карпов С. П., Липкин М. А., Петров Ю. А., Сиренов А. В. О статье С. Ю. Глазьева «Духовность — категория экономическая» // Отделение историко-филологических наук Российской академии наук. 2020. <http://hist-phil.ru/events/401/>.

⁶¹ Сайт Вольного исторического общества: <http://www.volistob.ru>.

контролирующие государство, в свою очередь, озаботились установлением более жесткого контроля за описаниями Второй мировой войны — того отрезка истории, который служит источником референтных точек, наиболее насыщенных эмоциональным содержанием и потому в меньшей степени подверженных критическому переосмыслению.

История III

Наполеон и Гамильтон, или Прошлое на подмостках, экранах и мониторах

За несколько месяцев до 5 мая 2021 года, дня смерти Наполеона Бонапарта на острове Святой Елены в 1821 году, во Франции разгорелись споры о наследии самого известного соотечественника. Газета *Le Parisien* писала, что готовящимся отмечать годовщину французам будет противостоять «легион врагов императора, таких же решительных, как европейская коалиция при Ватерлоо: феминистки, противники войн, борцы с расизмом и колониализмом». В самом деле, с одной стороны, Наполеона планировали чествовать как автора гражданского и уголовного кодексов, изменивших европейское правосудие, а с другой — порицать как разрушителя республики, «мясника Европы», за время правления которого в одной только Франции погибли и умерли миллион человек. Многие вспоминают, что Бонапарт в 1802 году восстановил рабство, отмененное революцией в 1794 году. «Франция — единственная страна в мире, которая восстанавливала рабство, — возмущался Луи-Жорж Тен, почетный президент Представительного совета ассоциаций темнокожих Франции. — Я не понимаю, почему мы продолжаем прославлять его память как ни в чем не бывало». «Он был расистом, сексистом, деспотом, милитаристом, колонизатором, но все это обычно замалчивается, — говорит политолог Франсуаза

Верже. — Вокруг столько ностальгии по былому величию Франции, что ему все спускают с рук. Пора покончить с этим ослеплением! Как будто французы продолжают греться под обманчивым аустерлицким солнцем».

Глава Фонда Наполеона Тьерри Ленц защищает Бонапарта от нападок, подкрепляя свою точку зрения результатами опросов общественного мнения. Наполеон по-прежнему возглавляет список любимых исторических личностей французов, опережая Шарля де Голля и Людовика XIV: «Люди прекрасно знают, что он восстановил рабство, но его вклад в историю нельзя свести только к этому. Ни один другой персонаж не оставил такого следа в истории, как он. И мы будем единственными, кто им не гордится?»

На 200-летие со дня смерти императора состоялась премьера биографического блокбастера и выставка, посвященная императору. Среди сторонников чествования императора ходили слухи, будто министр культуры пыталась помешать ее проведению. Для успокоения страстей на помощь был призван созданный в 2019 году Фонд памяти о рабстве, который должен был следить за объективностью освещения наследия Наполеона.

Споры о том, следует ли почитать память императора, не утихают. «Пусть идет интеллектуальная дискуссия на эту тему. Но республика не должна чествовать своего могильщика», — считает депутат, историк по образованию Алексис Корбьер. «Хуже всего будет, если мы ничего не сделаем. Если мы захотим почистить нашу историю, наступит время, когда мы уже не будем знать, почему виадук называется Аустерлицким, а авеню — Йена⁶²», — спорит с ним другой историк Жан Тюлар⁶³. 5 мая 2021 года президент Эмманюэль Макрон

⁶² Места победоносных сражений Наполеона. — *Прим. ред.*

⁶³ Charles de Saint Sauveur. Napoléon, le bicentenaire de la discorde // *Le Parisien*, 7.02.2021.

возложил венок к саркофагу императора, сказав в короткой речи, что «Наполеон — это часть нас», и призвав школьников «смотреть в лицо своей истории»⁶⁴.

По другую сторону океана свой подход к дискуссии о соотношении оценки личности и идей, с которыми она ассоциируется, предложили авторы театральной постановки об одном из современников Наполеона. С 2015 года в Соединенных Штатах (а с 2017-го и в Великобритании) с неизменным аншлагом идет мюзикл «Гамильтон» Лина-Мануэля Миранды. В этом мюзикле, поставленном по мотивам биографии одного из отцов-основателей США Александра Гамильтона, используется современная музыка, включая рэп и хип-хоп, а роли белых исторических персонажей принципиально исполняют небелые актеры. Автор таким образом напоминает зрителям в XXI веке, что американская история и заслуга создания Соединенных Штатов принадлежат не только белым людям. «Это история о тогдашней Америке, рассказанная Америкой сегодняшней, и мы хотим уничтожить дистанцию между современной аудиторией и этим рассказом», — объяснял Миранда⁶⁵. «Наши актеры выглядят так, как Америка выглядит сегодня, и это наше сознательное решение»⁶⁶.

В этом описании можно найти два уровня смыслов. Выход этого мюзикла совпал с началом открытых столкновений вокруг памятников деятелям Конфедерации, а потом и другим «великим белым», став одним из главных свидетельств переосмысления американской истории как истории американского

⁶⁴ Дудина, Галина. «Наполеон Бонапарт — это часть нас» // Коммерсантъ. 5 мая 2021.

⁶⁵ Delman, Edward. How Lin-Manuel Miranda Shapes History // *The Atlantic*. September 29, 2015.

⁶⁶ Paulson, Michael. 'Hamilton' Heads to Broadway in a Hip-Hop Retelling // *The New York Times*. July 12, 2015.

Исполнитель заглавной роли Лин-Мануэль Миранда (он же автор мюзикла) и другие небелые актеры, играющие в мюзикле «Гамильтон» отцов-основателей США. *Carlos Giusti / AP Photo / East News*

общества в его сегодняшнем виде. Поскольку в нем уже нет доминирования одной расы, то и Америка XVIII века рисуется разными красками. В мюзикле можно увидеть черных актеров в ролях отцов-основателей, при этом делается попытка сохранить основные идеи, сформулированные Гамильтоном и его современниками, отделить провозглашенные ими ценности от их расы, не допустить, чтобы с отрицанием белого доминирования в истории были отвергнуты и достижения политической теории и практики предыдущих поколений американцев⁶⁷.

⁶⁷ Подробнее о спорах историков вокруг мюзикла «Гамильтон» см.: Ходнев А. С. История про Америку в то время, рассказанная Америкой нашего времени // Диалог со временем. 2019. №67. С. 114–128.

Киноиндустрия

Вряд ли что-то сравнится по эмоциональному влиянию на массы людей с кинофильмами; многие образы прошлого существуют в общественном сознании в том виде, в котором их преподнесли зрителям сценаристы и режиссеры. Уже в силу этого разговор о нарративах будет неполным без упоминания киноиндустрии.

Голливуд всегда рассматривался в США как важная политическая сила. В годы войны американское кино работало над созданием образа советского союзника. Например, в 1943 году на экраны вышел фильм Майкла Кертиса «Миссия в Москву», снятый на основе мемуаров американского посла в СССР Джозефа Дэвиса, оправдывавшего сталинские процессы над «врагами народа». Голливуду надо было обелить Сталина и его репрессии, чтобы союзник вызывал доверие. В годы холодной войны и расцвета маккартизма Голливуд осуждали за те же самые фильмы как за просоветскую пропаганду. Кинокартина «Унесенные ветром» (1939) оказалась настолько успешной в создании романтического образа американского Юга эпохи Гражданской войны, что уже в XXI веке в разгар нового обострения боев за историю ведущая телесеть HBO удаляла ее из доступа, и фильм вернулся в каталог только снабженный комментариями о неточности изображения Юга⁶⁸.

Американский кинематограф сыграл значительную роль во введении в поле общественных дебатов проблем «трудного прошлого». Так, фильм Кевина Костнера «Танцующий с волками» (1990) знаменовал поворот в отношении к истории американских войн с индейцами. Несмотря на то что правые утверждали, что автор героизировал индейцев сиу, тогда как они были

⁶⁸ Kilkenney, Katie. 'Gone With the Wind' Returns to HBO Max, With Context // *The Hollywood Reporter*. June 24, 2020.

самым кровожадным племенем, с которым столкнулись белые⁶⁹, а позднее левые критиковали сюжет, в котором белый герой становится спасителем племени, за проявление «белого патернализма»⁷⁰, индейцы сиу приняли Костнера в почетные члены племени, признавая его роль в смене господствовавшего столет нарратива⁷¹.

Быстрое изменение представлений о прошлом, происходящее в результате политической борьбы в настоящем, осмысливается режиссерами и в «тексте» самих блокбастеров. К примеру, один из фильмов франшизы «Терминатор» («Терминатор. Генезис» режиссера Алана Тейлора, снят в 2015 году) начинается с того, что героя отправляют в прошлое, чтобы защитить слабую женщину (Сару Коннор), как в знакомом всем первом «Терминаторе» (1984), однако, оказавшись в 1984 году, герой встречает совершенно другую Сару Коннор — самостоятельную, сильную и воинственную женщину. Так авторы буквально изобразили изменение прошлого в результате побед феминизма в настоящем. Блокбастер «Довод» Кристофера Нолана, вышедший 2020 году, эксплуатирует страх перед будущим, стирающим настоящее, которое этому будущему не нравится. Такой страх, очевидно, связан с сегодняшним пересмотром прошлого, ставшим одной из главных тем 2020 года.

Выход голливудских блокбастеров часто приурочен к важному политическому событию вроде выборов⁷², но доля

⁶⁹ Grenier, Richard. Hype in Wolves' Clothing: The Deification of Costner's Dances // *Chicago Tribune*. March 29, 1991.

⁷⁰ Sirota, David. Oscar loves a white savior // *Salon*. February 22, 2013.

⁷¹ Svetkey, Benjamin. The unexpected success of "Dances With Wolves" // *Entertainment Weekly*. March 8, 1991.

⁷² См., например, анализ связи между выходом фильма «Линкольн» Стивена Спилберга и выборами 2012 года: Юсев А. Кинополитика: Скрытые смыслы современных голливудских фильмов. — М.: Альпина Паблишер, 2017. — С. 180–205.

собственно исторического кино в США меньше, чем в современной России. Из 100 самых популярных российских кинофильмов 2000–2015 годов 27 являются историческими картинами или же включают в себя фантазийные образы прошлого, в то время как из 100 американских фильмов за тот же период только 8 можно назвать историческими⁷³. При этом надо отметить, что увеличение роли российского государства в киноиндустрии совпало с ростом количества картин на историко-патриотическую тематику.

В 2009 году в России был создан «Фонд кино», с помощью которого политики, возглавляющие государство, финансируют киноиндустрию и могут оказывать на нее влияние. В 2013 году Министерство культуры начало поддерживать «общественно важные фильмы», в список которых попали все военно-исторические картины, что сделало для продюсеров очень выгодным выбор этого жанра — в некоторых случаях государство полностью покрывало расходы на производство таких кинолент. Именно в этом году министр культуры Мединский призвал директора «Фонда кино» сконцентрироваться на съемках «блокбастеров, хороших, кассовых, больших, социально значимых фильмов», причем это должны были быть патриотические фильмы, «после которых хочется жить, и желательно здесь»⁷⁴. В том же году Путин сообщал о двадцатикратном увеличении финансирования российского кинематографа по сравнению с 2000 годом.

Картины на историческую тему составляют весьма заметную долю финансируемых государством фильмов. Наиболее

⁷³ Isaev, Egor. *The Militarization of the Past in Russian Popular Historical Films // Ideology After Union: Political Doctrines, Discourses, and Debates in Post-Soviet Societies* / Eds. Alexander Etkind and Mikhail Minakov. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2020. P. 242–243.

⁷⁴ Фонд кино должен сконцентрироваться на блокбастерах — Мединский // РИА Новости. 22.05.2013. <https://ria.ru/20130522/938781826.html>.

известными стали фильмы о военной и спортивной истории и о космосе — о том, чем гордятся россияне: «Сталинград», «Движение вверх», «Лед», «Легенда №17», «Салют-7», «Т-34». Другие фильмы оспаривают элементы «устаревшего нарратива», сложившиеся на протяжении поколений оценки событий и явлений прошлого. Так, создателей фильма «Союз спасения» многие рецензенты обвинили в искажении образа декабристов ради идеи о бессмысленности выступлений против власти. В самом деле, продюсер фильма Анатолий Максимов утверждал, что идея фильма пришла к нему и руководителю Первого канала во время протестов на улицах Москвы зимой 2011–2012 года: «Однажды Константин Эрнст сказал: “Слушай, это же 1825 год!”» В том же интервью он называл декабристов «креативным классом», используя словосочетание, ставшее популярным в 2012 году, а потом объяснял мотивы выбора музыкальных тем «Союза спасения»: «В партитуру Дмитрия Емельянова вплетены разные мелодии 1990-х годов, воздуха свободы и ветра перемен... У многих, кто будет смотреть “Союз спасения”, — это музыка из своего личного прошлого, вызовет свои переживания, и нам это было очень важно, чтобы сблизить времена»⁷⁵.

Критически настроенный Антон Долин именно эту идею в фильме и уловил: «В разгаре “московское дело”, где реальные сроки получают люди, бросившие в росгвардейца пластиковый стаканчик или случайно схватившие его за руку, и президент вслух это одобряет («А потом стрелять начнут!» — ну прямо как декабристы). Сфабрикованное дутое дело «Нового величия» могло бы показаться пародией на процесс декабристов — если бы только не унижения и пытки, которым подвергаются

⁷⁵ Продюсер фильма «Союз спасения» Анатолий Максимов: «Если бы декабристы победили, в России почти наверняка началась бы гражданская война» // Комсомольская правда. 2019. 19 дек.

ничего не совершившие молодые люди». Долин считает, что «Союз спасения» выглядит как «одобрение политики государственного террора по отношению к несогласным»⁷⁶. Существует мнение, что все современное российское кино использует прошлое для утверждения нарратива об универсальном могуществе государства и слабости общества⁷⁷.

Ряд исторических фильмов оказался успешным в прокате, другие провалились, однако исследователи кинополитики утверждают, что Министерство культуры рассматривало патриотизм как важный фактор при решении о финансировании новых работ⁷⁸. Для продюсеров и режиссеров, однако, создание новой картины является процессом «медиации» между замыслами чиновников и запросами зрителя. Фильмы и отвечают на эти запросы, и формируют их. Исследователи отмечают, что водораздел можно провести примерно по 2008 году: в исторических фильмах, снятых до этого года, критически оценивается прошлое России, зачастую они содержат оценку государства как источника насилия. Фильмы, снятые после 2008 года, сосредоточены на конфликте с внутренним или внешним врагом; «история больше не источник новых вопросов, а попытка найти простые ответы»⁷⁹.

⁷⁶ «Союз спасения» — монархический блокбастер о восстании декабристов, который осуждает и не жалеет бунтующих интеллигентов // Медуза. (Meduza.io). 2019. 24 дек.

⁷⁷ Архангельский А. Контролер у входа в зал. Коды лояльности как основа кино эпохи путинизма // The Insider (theins.ru). 2019. 14 авг.

⁷⁸ Савина С. Кино не для всех. Исследование о том, насколько эффективен российский патриотический кинематограф // Проект (proekt.media). 2019. 18 апр.

⁷⁹ Isaev, Egor. The Militarization of the Past in Russian Popular Historical Films // Ideology After Union: Political Doctrines, Discourses, and Debates in Post-Soviet Societies / Eds. Alexander Etkind and Mikhail Minakov. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2020. P. 248.

В 2016 году разногласия между государственными мифотворцами и сторонниками документального подхода к прошлому приобрели публичную форму, когда директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко опубликовал на сайте архива данные о том, что «подвиг 28 панфиловцев» под Москвой осенью 1941 года в том виде, в каком он вошел в учебники, был изобретением военной пропаганды⁸⁰. Министр Мединский, который только что поддержал съемки кинофильма «28 панфиловцев», публично отчитал Мироненко, заявив, что «руководители госархивов должны вести свои исследования, но жизнь такова, что люди оперируют не архивными справками, а мифами»⁸¹. Вскоре Сергей Мироненко вынужден был уйти с должности директора архива.

Компьютерные игры

Для молодых поколений компьютерные игры (раньше их называли видеоиграми) стали важным источником информации о мире, в том числе об образах прошлого. При очевидной условности игровых «миров» они задают рамки представлений об истории, ее взаимосвязях или о возможных альтернативах, «развилках». Множественность вариантов развития, заложенная в большинство компьютерных игр, созданных по мотивам реального прошлого, вероятно, помогает формировать гибкость в выборе исторических нарративов. Стратегические игры, такие как «Цивилизация» (Civilization) Сида Мейера, имели явный обучающий элемент, связывающий последовательности

⁸⁰ Справка-доклад главного военного прокурора Н. Афанасьева «О 28 панфиловцах» // Государственный архив Российской Федерации. <http://statearchive.ru/607>.

⁸¹ Памятники культурного наследия — стратегический приоритет России (интервью министра культуры РФ Владимира Мединского) // Известия. 2016. 22 ноября.

технологического, культурного, военного и политического развития в единое полотно.

Однако особое внимание исследователей и политиков привлекают игры, симулирующие войны и боевые столкновения. Так, в 2013 году аргентинские разработчики модифицировали игру о противостоянии террористам Counter-Strike таким образом, что террористами в ней оказались британцы, вторгшиеся на Мальвинские (Фолклендские) острова. Корни конфликта между Аргентиной и Великобританией по поводу принадлежности этого архипелага уходят в начало позапрошлого столетия, а в 1982 году две страны воевали после попытки Аргентины вернуть себе контроль над островами с помощью военной силы. Игра развивается в жанре альтернативной истории, в которой Аргентина победила в войне и теперь защищает Мальвины от британских «террористов»⁸². Это вызвало нешуточный скандал в Великобритании, а хакеры предприняли массированную атаку на серверы игры, чтобы прекратить ее использование. Конфликты по поводу такой «измененной реальности» в мире компьютерных игр затрагивают большинство крупных проблем международной политики, ведь эти игры позволяют «переиграть» неудачное прошлое.

Важной проблемой в видеоиграх является определение врага. Повторяющееся изображение каких-то людей в качестве врагов влияет на картину мира, подсознательно складывающуюся у игрока. Особенно ярко это проявляется в шутерах, играх «стрелялках» от первого лица. Проведившиеся исследования почти шести десятков компьютерных игр, популярных к началу 2010-х, показали, что в качестве врагов после «неопределенных людей» первое место занимают «русские» (12 игр из 57), за ними следуют «инопланетяне» (11 игр), потом ближневосточные (6)

⁸² Argentines kill British 'terrorists' in Falklands-based game // AFP News. March 28, 2013.

и латиноамериканские (5) террористы и, наконец, враги времен Второй мировой войны (нацисты и японцы) и «монстры», включающие зомби и мутантов (по 4 игры)⁸³.

В России проходили кампании за прекращение распространения игр, в которых происходит нечто вроде событий игры *Company of Heroes 2*, в которой красноармейцы сжигают дома с мирными жителями, расстреливают польских партизан и отступающих солдат. В последние годы сильные позиции в разработке компьютерных игр заняли российские и белорусские компании (например, белорусская студия *Wargaming*, работавшая *World of Tanks*) — в их играх, конечно, русские изображены с большей симпатией⁸⁴.

В 2011 году президент Медведев предлагал поддержать создание компьютерных игр, основанных на материалах отечественной истории, для развития интереса молодежи к прошлому. В качестве образца Медведев упомянул игру *World of Warcraft*, «в которую играют десятки и сотни миллионов людей, не только дети, но и взрослые особи, которые проживают в ней часами. Помимо деструктивных начал, в этой игре есть серьезная подоплека, связанная с развитием человеческой цивилизации»⁸⁵.

⁸³ Valeriano, Brandon and Habel, Philip. Who Are the Enemies? The Visual Framing of Enemies in Digital Games // *International Studies Review*. Vol. 18, Issue 3, September 2016. P. 462–486.

⁸⁴ Грибан О. Н. Трансформируя память: Отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // *Педагогическое образование в России*. 2017. №2. — С. 32–38.

⁸⁵ Медведев предложил создать российский аналог *World of Warcraft* по мотивам отечественной истории // *NEWSru.com*. 2011. 22 июля. <https://www.newsru.com/russia/22jul2011/wowrus.html>.

Эпилог

Никита Михалков против Ельцин Центра

В декабре 2016 года режиссер и общественный деятель Никита Михалков выступил на слушаниях в Государственной думе с резкой критикой концепции екатеринбургского Президентского центра Бориса Ельцина (Ельцин Центра). «В Екатеринбурге существует Центр, в котором осуществляют ежедневные инъекции разрушения самосознания людей... Это вопрос национальной безопасности, каждый день сотни детей ходят туда, они получают этот яд»⁸⁶. Поводом для такого заявления стал открывающий экспозицию музея мультипликационный ролик, просмотренный знаменитым режиссером. Этот менее чем десятиминутный мультфильм представляет собой краткий рассказ о российской истории, в котором она показана как борьба за народовластие и череда реформаторских попыток прорваться к свободе, регулярно подавляемых деспотизмом. Такое изложение очевидно противоречит более распространенному взгляду на историю страны как на постоянное укрепление государства, развивающего Россию в правильном направлении и оберегающего ее от внешних врагов. Михалков и его сторонники восприняли мультфильм как вызов этим представлениям

⁸⁶ Михалков просит скорректировать программу Ельцин Центра в Екатеринбурге // ТАСС. 2016. 9 дек. <https://tass.ru/obschestvo/3857045>.

о тысячелетней истории, что и вызвало его атаку на Ельцин Центр как на создателя «ядовитого» нарратива.

Конфликт утих сам собой, но его возникновение свидетельствует о том, что появление альтернативного нарратива русской истории в общественном пространстве вызывает агрессивное сопротивление сторонников гегемонной версии, и ужиться двум рассказам оказывается нелегко.

Часть вторая
Овеществленное
прошлое

Пролог

Захват Капитолия

6 января 2021 года группа американцев, поддерживавших президента Дональда Трампа, ворвалась в здание Капитолия в Вашингтоне и в течение нескольких часов оккупировала часть здания высшего законодательного органа страны. После речи Трампа, обвинявшего своих противников в фальсификации избирательного процесса, тысячи его сторонников направились к зданию конгресса США, где происходила формальная процедура утверждения результатов выборов. После того как толпа смяла охрану Капитолия, полиция эвакуировала конгрессменов и сенаторов. Мятежники несколько часов занимали здание, громя офисы сенаторов-демократов и фотографируясь в интерьерах Капитолия, прежде чем Трамп обратился к ним с просьбой идти домой, и Национальная гвардия вытеснила мятежников из помещений.

Фотографии этого торжества анархии облетели страницы средств массовой информации. Многие из этих снимков запечатлели одного из нападавших, гордо демонстрирующего боевой флаг Конфедерации (созданного в 1861 году рабовладельческими штатами мятежного государства, которое сокрушила федеральная армия в ходе кровопролитной Гражданской войны 1861–1865 годов). Флаг времен Гражданской войны стал одним из символов набравшего обороты в период президентства Дональда Трампа в 2017–2021 годах противостояния двух Америк. Вокруг него кипят яростные

Захватчик Капитолия с флагом мятежа. 6 января 2021 года.

Mike Theiler / Reuters

споры, выносятся политические и судебные решения, вспыхивают бытовые конфликты и совершаются преступления. В нем видят символ рабовладения, расизма и «белого превосходства», но также «гордости Юга», верности старому доброму прошлому и отрицания либеральных ценностей, провозглашаемых современной Америкой. Кроме того, этот флаг давно приобрел и значение универсального «символа мятежников»; именно в этом качестве его используют байкеры, не всегда помнящие о том, во время какого именно мятежа появился этот символ. Прошлое наполняет сегодняшнюю политику в Соединенных Штатах.

Прошлое, пригодное для политического использования, существует не только в нарративе учебников и кинофильмов. Оно присутствует в «овеществленной» форме, является символом коллективной идентичности и поводом для ритуалов памяти. При этом у разных групп отношение к символам и сам

их набор могут быть противоположными, так что политическое противостояние проявляется в конфликте вокруг них⁸⁷.

Для политиков имеет значение накопление символов, которые можно интерпретировать в своих целях (например, как доказательство легитимности существующего режима). Конечно, памятники рано или поздно теряют свое «воспитательное» значение, их перестают воспринимать как символизирующие ту или иную идею, и они превращаются в обычные (не нагруженные смыслами) элементы городской среды. В современном Париже слишком мало монархистов, чтобы памятник королю Генриху IV мог стать центром политической активности. Однако в момент смены повестки дня для большинства людей обращение к прошлому основано на его доступных репрезентациях. Если историк за ответами на свои исследовательские вопросы идет в архивы, то большинство неисториков обращаются к окружающей их символической вселенной. Таким образом, заполнение общественного пространства и сознания символическим отражением «гегемонного нарратива» (той версии прошлого, которую отстаивает властная элита) обеспечивает поддержание этого нарратива в случае кризиса: ведь ответы на свои вопросы люди будут искать внутри того же символического пространства. Соответственно, набор памятников служит стабилизации общества, консервированию его ценностей. Революционный взрыв разрушает эту символическую среду и создает новую, легитимирующую другой взгляд на воплощенные в героях прошлого ценности общества.

Вновь обращаясь к географии в поисках метафоры, можно сказать, что символическое наполнение пространства создает своего рода русло реки, по которому текут воды последующих

⁸⁷ См.: Махотина Е. Преломления памяти: Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. — СПб.: Издательство ЕУСПБ, 2020. — С. 226.

идейных кризисов. Эти кризисы, в свою очередь, приводят к появлению «осадков»: острая повестка дня оседает в символах, «седиментируется», меняя русло. Радикальная смена власти означает и смену представлений о героях, требующую изменений мемориального ландшафта. В современных США мы не видим основных признаков революции, и тем не менее демонтаж памятников является косвенным свидетельством глубины переживаемых американским обществом перемен.

История IV

Шарлотсвилл, или Трагедия монументальной пропаганды

12 августа 2017 года автомобиль, управляемый 20-летним Джеймсом Алексом Филдсом-младшим, врезался в группу демонстрантов в городе Шарлотсвилле, убив 32-летнюю Хизер Хайер и покалечив еще 19 человек. К этому моменту страсти в городе были накалены. Местные власти приняли решение убрать стоявшую в центре города статую генерала Роберта Эдварда Ли. Узнав об этом, в город съехались крайне правые для защиты памятников героям Конфедерации. Их митинг проходил под лозунгом «Объединяем правых» (Unite the Right). В ответ на это в Шарлотсвилл прибыли другие активисты, которые хотели противопоставить свой протест этому собранию. Именно эта группа активистов и стала мишенью водителя-террориста.

Памятник Ли был заказан за сто лет до описываемых событий, в 1917 году, и стоял на своем месте с 1924 года, но в 2017-м власти города решили избавиться от статуи на волне протестов против прославления рабовладельческой Конфедерации. После трагических событий августа 2017 года памятник полностью задрапировали черной пленкой, но в феврале 2018-го суд потребовал от городских властей открыть статую.

Это событие стало кульминацией борьбы за удаление из общественных мест символов Конфедерации Юга,

развернувшейся в 2015–2017 годах. Как мы теперь знаем, за этой волной в 2020 году последовала более мощная, которая не ограничилась сношением памятников героям Юга и охватила не только Соединенные Штаты.

Шарлотсвиллская трагедия дает нам повод обсудить несколько тем.

Довоевать Гражданскую?

Соединенные Штаты долгое время служили исследователям исторической памяти примером сосуществования разных систем коммеморации. К югу от линии, разделявшей штаты, верные федеральному правительству США, и Конфедерацию, почти невозможно найти памятники президенту Аврааму Линкольну, зато там до последнего времени во множестве стояли памятники президенту КША Джефферсону Дэвису и, конечно, генералу Роберту Э. Ли, напрочь отсутствующие на Севере. Неширокая река Потомак отделяет мемориал Линкольна в Вашингтоне от хайвея имени Роберта Э. Ли на вирджинском берегу.

Гражданская война в США завершилась почетной сдачей генерала Ли, и дальнейшие усилия общества и государства были направлены в значительной степени на реинтеграцию Юга в состав США, что подразумевало и сохранение южного нарратива войны с его представлением об «обреченной, но благородной борьбе». На многочисленных памятниках павшим южанам эта идея примерно так и выражается: «They fought and died for their convictions, performing their duty as they understood it» («Они сражались и погибли за свои убеждения, выполнив свой долг так, как они его понимали»). На Юге сложился своего рода культ Ли как великого полководца, мудрого политика и человека безупречных моральных качеств. Памятники генералу стоят во множестве населенных пунктов, его именем

названы города, школы и проспекты. В Вирджинии существует и Университет Вашингтона и Ли, в названии которого объединены имена первого президента США и военного лидера Конфедерации. Историческая память США удивительным образом сочетала два разных образа ключевого события в истории страны, закрепив компромисс «двух Америк», и это оставалось важным доводом в пользу того, что свобода слова позволяет обществу обойтись без единого взгляда на историю⁸⁸.

Однако во второй половине прошлого века в американском обществе происходило постепенное переосмысление Гражданской войны. На первый план выходила проблема рабства афроамериканцев, и образ Конфедерации как «благородного, но проигранного дела» покрывался все большими пятнами.

Первые признаки того, что сосуществованию двух символических вселенных приходит конец, появились на рубеже XX–XXI веков. Сначала под ударом оказался флаг Конфедерации (точнее, боевой флаг армии Северной Вирджинии, на основе которого был сделан флаг Конфедерации, использовавшийся в 1863–1865 годах). В конце XIX века синий Андреевский крест со звездами на красном полотнище стал флагом штата Миссисипи, однако для остальной страны он на протяжении почти целого века оставался скорее атрибутом исторических кинофильмов вроде «Унесенных ветром». Однако в конце 1950-х, когда движение за гражданские права начало борьбу против сегрегации афроамериканцев, этот флаг стал активно использоваться сторонниками сохранения разделения школ и общественных мест по расовому признаку. По их мнению, Юг в это время, как и столетие назад, боролся за права штатов, и флаг был символом такого сопротивления. В 1956 году флаг Конфедерации стал частью официального флага Джорджии, а в 1961-м

⁸⁸ См.: Колоницкий Б. И. Преодоление гражданской войны: случай Америки... // Звезда. 2007. №1.

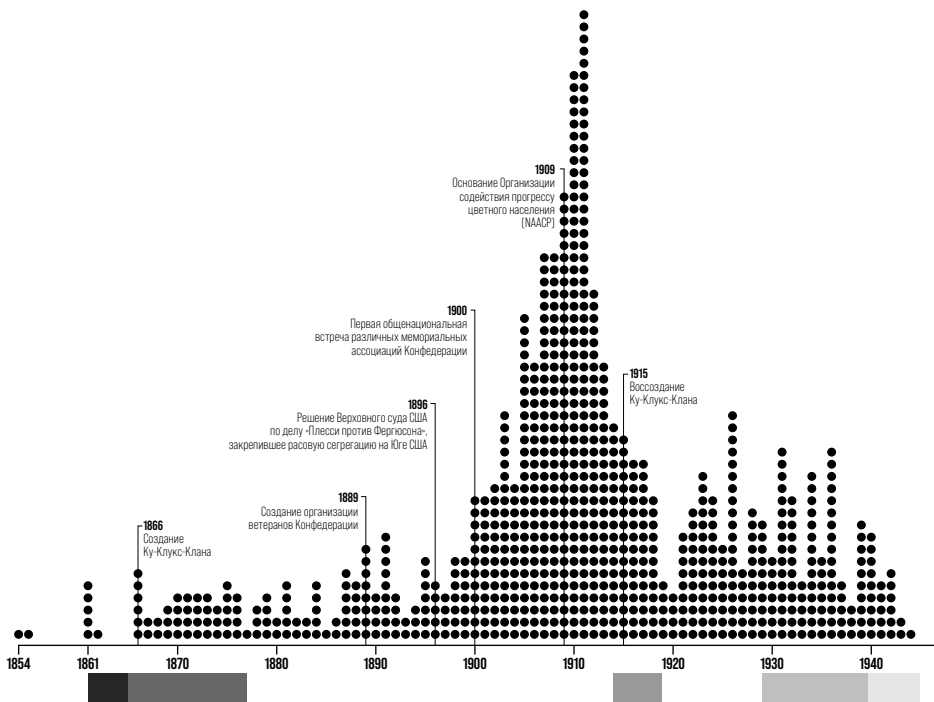
легислатура Южной Каролины постановила поднять его над куполом капитолия штата.

Новое тысячелетие началось с критики этой практики. Защитники флага апеллировали к традициям и доблести Юга, однако тот факт, что в XX веке его поднимали именно сторонники сегрегации, не позволил отделить этот символ от угнетения и рабства, с которыми он ассоциировался. В результате протестов общественности Южная Каролина в 2000 году перенесла флаг с купола своего капитолия к монументу солдатам Конфедерации, а в 2001 году от использования флага полностью отказалась Джорджия.

Новый натиск на коммеморацию Конфедерации начался в 2015 году. В тот год белый расист расстрелял нескольких черных прихожан в церкви Чарльстона, штат Южная Каролина, а в его профиле на фейсбуке обнаружили фотографию с флагом КША. Это послужило стартом для кампании за отказ от флага. Он был объявлен символом расизма и рабовладения, флаг удаляли даже из компьютерных игр.

Памятники генералу Ли тогда еще не трогали. Но в мае 2017 года дело дошло и до них. Пример показал Новый Орлеан, где (со ссылкой на ту же трагедию 2015 года) демонтировали первый из таких памятников. Снос проводили ночью, под сильной вооруженной охраной и на машинах с закрытыми номерами (в адрес рабочих поступали угрозы).

Логика тех, кто выступал за снос памятников, ясна: Конфедерация существовала, чтобы сохранить рабство чернокожего населения, и коммеморация военных деятелей КША оскорбительна для потомков рабов и для всех, кто считает рабство морально неприемлемым. «Это не просто памятники из камня и металла, — объяснял свое решение мэр Нового Орлеана. — Это не просто невинные символы наследия и почитания прошлого. Их целью является намеренное празднование выдуманной и искаженной истории Конфедерации, игнорирующей

смерть, рабство и террор — линчевание афроамериканского населения, за которое они выступали»⁸⁹. В Дареме, Северная Каролина, толпа снесла памятник рядовому солдату Конфедерации. Защитники этого действия высказывали довод, что увековечение солдата означает мемориализацию дела, за которое он боролся.

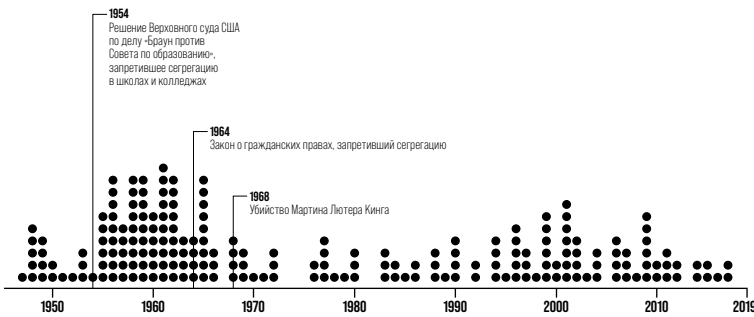
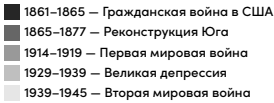
Логика защитников монументов Юга тоже понятна: либералы и левые покушаются на их историческую идентичность,

⁸⁹ Whose Heritage? Public Symbols of the Confederacy // Southern Poverty Law Center URL: <https://www.splcenter.org/20190201/whose-heritage-public-symbols-confederacy>.

Время установки памятников конфедератам в США

Источник: www.splcenter.org.

- Количество установленных памятников конфедератам в США, а также переименования в их честь школ, колледжей, дорог

называют героев преступниками и пытаются довоевать Гражданскую. Эти защитники уверены, что памятники конфедератам посвящены «доблести, отваге и преданности солдат, сражавшихся за защиту своего государства. Подавляющее большинство из них были настоящими патриотами, никогда не имели рабов и не воевали за сохранение института рабства. Напротив, они отдали жизни за свое государство, свою землю, свои дома и свои семьи»⁹⁰. В целом в защиту монументов выступила

⁹⁰ Deming, M. E., Boone, K. Symbolic Conversations in Public Landscapes of the American South: Revisiting the Confederate Legacy // Berr, K. Landschafts-konflikte. Wiesbaden: Springer VS, 2019. P. 543.

консервативная часть Америки, южане, — самые традиционные слои общества, среди которых были и откровенные расисты, сторонники «белого превосходства», и более умеренные романтические почитатели южного мифа.

О чем же свидетельствует обострение конфликта по поводу прошлого, случившееся в 2017 году?

Прошлое как орудие перехвата политической повестки

Посмотрим, есть ли что-то общее в контекстах двух крупнейших конфликтов по поводу памяти, произошедших в недавней американской истории. Исследователи связывают обострение исторических битв вокруг выставки «Энола Гэй» 1995 года с реформированием повестки дня Республиканской партии, которая, потеряв в начале 1990-х контроль над Белым домом и Конгрессом, попыталась мобилизовать консервативный электорат с помощью поворота к истории, укреплявшего патриотически-националистический этос республиканцев⁹¹.

В свою очередь, победа Дональда Трампа на президентских выборах 2016 года дала надежду тем самым жителям американской глубинки, что тренд на вымывание их идентичности будет развернут вспять. Под этим углом зрения приход Трампа стал реваншем за президентство Обамы. Долгое время считавшие себя притесняемыми находившиеся в глубокой обороне антилиберальные группы американцев решили, что времена наконец изменились. Для многих из них именно миф о Конфедерации является важным символом сопротивления либеральному федеральному центру.

⁹¹ Toth G. The Politics of Public Memory in the United States // Kryštof Kozák, György Tóth, Paul Bauer, Allison Wanger. Memory in Transatlantic Relations: From the Cold War to the Global War on Terror. London, 2019.

Теперь уже либералы, увидевшие в приходе Трампа угрозу либеральному порядку, вышли на улицы. Снос памятников деятелям Конфедерации стал одним из способов мобилизовать либеральную часть американского общества, найти новую платформу для усиления деморализованной проигрышем Демократической партии. Для многих — с обеих сторон — происходящая битва за символы стала решающей битвой за Америку.

Мы видим, что американские «войны памяти» обострились в моменты, когда одна из ведущих партий оказывалась в глубоком кризисе. Атака на инициативы и символы доминирующего подхода к прошлому (на попытку многосторонней оценки атомной бомбардировки Хиросимы в период президентства Билла Клинтона и на памятники Конфедерации во времена Дональда Трампа) является способом мобилизации активистов и создания объединяющей идейной платформы, не связанной с конкретной повесткой дня, которая в такие моменты еще не сформирована.

Памятники на страже стабильности и революционный процесс

Во времена стабильности, когда долго не меняются доминирующие интерпретации мира (дискурс гегемонии, если использовать терминологию Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф⁹²), памятники становятся частью городского пейзажа, архитектурными приметами пространства. Если интерпретации не меняются в течение жизни нескольких поколений, то значительная часть памятников начинает выполнять функцию напоминания о событиях и людях, актуальность которых больше не ощущается обществом. Пользуясь определением Поля Рикёра, это

⁹² Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy*. L.: Verso, 1985.

можно назвать «навязанной памятью»⁹³, в которой доминирующая группа определяет, что надо помнить, а о чем обществу лучше забыть.

Но периодически в ткани исторической реальности случаются разрывы. В революционные эпохи меняются интерпретации и оценки. Что происходит в эти периоды с пространством символов? В зависимости от радикализма новой элиты и ее идей она либо сносит памятники и ставит свои (как вариант, восстанавливает памятники, снесенные в предыдущем цикле), либо устанавливает собственные памятники рядом со старыми.

Памятники, поставленные когда-то для утверждения общественных идей путем прославления людей, олицетворявших эти идеи, теряют свои свойства по мере смены ценностных ориентиров. Эта смена может быть мгновенной, революционной, либо растягиваться на поколения, пока в какой-то момент молодежь не осознает, что ей далеки идеалы, воплощенные в каменных людях на площадях современных городов.

Каждая революция сопровождалась сносом памятников, поставленных старым режимом. Первым памятником, снесенным когда-то американцами, была конная статуя короля Георга III, установленная в Нью-Йорке в 1770-м; в июле 1776 года ее разрушили жители, вдохновленные публичным чтением только что принятой Декларации независимости, устроенным по указанию генерала Вашингтона⁹⁴.

Богатая революциями история Парижа позапрошлого столетия может быть рассказана как повесть о памятниках. В годы Французской революции XVIII века в столице уничтожили памятники Бурбонам — основателю династии Генриху IV

⁹³ См.: Рикёр П. Память, история, забвение. — М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.

⁹⁴ Brown, Thomas J. *Civil War Monuments and the Militarization of America*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2019. P. 1.

и Людовику XIV. В эпоху Наполеона в память о победах императора на месте памятника Людовику была установлена Вандомская колонна, увенчанная бронзовой статуей Бонапарта. В 1818 году, во времена Реставрации, эту статую переплавили, вновь отлив из ее металла памятник Генриху IV. При следующей смене власти, в 1833 году, колонну снова увенчала статуя Бонапарта. Через несколько десятилетий Вандомскую колонну снесла новая революция: 12 апреля 1871 года Парижская коммуна приняла декрет:

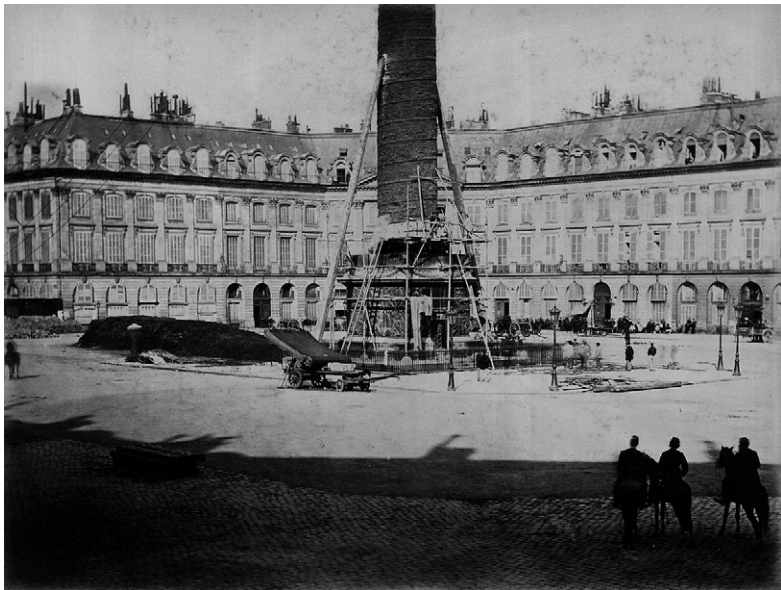
Парижская коммуна, считая, что императорская колонна на Вандомской площади является памятником варварству, символом грубой силы и ложной славы, утверждением милитаризма, отрицанием международного права, постоянным оскорблением побежденных со стороны победителей, непрерывным покушением на один из трех великих принципов Французской республики — Братство, постановляет:

Статья первая и единственная — колонна на Вандомской площади будет разрушена⁹⁵.

18 мая 1871 года колонна была повалена на землю при большом стечении народа, а после падения Коммуны восстановлена на прежнем месте.

Революция 1917 года в России сопровождалась демонтажом и разрушением памятников царям и государственным деятелям империи. Были разрушены многочисленные статуи царя-освободителя Александра II, в свое время установленные крестьянскими обществами в знак благодарности; в Киеве монумент Петру Столыпину сначала украсили красным галстуком, потом

⁹⁵ Протоколы заседаний Парижской коммуны. Т. 1. — М.: Издательство АН СССР, 1959. — С. 153.

Подготовка к сносу Вандомской колонны. 1871 год.

Мировая цифровая библиотека

подвесили на блоках и цепях, очевидно, изображая посмертную казнь, и лишь затем демонтировали⁹⁶.

Этот ряд примеров можно продолжать — и он, вполне вероятно, будет расти в разных странах, в которых происходят революционные перемены. Победа над ГКЧП была увенчана демонтажем памятника Феликсу Дзержинскому на Лубянской площади 22 августа 1991 года, а обсуждение возможности его возвращения в 2021 году воспринимается как символ реставрации «старого режима». События Евромайдана ускорили украинский «ленинопад» в 2013–2015 годах.

⁹⁶ См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры Российской революции 1917 года. — СПб.: Лики России, 2012. — С. 134–139.

История V

Ленин в Киеве, или Неустойчивые памятники

Памятник Владимиру Ленину из карельского кварцита (того же материала, из которого сделан Мавзолей Ленина в Москве) был установлен на бульваре Шевченко напротив Бессарабского рынка в декабре 1946 года. Однако эта статуя работы Сергея Меркурова была создана еще до войны и уже в 1939 году служила экспонатом советского павильона на Всемирной выставке в Нью-Йорке: расположенная рядом с такой же статуей Иосифа Сталина, она встречала входящих в павильон. В советской и постсоветской Украине статуи Ленина входили в перечень памятников национального значения, пока в 2009 году их не исключили из реестра наряду с памятниками прочим лицам, причастным к репрессиям и организации массового голода. Многие годы у подножия памятника традиционно проходили мероприятия Коммунистической партии Украины.

Вечером 8 декабря 2013 года во время массовых протестов в центре Киева, получивших название «Евромайдан», памятник Ленину был сброшен с постамента и сильно поврежден. Затем его разбили на куски при помощи кувалд. Это событие стало одним из решающих в повороте Евромайдана к радикализации. Ответственность за снос памятника взяла на себя националистическая партия «Свобода». Опросы общественного мнения в столице Украины показывали, что две трети горожан не одобряли

уничтожения памятника⁹⁷, но с помощью атаки на монумент активисты захватили инициативу. Эта акция помогла радикалам начать определять повестку дня протеста, буквально захватить в нем лидерство, придать ему символическое целеполагание. В следующие месяцы по центральным и восточным регионам Украины прокатился «ленинопад» (на западе он прошел гораздо раньше), ставший символическим содержанием идейной эволюции государства в условиях кризиса.

Интересно, что «парный» киевскому Ленину памятник Сталину, стоявший в Москве после войны у выставки трофейного вооружения в ЦПКиО и демонтированный в период борьбы с культом личности, сохранился в запасниках и сегодня установлен в московском Парке искусств «Музеон» на Крымской набережной.

Снос памятника как прямое действие

В контексте политической борьбы ценностью обладает само обращение к символам прошлого: любой снос или установка памятника оказывается в фокусе внимания общества и помогает политикам перехватить инициативу и начать диктовать порядок действий. Для мобилизации сторонников политику необходимо организовать и возглавить коллективное выступление, способное привлечь большое количество людей. При этом для начала процесса поддержка большинства не является критически важной. Действие, направленное на символ, способно пробуждать эмоции и при «попадании в нерв» легко создает волну сочувствия и подражания, при этом не переходя грань физического насилия, неприемлемого для большинства людей в современных обществах. Именно поэтому в августе

⁹⁷ Отношение киевлян к сносу памятника Ленину // Research and Branding group. Опрос 10–14 декабря 2013 года. <https://web.archive.org/web/20131221084631/http://tb.com.ua/rus/projects/omnibus/8849/>.

Снос памятника Ленину в Киеве. 8 декабря 2013 года.

Maksim Levin / Reuters

1991 года митингующие в Москве снесли памятник Дзержинскому, но не стали штурмовать здание КГБ СССР⁹⁸.

В периоды массовой протестной активности указание на понятную символически нагруженную и близкую цель создает коллективное действие, в свою очередь формирующее из толпы политическую силу. Важным элементом этого процесса является переопределение символического значения памятника. Так, памятник Ленину, традиционно рассматривавшийся как символ коммунистической идеи и Советского государства, в Украине был переосмыслен как «символ империи, символ тирании, символ оккупации»⁹⁹. Развернувшийся в стране «лени-

⁹⁸ Сергей Станкевич, советник президента Бориса Ельцина по политическим вопросам: «Над бушующей толпой висел 26-тонный Феликс Дзержинский» // Комсомольская правда. 2011. 18 авг.

⁹⁹ Писатель Виталий Капранов — о Ленине в Киеве // Радио Свобода. 2013. 9 дек. <https://www.svoboda.org/a/25194593.html>.

Момент демонтажа памятника Дзержинскому на Лубянке в 1991 году.
МИА «Россия сегодня»

нопад» (начиная с декабря 2013 года было демонтировано более тысячи памятников Ленину) развивался и в рамках декоммунизации, и как борьба с наследием «российской оккупации». Защитники памятников в подобных случаях (в Украине — местные коммунисты) оказываются скомпрометированы как поддерживающие идею, за которую на самом деле не вступались.

Во время таких всплесков активизма символическая мишень наделяется свойствами, которые выходят за рамки замысла ее создателей. Так, памятники солдатам и деятелям Конфедерации могли иметь для значительной части населения положительные коннотации, однако атакующие дискурсивно наделяли памятник исключительно негативным смыслом и сносили его как воплощение этого смысла. Показательно, что одним из главных аргументов сторонников сноса памятников стал тот факт, что особенно много их было установлено в период усиления сегрегации около 1910 года и битв против нее в 1960-е, что, по их мнению, является доказательством расистского характера всей

коммеморации Юга. Альтернативное объяснение — например, юбилейные даты, 50-летие и 100-летие событий, — редко упоминалось в ходе этой полной эмоций кампании.

Переосмысление символического значения памятников происходит с разных сторон. Даже те памятники, которые были поставлены в память о погибших южанам, за прошедшие десятилетия использовались белыми расистами и теперь символически связаны не только с намерениями их создателей, но и с последующим переосмыслением их содержания. В 2017 году куратор Смитсоновского музея американского искусства Элеанор Харви осторожно заметила: «Если белые националисты и неонацисты теперь объявляют [эти памятники] частью своего наследия, они присваивают эти образы и эти статуи так, что становится невозможно сделать их снова нейтральными»¹⁰⁰.

В этой многозначности символов россияне могут узнать собственные споры вокруг портретов и памятников Сталину. То, что для многих россиян (вероятно, для большинства) является символом репрессий и жестокости политического режима, для других символизирует нечто иное: могущество страны, быстрое развитие, альтернативу современному государству, которое воспринимается как коррумпированное. Лидер псковского отделения партии «Яблоко» Лев Шлосберг рассказывал о своем разговоре с людьми, назвавшими себя сталинистами, которые сообщили, что поддерживают его деятельность — ведь он «тоже за справедливость». Этот пример показывает, что сталинизм в России не обязательно связан с одобрением репрессий, хотя и воспринимается как таковой. Портрет Сталина в руках пожилого человека (как когда-то на ветровом стекле грузовика) является в этом смысле функциональным эквивалентом флага Конфедерации в руках современного американца.

¹⁰⁰ Brown, Rachel. Why the U. S. Capitol Still Hosts Confederate Monuments // *National Geographic*. August 17, 2017.

«Родс должен пасть»

Параллельно с американской историей борьбы с памятниками деятелям Конфедерации подобные события развернулись и в Южной Африке, перекинувшись оттуда в Великобританию. В марте 2015 года студенты Кейптаунского университета потребовали снести памятник Сесилю Родсу, британскому колониальному деятелю, руководителю Капской колонии в конце XIX века, магнату, благотворителю и основателю университета. Ранее против этой статуи, установленной в 1934 году, выступали студенты-буры (потомки голландских переселенцев), видевшие в Родсе символ ненавистного им британского господства, но в 2015 году инициативу проявили студенты-африканцы.

В ходе протестов активисты захватили административное здание университета и добились решения о сносе памятника Родсу. Уже 9 апреля 2015 года его демонтировали. События в Кейптауне подняли по всей стране волну протестов с требованиями «деколонизации образования». Статуи белым колонизаторам и деятелям образования стали центром атак, но основная цель движения «Родс должен пасть» (Rhodes Must Fall) была вскоре переформулирована как ликвидация «белого превосходства» (supremacy) в области образования.

Уже летом 2015 года движение «Родс должен пасть» достигло Великобритании. Часть студентов Оксфордского университета потребовала удалить статую Сесилия Родса с фасада колледжа Ориел и дать оценку связи университета с колониальным прошлым страны. В своем завещании Родс оставил университету стипендии своего имени, по которым ежегодно в Оксфорд приезжают сто студентов из-за рубежа. Среди стипендиатов были, например, будущий президент США Билл Клинтон и его друг и советник по российским делам Струоб Тэлботт, будущие главы государств и правительств Канады, Австралии, Пакистана, Мальты, Ямайки, видные деятели науки и культуры разных

стран. В 2015 году движение не добилося успеха, а опрос, проведенный в 2016-м, показал, что 59% жителей Великобритании не хотят удаления статуи Родса в Оксфорде (причем 44% заявили, что «надо гордиться британским колониализмом») ¹⁰¹, но протесты Black Lives Matter в 2020 году вновь привлекли к вопросу общественное внимание. Летом 2020 года колледж создал комиссию для принятия решения об удалении статуи ¹⁰².

Родс оставил о себе разную память в Оксфорде, в Кейптауне и в когда-то носившей его имя («Родезия») Зимбабве, но чем значительнее заслуги противоречивой личности, тем больше внимания привлекает активистская волна, связывающая коммеморацию с неприглядными сторонами ее наследия.

Несчастливая судьба Христофора Колумба

Неожиданным и болезненным для многих американцев стало переосмысление американским обществом роли Христофора Колумба. Открытие Америки, в соответствии с современными представлениями, несло коренным жителям Нового Света уничтожение, покорение, вытеснение и нищету, и празднование традиционного Дня Колумба, как и монументальная коммеморация первооткрывателя, на глазах становится неприемлемым.

Еще в начале нынешнего века опросы показывали, что подавляющее большинство американцев, включая коренных жителей (индейцев), разделяли традиционный взгляд на Колумба как на первооткрывателя Америки, в то время как активисты индейского движения, а также университетские учебники

¹⁰¹ Dahlgreen, Will. Rhodes must not fall // YouGov. January 18, 2016. <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2016/01/18/rhodes-must-not-fall>.

¹⁰² Statement from the Governing Body of Oriel College, June 17, 2020 // <https://www.oriel.ox.ac.uk/about-college/news-events/news/statement-governing-body-oriel-college>.

уже изменили свои оценки и сосредоточились на анализе проблем, которые принесло коренному населению Америки прибытие Колумба¹⁰³.

Однако День Колумба в США был не только празднованием духа первооткрывательства, важной части американской системы ценностей, но традиционно еще и центральным праздником итальянской общины. Итало-американцы видели в великом путешественнике, первым достигшем Американского континента, своего предшественника, а праздник использовали как повод для самопрезентации и утверждения своей идентичности (как, например, ирландцы празднуют День святого Патрика). Борьба с чествованием Колумба создала новый конфликт между этническими группами в США¹⁰⁴.

Тем не менее именно статуи Христофора Колумба оказались среди главных объектов новой атаки на памятники, последовавшей за убийством полицейскими при задержании афроамериканца Джорджа Флойда в мае 2020 года. В разных городах США летом 2020 года были демонтированы властями или разрушены протестующими десятки памятников деятелям конфедерации — и 35 статуй Христофора Колумба¹⁰⁵.

Расширение списка мишеней протеста с памятников Конфедерации до Колумба и других деятелей прошлого (пострадали даже несколько памятников Аврааму Линкольну) отражает не только радикализацию активистов, но и появление у них более широкой цели — ревизии американской истории. Специально созданная при мэре округа Колумбия (то есть города Вашингтона)

¹⁰³ Schuman, Howard, Schwartz, Barry, and d'Arcy, Hannah. *Elite Revisionists and Popular Beliefs: Christopher Columbus, Hero or Villain?* // *Public Opinion Quarterly*. Vol. 69, No. 1, Spring 2005. P. 2–29.

¹⁰⁴ Caron Chr. *Why Some Italian-Americans Still Fiercely Defend Columbus Day* // *The New York Times*. October 5, 2018.

¹⁰⁵ Brito, Christopher. *Dozens of Christopher Columbus statues have been removed since June* // *CBS News*, September 25, 2020.

комиссия осенью 2020 года рекомендовала удалить или переименовать памятники 153 знаменитым американцам, чьи имена были связаны с рабовладением, включая Томаса Джефферсона, Бенджамина Франклина и самого Джорджа Вашингтона, либо другим способом обозначить неприемлемость их чествования¹⁰⁶.

И здесь перед американцами встает вопрос: чем будут заменены эти памятники, что придет им на смену? В начале конфликта казалось, что одним из решений станет замена статуй Роберта Э. Ли на памятники Аврааму Линкольну, но в 2020 году статуи Линкольна тоже пострадали — в нескольких городах протестующие возмущались, что в скульптурных композициях его фигура возвышается над изображением освобожденных рабов, а в Портленде, штат Орегон, статую измазали красной краской и повалили, написав на постаменте «Дакота 38» в память о 38 индейцах, повешенных с согласия Линкольна за участие в конфликте с белыми поселенцами в Миннесоте¹⁰⁷.

Было и другое предложение — установить памятники афроамериканцам, боровшимся против рабства (черным аболиционистам, таким как Фредерик Дуглас и Гарриет Табмен, или солдатам армии Севера времен Гражданской войны)¹⁰⁸. Третьим вариантом была идея заменить памятники Роберту Э. Ли монументами деятелей черного движения 1960-х: «Почему через 50 лет после убийства Мартина Лютера Кинга на Старом Юге нет ни одной его статуи? Почему ни один город или

¹⁰⁶ Zauzmer, Julie, and Brice-Saddler, Michael. D.C. Committee Recommends Stripping the Names of Thomas Jefferson, Benjamin Franklin, Francis Scott Key and Others from City Government Buildings // *The Washington Post*. September 1, 2020.

¹⁰⁷ Portland protesters knock down Roosevelt, Lincoln statues in ‘rage’ toward Columbus Day // *USA Today*, October 12, 2020.

¹⁰⁸ Carlisle, Madeleine. Confederate Monuments and Other Disputed Memorials Have Come Down in Cities Across America. What Should Take Their Place? // *Time*. July 28, 2020.

Поваленный памятник Линкольну в Портленде с надписью на пьедестале «Дакота 38». *Sean Meagher / The Oregonian via AP / East News*

штат не установил его 15-футовую статую на 50-футовом пьедестале в центре города?»¹⁰⁹ Помимо Кинга активисты используют изображения Малкольма Экса, лидера афроамериканской мусульманской общины 1960-х, или основателя партии «Черных пантер» Хьюи Перси Ньютона¹¹⁰. Нетрудно понять, что эти предложения рождены разными представлениями об американской

¹⁰⁹ Deming, M. E., Boone, K. *Symbolic Conversations in Public Landscapes of the American South: Revisiting the Confederate Legacy* // Berr, K. *Landschaftskonflikte*. Wiesbaden: Springer VS, 2019. P. 543.

¹¹⁰ Shaw, Michael. *Refacing the Robert E. Lee Monument in Richmond* // *Reading the Pictures*. June 25, 2020. <https://www.readingthepictures.org/2020/06/refacing-robert-e-lee-monument/>; в честь Хью Ньютона в феврале 2021 года была названа улица в Окленде, штат Калифорния, где находилась штаб-квартира «Черных пантер» и где он был убит. Осенью там же планируется установить его бронзовый бюст. Burbank, Keith. *Part Of Ninth Street In West Oakland Named For Huey P. Newton* // SFGATE. February 17, 2021.

истории и о современном американском обществе. В логике протеста замена Ли на Линкольна выглядит как сохранение «истории белых людей», в которой черные американцы остаются жертвами и получают свободу из чужих рук. Установка памятников черным аболиционистам означает признание афроамериканской субъектности, но оставляет за Гражданской войной (главную роль в которой играли все же белые) статус центрального события американской истории. А вот возведение памятников деятелям Движения за гражданские права середины XX века не только переносит осевое событие американской истории на сто лет вперед, но и означает признание того, что история США принадлежит не только белым американцам — афроамериканцы также имеют на нее право.

Другие обсуждаемые варианты — реконтекстуализация памятников (дополнение существующих монументов текстами или дополнительными скульптурными или архитектурными элементами, меняющими их восприятие), ротация памятников на неизменном постаменте¹¹¹. Американская историческая ассоциация рекомендовала относиться к удаляемым памятникам всего лишь как к историческим документам и предлагала создать отдельный парк удаленных скульптур наподобие будапештского парка «Мементо», где собраны монументы социалистической эпохи¹¹².

Замена исторических символов коснулась и американских денег. Несколько лет в США идет упорная борьба за размещение изображения афроамериканки на банкноте. В том же 2015 году, когда началось движение за удаление символов Конфедерации из публичных пространств, американцы озаботились

¹¹¹ Brockell, Gillian. Historians: No, to removing Jefferson, Washington monuments. Yes, to contextualizing them // *The Washington Post*. September 2, 2020.

¹¹² АНА Statement on Confederate Monuments. October 1, 2017. <https://www.historians.org/publications-and-directories/perspectives-on-history/october-2017/aha-statement-on-confederate-monuments>.

и отсутствием женщин на своих бумажных деньгах. Опрос, кого бы граждане хотели увидеть на банкнотах в первую очередь, привел к победе той же черной аболиционистки Гарриет Табмен, и тогдашний министр финансов объявил, что вскоре она займет на 10-долларовой купюре место Александра Гамильтона.

Однако случилась незадача: в том же году чрезвычайно популярным стал мюзикл «Гамильтон» (до сих пор бьющий рекорды популярности). Тогда министр финансов объявил, что Гамильтона пока трогать не будут, а Табмен появится на 20-долларовой купюре вместо Эндрю Джексона. Объявили и дату — к 2020 году. Но снова случилась незадача: в 2016 году президентом США избрали Дональда Трампа, которого многие сравнивали с Эндрю Джексонем. Он вернул портрет Джексона в Овальный кабинет, а новый министр финансов заявил, что люди привыкли к изображению на купюрах, а Табмен, безусловно заслуживающая помещения на деньги, может в будущем попасть на какую-нибудь другую банкноту. Это заявление, правда, вызвало нешуточный скандал, и министр вскоре изменил позицию, заявив, что планы размещения Табмен на 20 долларах (с переносом Эндрю Джексона на оборотную сторону купюры) остаются в силе, но «по техническим причинам» не могут быть выполнены ранее 2026 или 2028 года.

Однако смена президента помогла и здесь: уже на пятый день президентства Байдена его пресс-секретарь Джен Псаки объявила, что администрация ускорит замену изображения Джексона на Табмен на 20-долларовой купюре¹¹³.

Смена памятников как замена одного насыщенного символического пространства на другое имеет параллели и в российском опыте.

¹¹³ Breuninger, Kevin. Biden's Treasury revives push to put Harriet Tubman on \$20 bill after Trump shelved it // CNBC. January 25, 2021.

Предположительный вид будущей 20-долларовой банкноты.
Federal Reserve System

Новые памятники — кому?

Каждый революционный режим стремится увековечить свои идеалы в памятниках, заменяя пантеон героев прошлого на новый с целью воспитания масс в революционном духе. По свидетельству современников, основатель Советского государства В. И. Ленин ссылался на описание «Города Солнца» Томмазо Кампанеллы, готовя свой «план монументальной пропаганды». Декрет «О памятниках Республики» от 12 апреля 1918 года предписывал избавиться от монументов, «воздвигнутых в честь царей и их слуг», а летом того же года Совнарком утвердил «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах Рос. Соц. Фед. Сов. Республики», состоящий из 66 имен. Почти половину списка (31 имя) составили революционеры, начиная со Спартака, Тиберия Гракха и Брута. Также в него попали писатели и поэты, философы и ученые, художники, композиторы и артисты. На установленном в честь 300-летия Дома Романовых в московском Александровском саду обелиске имена царей были заменены на список революционеров. Постепенно памятники революционерам заполнили улицы и площади советских городов. После Великой Отечественной войны, и особенно с середины 1960-х, к этим памятникам добавились военные мемориалы.

Процесс десталинизации, начатый на XX съезде КПСС докладом Хрущева «О культе личности», включал в себя не только вынос тела Сталина из мавзолея, переименование городов и улиц, но и демонтаж многочисленных памятников Сталину, развернувшийся в начале 1960-х. С 1952 года у первого шлюза Волго-Донского канала имени Ленина на южной окраине Сталинграда стоял на 30-метровом постаменте самый высокий в мире памятник Сталину — бронзовая статуя высотой 24 метра работы скульптора Евгения Вучетича. Вскоре после переименования города в Волгоград в 1961 году памятник демонтировали, а постамент сохранился и оставался пустым более 10 лет. Наконец, Министерство культуры приняло решение использовать постамент для памятника Ленину, также заказанного Вучетичу. 27-метровая статуя Ленина из напряженного железобетона появилась на этом месте в 1973 году, и он снова оказался самым большим в мире памятником реальному человеку. Данный случай — один из примеров сложности осуществления мемориального переворота внутри не меняющейся в целом исторической политики: удаление одной из фигур не открывало возможности включения кого-то нового, результатом стало умножение памятников Ленину — главному сохранившемуся авторитету.

Пространство городов имеет разную символическую ценность: чем ближе к центру, особенно в столице, тем больше внимания его наполнению уделяют политики. В Будапеште в 1996 году установили на площади рядом с парламентом памятник Имре Надю, руководителю венгерского правительства периода восстания 1956 года, казненному после его подавления, а в 2018 году его перенесли на несколько кварталов дальше. Это решение связывают с тем, что у власти в стране находятся правые силы, для которых Надь — неприемлемая фигура: коммунист, хоть и вставший в 1956 году на сторону народа.

Спустя столетие новое российское руководство вернуло Александровскому саду в Москве его монархическое содержание: обелиск вновь стал напоминать о юбилее императорской династии, неподалеку появились памятники патриарху Гермогену (одному из патриотических героев времен Смуты) и Александру I, а совсем рядом — монумент великому князю Владимиру. В результате после реконструкции Александровского сада вокруг Кремля образовалась зона монархических монументов, в свою очередь окруженная артефактами советской эпохи. Ситуация с памятниками, сложившаяся в современной России, служит иллюстрацией отсутствия консенсуса в обществе по поводу оценки прошлого. В стране сохранилось огромное количество памятников Ленину и другим революционерам, однако их уже практически нет в центре Москвы ближе Октябрьской площади. В разных городах страны поставлены памятники деятелям белого движения, например адмиралу Александру Колчаку или генералу Сергею Маркову. Орловские власти осенью 2016 года установили памятник Ивану Грозному, очевидно, вкладывая в коммеморацию кровавого царя содержание, отличное от привычного.

Если в США на протяжении полутора веков поддерживалось территориальное разделение между Севером, где стояли памятники Линкольну, и Югом, сохранявшим памятники Роберту Э. Ли, то в России пространства разных коммеморативных систем перемешаны. В Санкт-Петербурге неподалеку от памятников царям висят мемориальные знаки в честь убиравших царей революционеров. Так, на 11-й линии Васильевского острова табличка напоминает о «подпольной динамитной мастерской партии “Народная Воля”», едва ли не являясь примером преследуемого законом в современной России «оправдания терроризма».

Более четверти века, прошедшие после распада Советского Союза и исчезновения государственной идеологии, не привели

Табличка на доме, в котором располагалась динамитная мастерская «Народной Воли». Фото автора

мемориальный ландшафт к единству. Его нынешнее состояние является хорошей демонстрацией отсутствия единообразия в подходе к прошлому страны и, соответственно, невозможности употребления событий прошлого в качестве одинаково понятного всем россиянам «языкового кода».

В период между концом советской власти и возвращением монархических памятников Александровский сад был украшен скульптурами работы Зураба Церетели на тему русских сказок. Царевна-лягушка и Аленушка воплощали попытку деидеологизации «монументальной пропаганды». Таким образом власть 1990-х пыталась заменить исторический миф государства сказочным мифом русского прошлого.

Российский союз промышленников и предпринимателей против «Последнего адреса»

Зимой 2020–2021 года в России разгорелся конфликт вокруг проекта «Последний адрес» — общественной инициативы по увековечению памяти жертв политических репрессий в СССР путем размещения на стенах домов, известных как последние адреса репрессированных, небольших (11 × 19 см) латунных табличек с краткой биографической информацией¹¹⁴. 2 декабря 2020 года исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей Дмитрий Кузьмин опубликовал статью в «Московском комсомольце». В ней он утверждал, что деятельность «Последнего адреса» надо остановить, иначе «наши города станут похожи на кладбища»¹¹⁵. В январе 2021 года к атаке на проект подключилась «Комсомольская правда», опубликовав статью под заголовком «“Последний адрес” отворяет “врата ада”?», лейтмотивом которой стало утверждение, будто таблички устанавливают «не тем»: якобы репрессированные сами могли быть замешаны в терроре, а их реабилитация не означает, что их надо прославлять¹¹⁶. От имени проекта РСПП ответили сотрудница «Последнего адреса» Оксана Матиевская и координатор проекта журналист Сергей Пархоменко, объяснив, что смысл установки

¹¹⁴ Веселов Ф. Д. «Последний адрес»: негосударственный мемориальный проект и политика памяти в России // Политика памяти в современной России и в странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб.: Издательство ЕУСПб, 2020. — С. 202–229.

¹¹⁵ Кузьмин Д. Конвейер «Последнего адреса» надо остановить // Московский комсомолец. 2020. 2 дек.

¹¹⁶ Штеин Д. «Последний адрес» отворяет «врата ада»? // Комсомольская правда. 2021. 3 янв.

табличек — в напоминании о том, что жертвами репрессий становились обычные люди¹¹⁷.

Проект «Последний адрес» существует с 2013 года, и его идея была вдохновлена немецким проектом Гюнтера Демнига «Камни преткновения» (Stolpersteine), начатым в 1994 году. В Германии память о жертвах холокоста восстанавливается путем монтирования небольших латунных табличек в мостовую напротив дома. В обоих случаях инициаторы проектов хотят вернуть в общественное пространство память о жертвах репрессивных режимов. «Большие формы» коммеморации в виде установки памятников, мемориалов или мемориальных досок на стенах домов требуют специальных решений властей и строго регламентированы, поэтому организаторы пошли по пути размещения маленьких информационных табличек, получив общее разрешение на такую деятельность и заручившись поддержкой части жильцов каждого из домов, на стене которых появляется знак.

Особенностью «Последнего адреса» стало то, что он восстанавливает память не о каких-то замечательных людях, входящих в национальный пантеон, а о простых жертвах режима. В «бытовом» употреблении часто смешиваются две функции (и два типа) памятников и памятных знаков. Первая из них — сохранение памяти о человеке. Наиболее понятный пример — кладбищенские памятники-надгробия. Вторая — увековечение памяти, то есть прославление события или человека, внесение его с воспитательными целями в круг «актуальной» памяти. Таблички «Последнего адреса» не являются ни тем ни другим или, вернее, совмещают в себе задачу сохранения памяти и воспитательную цель, напоминая о недопустимости государственного террора.

¹¹⁷ Комментарии к письму вице-президента РСПП // Последний адрес. 2020. 4 дек. <https://www.poslednyadres.ru/news/news119.htm>.

Таблички «Последнего адреса». ФГУП «ИТАР-ТАСС»

В этом смысле проект «Последний адрес» неожиданным образом сближается с одной из линий американских протестов против памятников вождям Конфедерации и «отцам-основателям»: в обоих случаях коммеморация безымянных жертв, под какими бы знаменами они ни сражались, противопоставляется официальной мемориализации «великих людей». Таким образом, происходит переформатирование отношения к прошлому в разных странах, но этот процесс только набирает силу.

Завоевание пространства

Инициаторы «Последнего адреса» в своей борьбе за восстановление имен жертв и создание моральной нетерпимости к репрессиям соперничают за присутствие в общественном пространстве с другими «мнемоническими акторами». Размещение памятников, табличек и других знаков является одним из способов «разметки» пространства в соответствии с той или иной исторической и политической системой координат. В 2001 году митрополит Волгоградский и Камышинский Герман высказывался

о необходимости строить церкви и устанавливать поклонные кресты именно в контексте контроля над пространством: «Чтобы русские не уходили с приграничной территории... нужно церкви строить... Полагаю, что восстановление собора Александра Невского — событие важное для нашего времени, для нашего населения. Ему нужны символы, которые обозначат, кому принадлежит эта земля. Не Казахстану, не чеченцам, а нам, русским»¹¹⁸.

За пространство городов России активно борется и Российское военно-историческое общество, размещающее таблички и устанавливающее памятники по всей России. В разделе «Монументальная пропаганда» на своем сайте РВИО сообщает, что установило уже более 250 памятников в России и за ее пределами¹¹⁹.

Не все свои мемориалы Военно-историческому обществу удается отстоять. В июне 2016 года в Петербурге в присутствии тогдашнего главы президентской администрации Сергея Иванова и министра культуры и руководителя РВИО Владимира Мединского была торжественно открыта памятная доска Карлу Маннергейму. Будущий маршал и президент Финляндии до 1917 года служил в Русской армии и закончил Первую мировую войну в звании генерал-лейтенанта. Именно этот период его биографии и хотели отметить инициаторы установки. Мединский сообщил, что эта доска лишь часть большой программы РВИО, «наша попытка преодолеть в канун столетия русской революции трагический раскол в нашем обществе. Именно поэтому мы устанавливаем по всей стране памятники героям Первой мировой войны, которые потом оказались по разные стороны баррикад»¹²⁰. Однако в Петербурге нашлись активисты,

¹¹⁸ Митрополит Волгоградский и Камышинский Герман. Когда строится храм, у него появляются прихожане // Новые Деловые Вести. 2001. №8.

¹¹⁹ Сайт РВИО. <https://rvio.histrf.ru/activities/monumentalnaya-propaganda>.

¹²⁰ В Петербурге установили памятную доску Маннергейму // Интерфакс. 2016. 16 июня.

считающие, что Маннергейм, командовавший финскими войсками во время Второй мировой войны, несет часть ответственности за трагедию блокады Ленинграда. За три месяца доску обстреляли из пневматического оружия, порубили топором и трижды облили красной краской¹²¹. В результате в октябре памятную доску Карлу Маннергейму сняли и перенесли на территорию музея Первой мировой войны в Царское Село¹²².

Демонтаж мемориальных досок тоже является политическим жестом. 7 мая 2020 года со стены Тверского государственного медицинского университета были сняты мемориальные доски, напоминающие, что в 1935–1953 годах в этом здании размещалось управление НКВД по Калининской области и его внутренняя тюрьма, где совершались массовые бессудные казни. Одна доска, в память о советских гражданах — жертвах государственного террора, была установлена в 1991 году. Вторая — «Памяти поляков из лагеря Осташков» — в 1992-м. Демонтаж знаков был произведен по предписанию прокуратуры, причем предлогом для демонтажа первой доски, «В память о замученных...», стало то, что в решении Тверского горсовета о ее установке значится старый адрес, а нумерация домов с 1991 года изменилась. Ликвидировать памятный знак расстрелянным полякам прокуратура потребовала, поскольку не обнаружила документальных свидетельств, удостоверяющих, что поляков из Осташковского лагеря расстреливали именно по этому адресу¹²³. Решение было оспорено в суде, который затянулся.

30 июня 2020 года в Адлере на месте, где в 1837 году российские войска соорудили форт Святого Духа, был установлен

¹²¹ Васильев А. Доску Маннергейма в Петербурге порубили топором // Российская газета. 2016. 10 окт.

¹²² В Петербурге демонтировали доску Маннергейму // Российская газета. 2016. 14 окт.

¹²³ Гутионтов П. Разделочные доски // Новая газета. 2020. 20 мая. №51.

Монумент подвигу русских солдат. В тот же день черкесские активисты начали сбор подписей под письмом, в котором назвали памятник «глумлением над исторической памятью народов Северного Кавказа». В федеральных СМИ на протяжении предшествовавшего этому месяца доминировали новости о сносе памятников в США и Европе, и, видимо, поэтому местные власти отреагировали незамедлительно: памятник был демонтирован уже через неделю, а на официальных сайтах появилась информация, что он был установлен самовольно¹²⁴. Черкесские активисты уже давно развивают собственную версию истории Кавказской войны как геноцида черкесских народов, и памятник попал в болевую точку растущего здесь напряжения.

¹²⁴ В России снесли монумент подвигу русских солдат // Хранители наследия. 2020. 7 июля. <https://hraniteli-nasledia.com/articles/monumenty/v-rossii-snesli-monument-podvigu-russkikh-soldat/>.

История VI

Сталинград по праздникам, или Историческая разметка пространства и времени

30 января 2013 года городская дума Волгограда приняла решение «Об использовании наименования “Город-герой Сталинград”», в соответствии с которым шесть раз в году в дни воинской славы и памятные даты России, а также в памятные даты Волгоградской области город Волгоград должен дополнительно называться «Городом-героем Сталинградом»¹²⁵. 23 декабря 2013 года в это решение было внесено дополнение, и теперь город получает второе имя девять дней в году¹²⁶. В результате этого решения сквозь современный хронотоп в буквальном смысле

¹²⁵ См.: <http://docs.cntd.ru/document/446504946>.

¹²⁶ «1.1. Дни воинской славы России:

- 1.1.1. 2 февраля — День разгрома советскими войсками немецко-фашистских войск в Сталинградской битве (1943 год).
- 1.1.2. 23 февраля — День защитника Отечества.
- 1.1.3. 9 мая — День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов (1945 год).

1.2. Памятные даты России:

- 1.2.1. 22 июня — День памяти и скорби — день начала Великой Отечественной войны (1941 год).
- 1.2.2. 2 сентября — День окончания Второй мировой войны (1945 год).
- 1.2.3. 9 декабря — День Героев Отечества.

просвечивает предыдущий: по праздникам город по решению депутатов должен символически «проваливаться» в прошлое. Это решение было принято на фоне непрекращающихся попыток официально переименовать город в Сталинград, предпринимаемых Коммунистической партией Российской Федерации. Аргументы в пользу такого решения сводятся к всемирной известности Сталинградской битвы, тогда как сами коммунисты не скрывают своей цели вернуть Сталина в историческое пространство современной России.

Решение волгоградских властей подсказало путь к реабилитации Сталина, и вот уже в начале 2020 года руководитель самопровозглашенной Донецкой народной республики на востоке Украины объявил о том, что наименование «город Сталино» будет использоваться наряду с названием «город Донецк» при проведении мероприятий, связанных со Второй мировой войной. Речь идет о Дне победы 9 Мая, дне начала Великой Отечественной войны 22 июня и Дне освобождения Донбасса 8 сентября¹²⁷.

Эти истории привлекают внимание сразу к двум инструментам использования прошлого, доступным власти: ими являются топонимия и календарь. Пространство и время человеческого общества отличаются от физического пространства-времени, однородного во всех направлениях. Хронотоп любого социума размечен традицией, обозначен символами и совсем не однороден. Например, пространство храма или кладбища

1.3. Памятные даты Волгоградской области:

- 1.3.1. 8 мая — День присвоения городу Волгограду почетного звания «Город-герой» (1965 год).
- 1.3.2. 23 августа — День памяти жертв массовой бомбардировки города Сталинграда немецко-фашистской авиацией (1942 год).
- 1.3.3. 19 ноября — День начала разгрома фашистских войск под городом Сталинградом (1942 год)».

¹²⁷ Донецк решили переименовать в Сталино в честь Ленина // Новая газета. 2020. 24 апр.

обладает сакральными свойствами, предписывающими должное поведение и налагающими больше ограничений, чем пространство торгового центра. Даты трагических событий («дни памяти») или праздники отличаются от обычных будней своими системами запретов и предписаний. Часть этих запретов и предписаний поддерживается традицией и функционирует как повторяющийся ритуал. В прошлом монополию на «разметку» пространства и времени имела церковь (в свою очередь боровшаяся с языческими ритуалами или интерпретирующая их в соответствии с собственными задачами), однако в новое время политики используют государственную власть, чтобы поставить хронотоп себе на службу. Для этого они реформируют календарь и исчисление времени, вводят светские праздники, меняют названия городов и улиц, а на площадях устанавливают памятники героям.

Нанося прошлое на карту

После победы революции на длительный период в стране закрепился хронотоп победителей: новая топонимия и праздники существуют достаточно длительное время, чтобы общество воспринимало их как часть привычного мира. Спустя поколение многие имена забываются, символы утрачивают понятный смысл и для поддержания актуальности пространственной разметки формируются дополнительные ритуалы, напоминающие населению, что именно означает название улицы или кому установлен памятник.

Некоторые города и улицы меняли названия по несколько раз, тогда как другие и сегодня сохраняют имена, которые уже ничего не означают для жителей. Например, в Волгограде, Ростове-на-Дону и Твери есть улицы 26 Июня, названные так в 1938 году в честь дня выборов в Верховный Совет РСФСР. Опала политических деятелей в советское время приводила

к изменениям в топонимии: так, в 1951 году улица Маршала Жукова в Сталинграде сменила название на улицу Правды¹²⁸, а в 1957 году Буденновская улица была переименована в Антарктидскую (в честь успехов первой советской антарктической экспедиции). Тем не менее эти перемены происходили внутри единого гомогенного символического пространства, утверждая одни и те же ценности. С распадом СССР началось масштабное разрушение символических систем, которое идет до сих пор.

Часть городов в постсоветское время обрели дореволюционные названия (Санкт-Петербург, Екатеринбург, Самара, Нижний Новгород), в то время как другие сохраняют свои советские имена (Киров так и не стал Вяткой). Особое место занимает Волгоград, который регулярно сотрясают инициативы коммунистов, стремящихся вернуть ему имя Сталинград (но не дореволюционное Царицын). Названия районов во многих городах страны остаются «сталинскими»: Кировский, Ворошиловский, Дзержинский и пр. Множество городов, поселков, районов и улиц носят имя Ленина и его сподвижников. В ряде случаев исторические личности, в честь которых названы улицы, сегодня рассматриваются как виновники гибели множества людей (в годы революции и Гражданской войны, во время репрессий 1930-х и пр.), и вокруг этих названий кристаллизуются очаги противостояния. Часть этих топонимов уже давно утратила привязку к объектам или ценностям, но продолжает существовать автономно: так, в Волгограде до сих пор есть не только улица Павлика Морозова (с 1953 года), но и Карело-Финская (с 1954 года)¹²⁹, а авторы исторических примечаний к официальному постановлению администрации Волгограда

¹²⁸ Новый поворот в отношении к «маршалу Победы» привел в 1996 году к появлению в городе проспекта Жукова.

¹²⁹ Карело-Финская ССР в составе Советского Союза существовала с 1940 по 1956 год.

Многие улицы неоднократно меняли свои названия. Перемены в любом направлении порождают конфликт. На первой фотографии — проспект Мира в Красноярске. Здесь местные власти нашли выход в размещении полного списка прошлых названий. На второй — Таруса, где активисты борются за сохранение советских названий улиц.
Фото автора. Е. Кунина

не смогли установить смысл названия улицы Воссоединения, хотя дата наречения — 1954 год — с очевидностью подсказывает, что речь шла о «воссоединении Украины с Россией», юбилей которого широко праздновался в тот год¹³⁰.

Особое место занимают переименования городов, переходивших из рук в руки в ходе масштабных войн и территориальных уступок, причем использование того или иного исторического названия или даже выбор его написания маркирует человека политически: «Тот, кто пишет название столицы Галиции как *Lwów*, — польский националист, а тот, кто пишет его как *Львів*, — украинский фашист, — иронизировал когда-то британский журнал *The Economist*. — Тот, кто называет

¹³⁰ Постановление администрации Волгограда №3060 от 10.10.2011 «Об утверждении Общегородского перечня наименований элементов улично-дорожной сети и иных территорий проживания граждан городского округа город-герой Волгоград».

его Львовом, — советский массовый убийца, а тот, кто предпочитает Lemberg, — нацист. Давайте обсудим это в Леопольдесе»¹³¹. Помимо собственно названий, политики от имени государства присваивают населенным пунктам дополнительные звания. В 1965 году шесть городов страны получили почетные звания городов-героев (а Брест стал крепостью-героем), затем количество городов-героев увеличивалось в четыре приема, вплоть до 1985 года, когда этого звания были удостоены Смоленск и Мурманск. В 2000-е годы тема Великой Отечественной войны вновь стала использоваться в качестве стержня государственной идеологии России. Поскольку очевидный список был исчерпан, а почетное звание нельзя присвоить дважды, в 2006 году было создано новое почетное звание. В течение следующего десятилетия 45 городов получили наименование городов воинской славы, а в 2020-м было объявлено, что в стране появятся и города трудовой доблести.

Закрепление прошлого в календарном цикле

Одной из мишеней революционной власти часто становится календарь. Французская революция XVIII века решительно порвала со старым порядком. Одной из главных мер в этом процессе стала реформа календаря. Традиционный календарь контролировался церковью, был насыщен религиозными праздниками и днями святых, это надо было изменить. В 1793 году был принят декрет, упразднявший отсчет лет от Рождества Христова и введивший республиканское летосчисление. 22 сентября 1792 года стало первым днем первого года Республики. Были изменены названия и продолжительность месяцев, а вместо недель введены десятидневки, «декады».

¹³¹ You say Lwów, I say Lviv // The Economist. April 1, 2010.

Революционные власти обсуждали даже изменение часов и минут: в соответствии с десятичной системой предлагалось разбить сутки на 10 часов, а каждый час — на 100 минут, но эта идея не прижилась, хотя часовщики уже начали изготавливать новые часы¹³². Остальные нововведения просуществовали до эпохи Наполеона, который постепенно вернул старый календарь в быт французов. Впоследствии республиканский календарь был введен на несколько недель в 1871 году, когда его взяли на вооружение деятели Парижской коммуны, но с поражением коммунаров его жизнь закончилась.

Российская революция также привела к реформе календаря. Если в 1918 году советское правительство отказалось от юлианского календаря и перешло на григорианский, то в 1929 году была предпринята попытка отмены семидневной недели и введения вместо нее пятидневного цикла. Вместо единого для всех выходного дня — воскресенья — была создана «непрерывка», в соответствии с которой все рабочие были разделены на пять групп, названных по цветам (желтый, розовый, красный, фиолетовый, зеленый), и каждая группа имела свой собственный выходной день. Реформа не прижилась и была свернута в 1931 году. Однако православные праздники, составлявшие основу годового календарного цикла, подверглись вытеснению и запретам — вместо них новая власть вводила свои политические дни, когда надо было говорить о прошлом. С 1918 года это были 22 января — День памяти событий Кровавого воскресенья (расстрела демонстрации рабочих 9 января 1905 г. по старому стилю), 12 марта — низвержение самодержавия, 18 марта — День Парижской коммуны, 1 мая — День Интернационала и 7 ноября — День пролетарской революции. Часть этих праздников

¹³² Пискунова Е. П. Социокультурные последствия введения революционного календаря во Франции // Историческая разметка пространства и времени. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2014. — С. 124–139.

перестали отмечаться уже в первое десятилетие революционной эры, но другие дожили до конца СССР. К ним добавились День Красной Армии 23 февраля и День международной солидарности женщин-работниц 8 Марта, которые, претерпев небольшие изменения в ритуалах празднования, дошли до нас в качестве гендерно окрашенных «мужского» и «женского» дней.

Эпоху Советского Союза можно делить на более дробные отрезки; например, время «мировой революции», от которой нам остались улица Марата и День Парижской коммуны, период «возвращения национального» с празднованием годовщин побед русского оружия, а также период десталинизации, стерший с карты страны одно имя, но сохранивший большинство остальных наименований советской эпохи. Эта эпоха стала последним периодом длительного существования единой разметки пространства и времени в нашей стране. После распада Советского Союза и особенно с 2000-х годов политики снова начали реформировать календарь и суточное измерение времени. Часть праздников были отменены, часть оказались отодвинутыми на второй план, но появился целый ряд новых дат и празднований.

Праздники в большой степени зависят от ритуалов их проведения: праздничный день должен отличаться от будней не тем, что он выходной, а каким-либо действием: демонстрацией, карнавалом, специальной праздничной символикой или особой пищей. Попытка установления новых светских праздников, таких как День России 12 июня, не оказалась успешной. В частности, не выработались общие для большинства ритуалы, отличающие этот праздник от других дней. Единственный ритуал, приходящий на ум при обсуждении еще одного праздника, 4 ноября, — «Русский марш», проводимый националистами. Вместо народного единства и согласия в этот день отмечается очевидное разделение общества. В то же время произошла экспансия религиозных праздников, часть которых

стали официально выходными днями (как православное Рождество или в регионах с традиционно мусульманским населением Курбан-байрам и Ураза-байрам). В молодежную среду проникли праздники и даты западного происхождения — День святого Валентина, День святого Патрика, Хэллоуин, — с которыми ведет борьбу православная общественность (например, противопоставляя День святых Петра и Февронии Дню святого Валентина). Изменились (и продолжают меняться) сроки и длительность праздничных выходных дней. Эта изменчивость говорит о том, что историческая разметка годового цикла еще не устоялась, а это, в свою очередь, свидетельствует о том, что общество пока не обрело новую идентичность.

Чиновники продолжают приводить календарь в соответствие доминирующему нарративу прошлого, сфокусированному теперь на Великой Отечественной войне: День Победы фактически превратился в главный праздник, в дополнение к которому законодательно были закреплены «памятные даты» (как общероссийские, так и региональные), в большинстве своем также привязанные к событиям войны. Более того, принятый в 2014 году закон, объявивший «реабилитацию нацизма» уголовным преступлением, отдельной статьей защищает этот государственный календарь: «Распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества» в России уголовно наказуемо¹³³.

Тихий семнадцатый год

Революции в каждой стране — осевое событие отечественной истории, вокруг отношения к ним выстраиваются литература и политика, к ним обращаются потомки за образами прошлого

¹³³ Статья 354.1 пункт 3 УК РФ.

и будущего. Мы говорили о том, как в США попытка пересмотра взгляда на американскую революцию — войну за независимость — привела к возникновению «Проекта 1619» и «Комиссии 1789», воплотивших основной политический раскол в отношении к прошлому. Во Франции вековые споры о революции привели к мнению, разделяемому большинством: революция была благом, а революционный террор — злом. Понятие революции во Франции отделено от кровавых событий, последовавших за провозглашением республики, и нагружено исключительно положительными смыслами. Эмманюэль Макрон во время борьбы за президентское кресло опубликовал книгу под названием «Революция», изложив в ней свои взгляды на будущее Франции, и этот заголовок не вызывал протеста¹³⁴. Французы гордятся своей революцией.

Не так дело обстоит в России. Невозможность сказать что-то однозначное о революции 1917 года приводит к тому, что государство и политики удивительным образом по большей части хранили молчание по поводу столетия этого события. В их картине мира история должна трактоваться единственно возможным образом — только в этом случае к ней можно обращаться для описания современности. Если же какое-то событие использовать подобным образом не получается, к нему вообще лучше не обращаться.

Столетие Октября в 2017 году страна, когда-то ведшая от него отсчет своего существования, встретила оглушительным молчанием. Историки, конечно, провели десятки научных конференций и семинаров, опубликовали несколько хороших монографий. Но это было внутрицеховое обсуждение. Для обычного гражданина России столетие революции прошло незамеченным. Ближайшая к тому историческому периоду тема, вокруг

¹³⁴ Макрон Э. Революция. — М.: Издательство Московского университета, 2019.

которой шумели споры, — фильм Алексея Учителя «Матильда» и борьба против него Натальи Поклонской — вообще не имела отношения к революционной тематике.

Для сравнения можно вспомнить, что Франция к столетию своей Великой революции устроила всемирную выставку, напоминанием о которой стала Эйфелева башня. Американская статуя Свободы была (пусть и с опозданием на 10 лет) подарком к столетию Войны за независимость. Казалось бы, на монументальное искусство в России ресурсов не жалеют. Но не было ни выставки, ни возведения монумента, ни даже отечественного блокбастера на экранах.

А самое главное — в обществе не началось никакой дискуссии о значении 1917 года, о его наследии, о влиянии революции на весь мир и на сегодняшнюю Россию. Это не значит, что мы знаем ответы на эти вопросы, скорее наоборот. Но пока эти вопросы задают только историки в тиши научных аудиторий. Необычная ностальгия по монархии и противникам большевиков, вспыхнувшая в конце 1990-х — начале 2000-х, когда перезахоранивали останки царской семьи и привозили в Россию прах усопших на Западе белых генералов, реабилитировала побежденную сторону Гражданской войны, но не способствовала распространению альтернативной версии истории. Профессор Андрей Зубов едва ли не в одиночку отстаивает антисоветский нарратив, вызывая лишь новые волны критики.

У этой ситуации несколько причин. Во-первых, для нынешнего российского государства любая революция — очевидное зло. Опасения, вызванные цветными революциями и «арабской весной», давно уже сформировали отчетливо контрреволюционную идеологию, проявляющуюся во внешней политике и внутривнутриполитической риторике власти. Вместе с тем прямо осудить большевиков и заклеить революцию тоже не получается: из 1917 года родом и Советский Союз (пусть он и оформился лишь спустя пять лет), распад которого в 1991-м президент

Владимир Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой», и множество институтов и практик, без которых трудно представить сегодняшнее государство. На встрече Валдайского клуба в октябре 2017 года президент осторожно обмолвился о «неоднозначности» результатов революции, о том, как «тесно переплетены негативные и, надо признать, позитивные последствия тех событий»¹³⁵. А раз нет возможности ни отпраздновать столетие Октября, ни заклеить семнадцатый год, молчание представляется лучшим выходом. Революцию страшно вспоминать, но невозможно забыть.

Во-вторых, события середины прошлого века — репрессии сталинского периода и Великая Отечественная война — для ныне живущего поколения все еще являются «последней катастрофой» (термин французского историка Анри Руссо), заглушившей травмы предшествующей трагедии. Пока нет признаков того, что распад СССР сыграет для большинства населения постсоветских государств сравнимую роль. Именно вокруг войны и репрессий кипит неостывающая память, прорываясь то в ужасе Сандармоха, то в шестивии «Бессмертного полка». Но связь этих событий с революцией, очевидная для современников, сегодня не ощущается.

Наконец, в-третьих, нельзя забывать, что в обществе есть по меньшей мере две силы, имеющие свое твердое мнение о революции. Коммунисты продолжают считать октябрь 1917 года зарей справедливого мира, а Русская православная церковь — безбожным бунтом. Любопытно, что две главные консервативные общественные группы диаметрально разошлись в этой оценке, но никакого публичного диалога между ними тоже не наблюдается. Российское общество устроено так, что попытки

¹³⁵ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». 19 октября 2017 года. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/55882>.

диалога обращены не друг к другу, а к власти, а власть в этих условиях, очевидно, не хочет принимать чью-либо сторону.

Не только консерваторы, но и оппозиционные публицисты, еще недавно нет-нет да и проводившие параллели между ситуацией в России нынешней и столетней давности, отмечая коррупцию, провалы государственного управления, внешнеполитические авантюры и растущее недовольство масс, в 2017 году утратили интерес к такой интеллектуальной игре.

Как же объяснить такое невнимание политиков к юбилею столь важного для российской истории события? Ведь эта революция в самом деле стала началом нового мира. Последняя из великих революций Нового времени, она и завершила Новое время, исчерпав спектр утопий, рожденных разумом в начале той эпохи. Предложив альтернативу демократическому и республиканскому идеалу, который олицетворяли Соединенные Штаты, революция заложила основы биполярного мира. Он воплотился в противостоянии держав в годы холодной войны и, как мы видим, пережил даже распад Советского Союза, возродившись в риторике «российской угрозы» в современных США. Ирония истории или важный для ее понимания парадокс: через 100 лет после того, как Россия представила миру свою модель светлого будущего, страна позиционирует себя как полюс традиционализма, идеализирующий прошлое.

В самой России трудно отделить последствия Октября от результатов 70 лет советского режима: уничтожение политической конкуренции и укрепление институтов вертикального управления, истребление гражданского общества, создававшегося в предшествовавшие революции полвека (начиная с Великих реформ). Вместе с тем разрушение старых скреп и реформирование морали открыло шлюзы для творчества, и в первое десятилетие после революции российское искусство (живопись, театр) впервые вышло на передовые рубежи, избавившись от привкуса вторичности по сравнению с европейским.

Положение женщин в обществе резко изменилось, что сделало Советскую Россию одной из самых передовых стран тогдашнего мира. Последовавший культурный разворот, преследование авангардного искусства и возвращение патриархальных семейных порядков показали первичность политической вертикали относительно творческой конкуренции, но не лишили нас права видеть в революции это раскрепощение. Революция предоставила стране возможность для рывка в новую социальную реальность, но эта новая реальность обернулась не только обществом модерна, но и идеологическим государством, лишившим советский модерн его фундамента — свободного выбора.

Обращение общества к своему прошлому — это всегда формулирование остроактуальных вопросов, ответы на которые помогают понять что-то важное в сегодняшнем дне. Современной России есть о чем спросить 1917 год, но она, похоже, боится узнать ответ.

Эпилог

Фрески Арнаутова

Монументы и другие исторические изображения, какими бы прогрессивными или революционными они ни были в момент создания, со временем в глазах новых поколений превращаются в утверждение несправедливостей прошлого.

К примеру, в Бостоне с 1876 года стоял мемориал, посвященный освобождению рабов. На нем изображен Авраам Линкольн и поднимающийся с колен освобожденный афроамериканец. В момент установки это было классическое отражение в монументальной скульптуре «Прокламации об освобождении», причем встающий с колен раб долгие годы был одним из визуальных образов аболиционистской пропаганды. Однако в 2017 году, после конфликта в Шарлотсвилле, эта композиция стала мишенью критики, поскольку в ней раб изображен в приниженном положении по сравнению с Линкольном¹³⁶: «Он как будто чистит Линкольну ботинки!» Кампания против монумента дала плоды — его демонтировали в самом конце 2020 года¹³⁷.

¹³⁶ Fernandez, Raul. A monument to white supremacy stands uncontested in our own back yard // <https://medium.com/@raulspeaks/a-monument-to-white-supremacy-stands-uncontested-in-our-own-back-yard-672f26db429c>.

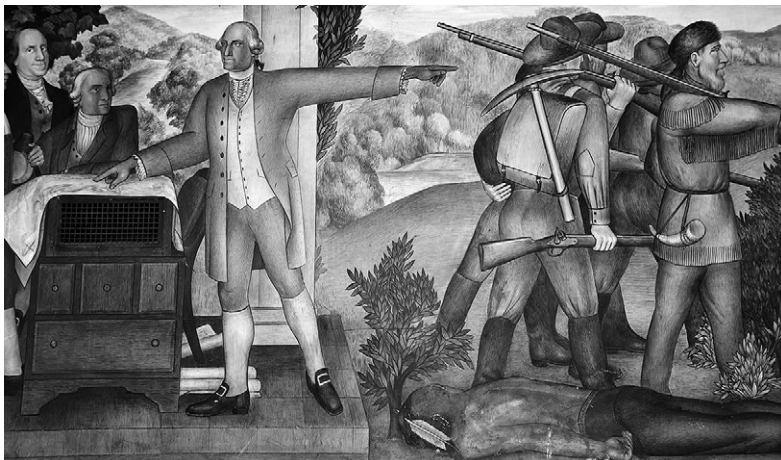
¹³⁷ Andersen, Travis and Martin Finucane. Controversial monument depicting Lincoln standing over a freed slave removed from the Back Bay // *The Boston Globe*. December 29, 2020.

Виктор Арнаутов, русский эмигрант в США, учившийся в Мексике писать фрески у Диего Риверы, симпатизировал коммунистам и, получив в 1936 году заказ расписать здание школы имени Джорджа Вашингтона в Сан-Франциско, подошел к этой задаче как социальный критик. Его 13 фресок, составившие цикл «Жизнь Вашингтона», далеко отошли от канонического образа отца-основателя американской нации. Русский художник изобразил Вашингтона как рабовладельца (на фресках изображен тяжелый труд афроамериканцев) и истребителя индейцев (мертвое тело одного из коренных американцев размещено на первом плане одной из фресок). Надо заметить, что в учебниках, по которым учились американские школьники в 1930-е годы, Вашингтона не рассматривали как рабовладельца, а экспансия на Запад описывалась как триумфальное освоение белыми переселенцами пустых пространств, а не как геноцид индейцев,

Памятник Линкольну с поднимающимся с колен рабом.
Монумент освобождения. Бостон.

J. Scott Applewhite / AP Photo / East News

Одна из 13 фресок Арнаутова в школе имени Джорджа Вашингтона в Сан-Франциско. На ней изображен мертвый индеец.
МИА «Россия сегодня»

так что фрески вносили заметные коррективы в представление о прошлом, преподававшееся в школе¹³⁸.

Однако весной 2019 года активисты движения коренных американцев потребовали убрать фрески из виду — спор шел только о том, уничтожить их совсем, закрасить или задрапировать. Теперь эти фрески называют «американской историей с точки зрения колонизаторов». «Не важно, что имел в виду Арнаутов», — говорит одна из активисток. По ее словам, фрески «прославляют роль белого человека и отрицают человеческую сущность других людей»¹³⁹. После долгих дебатов и протестов общественности фрески решили сохранить, но закрыть от учеников.

¹³⁸ Cherny, Robert W. Victor Arnautoff and the Politics of Art: A political biography of the great California muralist. Urbana: University of Illinois Press, 2017.

¹³⁹ Carol Pogash. These High School Murals Depict an Ugly History. Should They Go? // *The New York Times*, April 19, 2019.

Часть третья
Прошлое
как поле
конфликтов
и повод для
примирения

Поскольку вся политика по одному из ее определений конфликтна, мы, конечно, обсуждали столкновения почти на каждой странице этой книги, шла ли речь об учебниках, памятниках или музейных экспозициях. Однако в этой части мы немного сместим фокус нашего внимания и сосредоточимся на самом конфликте, а не на символах, вокруг которых он разгорается. Где есть символический конфликт, возможно и его символическое разрешение, но всегда ли находятся желающие его разрешить?

Пролог

Памятник «девушке для утешения» в Сеуле

В декабре 2011 года напротив посольства Японии в Южной Корее была установлена статуя сидящей женщины, внимательно смотрящей на здание дипломатического представительства. Этот мемориал создал Корейский совет женщин, принужденных к сексуальному рабству (речь идет о женщинах, которых брали в сексуальное рабство военные Японии во время Второй мировой войны). В течение двух предшествовавших десятилетий совет организовывал на этом месте по средам еженедельные демонстрации, требуя от Японии признания проблемы, выплаты материальной компенсации и принесения извинений.

Статую установили в день тысячной демонстрации, а всего их было проведено более 1400, они продолжаются и сейчас. Япония отказывается признавать проблему в той форме, на которой настаивает Корея, и требует удаления статуи от посольства. В 1995 году корейские женщины отказались от предложенного Японией плана компенсаций, потому что планировалось привлечь деньги частных фондов и пожертвования. Они хотели репараций именно от японского правительства. В 2015 году было достигнуто соглашение о выплате миллиарда йен в качестве компенсации, однако в 2018 году правительство Южной Кореи разорвало соглашение, не устроившее Корейский совет

женщин, принужденных к сексуальному рабству, а в городе Пусане был установлен второй памятник «девушкам для утешения».

Посольство Японии требует убрать памятники, ссылаясь на международные конвенции об уважении дипломатических миссий. В ответ министерство иностранных дел Южной Кореи сообщило, что не будет просить жертв насилия, которым уже больше 80 лет, удалять их мемориал. «Вместо того чтобы настаивать на удалении статуи, японское правительство должно задать себе вопрос: почему жертвы проводят эти митинги ежедневно в течение 20 лет и правда ли оно не может найти способ восстановить их достоинство, чего так хотят эти женщины?»¹⁴⁰

Памятники «девушкам для утешения» установлены и в других городах Южной Кореи, а также еще в нескольких странах, где есть сильная корейская диаспора, в частности в Австралии, США и Германии. В 2020 году в Корейском ботаническом саду была размещена подобная статуя под названием «Мемориал искупления». Отличием этого памятника стало то, что здесь перед «девушкой для утешения» на коленях стоит бронзовый мужчина, весьма напоминающий премьер-министра Японии Синдзо Абэ. Это привело к дипломатическому скандалу, хотя корейские официальные представители и заверили, что фигура изображает абстрактного мужчину¹⁴¹.

Эта история напомнила наблюдателям о конфликте, развернувшемся вокруг японского учебника истории, в котором завоевание Японией Китая и Юго-Восточной Азии описывалось как антиколониальная борьба, принесшая оккупированным

¹⁴⁰ Sang-Hun, Choe. Statue Deepens Dispute Over Wartime Sexual Slavery // *The New York Times*. December 15, 2011.

¹⁴¹ Japan says South Korea kneeling statue 'unacceptable' if it's Abe // *Nikkei Asia*. July 28, 2020.

странам экономическую выгоду, а Нанкинская резня низводилась до незначительного инцидента¹⁴².

Исторический конфликт в Восточной Азии между Японией и странами, которые она оккупировала в ходе Второй мировой войны, весьма глубок. В отличие от Германии, сумевшей в целом преодолеть негативное отношение соседей, Япония остается объектом ненависти для значительной части населения Кореи и Китая. В этих странах считается, что Япония использует атомную бомбардировку Хиросимы и Нагасаки для того, чтобы изобразить японцев жертвами Второй мировой войны, а не агрессорами, ответственными за военные преступления.

Памятник «девушкам для утешения» и еженедельный ритуал, совершаемый возле него, служит для постоянного напоминания о конфликте, который с точки зрения жертв так и не получил разрешения.

Конфликты внешние и внутренние

В России фрагментация истории по социальным и гендерным группам происходила медленнее, чем ее дробление по этническим и региональным признакам. Становление региональной идентичности опиралось на ресурсы местных элит и создавало запрос на создание местных вариантов истории, зачастую отличающихся от общенационального исторического нарратива и даже противоречащих ему. Помимо заинтересованности элит, то есть запроса на политическом уровне исторического сознания, во многих регионах существует собственная травма, как правило, связанная с историей отношений с центральной властью или соседями. Это может быть память о несправедливостях национальной политики, о расказачивании или

¹⁴² Onishi, Norimitsu. Japan: Protests Over History Texts // *The New York Times*. April 6, 2005.

Памятник «девушке для утешения» в Ботаническом саду в Пхенчане со статуей коленопреклоненного мужчины. *Daewoung Kim / Reuters*

об экологических катастрофах и утрате материальных ценностей местной культуры. Якутия и Чукотка, Татарстан и Северный Кавказ в разные эпохи имели сложные отношения с Москвой, что осложняет задачу поддержания баланса между общероссийским и местным нарративами в региональном историческом сознании.

В январе 2008 года, например, казацкие атаманы Ростова-на-Дону запустили процесс реабилитации Петра Краснова, руководителя Всевеликого войска Донского, казачьего квазигосударства периода Гражданской войны в России. С этим не могла согласиться центральная власть, и не потому, что «красновский» нарратив времен Гражданской мог трактоваться как

сепаратистский, а в силу того, что Краснов во время Второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами и был казнен в 1947 году как военный преступник. Инициативы казаков, таким образом, вступили в противоречие с наиболее контролируемой областью исторического нарратива, с историей Великой Отечественной войны.

В последних числах января 2008 года руководство казачьего движения публично отказалось от планов реабилитации Краснова, а 1 февраля в казачью столицу Новочеркасск прилетел президент Путин, который встретился с казачьими активистами и возложил венки к памятнику другому атаману — герою войны 1812 года Матвею Платову. Путин лично вмешался в эту историю и настоял на отказе от попытки реабилитации Краснова¹⁴³.

Однако очевидно, что центральная власть не может пресекать «в ручном режиме» каждый отход от централизованного нарратива. Во многих регионах местная история уже формирует идентичность «потомков завоеванных Москвой народов». Центральная версия истории (представленная, в частности, школьными учебниками) начинает восприниматься там как чужая и навязанная.

Если написание учебника требует относительно больших интеллектуальных ресурсов, то установка памятника является простейшим актом исторической политики. В станице Еланская Ростовской области на личном казачьем подворье установлен мемориал атаману Краснову. Активисты «альтернативной» исторической памяти борются за сооружение в Казани памятника защитникам города от войск Ивана Грозного, в Чечне установлен памятник героическим женщинам из аула

¹⁴³ Кислицын С. А. О соотношении российской и региональной идентичности в исследованиях по истории краев и областей Российской Федерации (на материалах истории Ростовской области и донского казачества) // История края как поле конструирования региональной идентичности. — Волгоград: Издательство ВолГУ, 2008. — С. 80.

Дади-Юрт, пожертвовавшим собой в борьбе против русских войск в 1829 году, и даже в Рязани поставили памятник князю Олегу (который в «москвоцентричном» нарративе считается предателем, выступившим в битве на Куликовом поле на стороне монголо-татар)¹⁴⁴.

¹⁴⁴ Королькова С. Генералу Краснову в России поставили памятник // Экспресс-газета. 2009. 15 июня. <http://www.eg.ru/daily/melochi/13652>.

Татарское правительство снова решило ставить памятник защитникам Казани от Ивана Грозного // Центр Льва Гумилева. 2012. 15 марта. <http://www.gumilev-center.ru/tatarskoe-pravitelstvo-snova-reshilo-stavit-pamyatnik-zashhitnikam-kazani-ot-ivana-groznogo/>.

Антонов К. Защитникам Казани не оставили камня // Коммерсантъ. 2019. 18 дек.

В Гудермесском районе открыли мемориал погибшим защитникам Дади-Юрта // ИА «Чеченская республика сегодня». 2009. 19 сент. <http://www.chechnyatoday.com/content/view/3549/89>.

В Рязани открыт памятник князю Олегу Рязанскому работы Церетели. Это первый монумент известнейшего скульптора в нашем городе // Рязанские новости. 2007. 29 окт. <http://www.rzn.info/news/2007/10/29/12096.html>.

История VII

Коленопреклонение в Катыни, или Вторая мировая война в европейской памяти XXI века

7 апреля 2010 года Владимир Путин и Дональд Туск, тогдашние премьер-министры России и Польши, посетили мемориальный комплекс расстрелянным польским офицерам в Катыни. Путин возложил венок и встал на колени перед памятником, а также произнес речь, в которой подтвердил позицию России по отношению к преступлению сталинского режима: «Десятилетиями в циничной лжи пытались замарать правду о катынских расстрелах, но было бы такой же ложью и подтасовкой возложить вину за эти преступления на российский народ, — заявил Путин. — Перед этими могилами, перед людьми, которые приходят сюда почтить память своих близких, было бы лицемерно сказать: “Давайте все забудем”, сказать, что “все кануло в Лету”. Нет, мы обязаны хранить память о прошлом и, конечно, будем это делать, какой бы горькой ни была эта правда»¹⁴⁵. Туск там же сказал, что две страны стали на путь, ведущий к сближению.

¹⁴⁵ Путин: России нечего скрывать о преступлениях в Катыни // ВВС. Русская служба. 2010. 7 апр. https://www.bbc.com/russian/international/2010/04/100407_katyn_putin.

Премьер-министр России В. В. Путин в Катыни, 7 апреля 2010 года.
МИА «Россия сегодня»

Этому событию предшествовал период крайне холодных отношений двух стран. Еще в 1998 году в Польше был учрежден государственный Институт национальной памяти, ведущее учреждение региона по политической работе с прошлым. Именно оно стало «головным институтом» по продвижению концепции идентичности нацизма и коммунизма. В последующее десятилетие методы Института национальной памяти распространились во многих странах Центральной Европы. В 2008–2009 годах Европейский парламент (по предложению Чехии), а затем Парламентская ассамблея ОБСЕ (по предложению Словении и Литвы) приняли резолюции, устанавливающие Европейский день памяти жертв сталинизма и нацизма 23 августа. Показательно, что резолюция Парламентской ассамблеи называлась «О воссоединении разделенной Европы: поощрение прав

человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». Решение приняли, несмотря на возражения России, представители которой указывали не только на неправомерность приравнивания сталинизма к нацизму, но и на неприемлемое для страны возложение фактически равной ответственности за начало Второй мировой на гитлеровскую Германию и сталинский Советский Союз, выразившееся в установлении даты подписания пакта Молотова–Риббентропа днем памяти.

Жест премьер-министра Путина напомнил самое известное подобное событие — «коленипреклонение в Варшаве» (нем. *Kniefall von Warschau*), совершенное канцлером Федеративной Республики Германии Вилли Брандтом 7 декабря 1970 года. Во время визита в Польскую Народную Республику Брандт возложил венок к памятнику жертвам Варшавского восстания и неожиданно для сопровождавших опустился на колени. Этот жест покаяния Брандта за зло, принесенное нацистской Германией во время Второй мировой войны, помог ФРГ снизить недоверие к ней со стороны восточных соседей и в целом уменьшить напряжение между Востоком и Западом, став одним из важнейших событий периода разрядки. В самой ФРГ он был воспринят неоднозначно и привел к выходу из СДПГ, партии Вилли Брандта, части ее членов. Однако очевидное улучшение международной репутации Германии в результате этого события помогло СДПГ победить на следующих выборах в бундестаг, а самому Вилли Брандту — получить Нобелевскую премию мира в 1971 году (конечно, не только за коленипреклонение, а за всю его «восточную политику» в целом, символом которой стал этот жест в Варшаве).

Через три дня после встречи Путина с Туском самолет президента Польши Леха Качиньского, также направлявшегося в Катынь, потерпел катастрофу при посадке в Смоленске. Президент и все 97 человек на борту погибли, что вызвало волну сочувствия со стороны россиян. На другой день, 11 апреля

Коленопреклонение Вилли Брандта в Варшаве, 1970 год . *Webarchive*

2010 года, в прайм-тайм телеканала «Россия-1» был показан художественный фильм Анджея Вайды «Катынь» (до этого он более двух лет не попадал на российские экраны и впервые прошел на телеканале «Культура» лишь 2 апреля того же года)¹⁴⁶. В российско-польских отношениях, казалось, наступила новая эпоха — сближения и преодоления прошлого.

Российско-польский исторический конфликт

Этот период, однако, не продлился долго. Резкое охлаждение наступило уже в 2014 году, после присоединения Крыма к России, а после победы на выборах в Польше в 2015 году

¹⁴⁶ Шкуренко О. Как признавали Катынь // Коммерсантъ-Власть. 2010. 19 апр. №15. — С. 44.

консервативной партии «Право и Справедливость» Россия вновь заняла во внутривосточном политическом дискурсе место традиционного обидчика. Польское руководство продвигает в европейских политических структурах идею о равной ответственности нацистской Германии и сталинского Советского Союза за начало Второй мировой войны и трагедию Польши.

Новый виток обострения международных споров о том, что собой представляла война, исключительно агрессию Германии или конфликт двух тоталитарных стран, случился в начале осени 2019 года, когда в центре внимания Европы было 80-летие начала Второй мировой. В России к этому времени наметился отход на позиции едва ли не сталинского времени. В некоторых публикациях российских политиков содержалось даже оправдание пакта Молотова–Риббентропа. Тогдашний министр культуры Владимир Мединский назвал пакт «дипломатическим триумфом» СССР¹⁴⁷. Польша, в свою очередь, занялась продвижением концепции «двух тоталитаризмов» на европейском пространстве. 19 сентября 2019 года Европейский парламент принял резолюцию «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», возложившую ответственность за начало войны не только на Германию, но и на Советский Союз, который в секретной части пакта о ненападении разделил с Германией Восточную Европу. В этой резолюции была принята версия войны как схватки «двух тоталитаризмов»¹⁴⁸.

Надо отметить, что не только бывшие союзники СССР по антигитлеровской коалиции, но и руководители современной Германии не склонны поддерживать версию о столкновении

¹⁴⁷ Мединский В. Дипломатический триумф СССР // РИА Новости. 2019. 23 авг. <https://ria.ru/20190823/1557826932.html>.

¹⁴⁸ Europe must remember its past to build its future. 19.09.2019 // <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future>.

«двух тоталитаризмов». Так, министр иностранных дел Германии Хайко Маас в соавторстве с директором мюнхенского Института современной истории Андреасом Виршингом посвятил колонку в журнале *Der Spiegel* 75-летию окончания Второй мировой войны. В статье авторы возражали против ситуации, когда «пострадавшую сторону превращают в агрессора, а жертв — в преступников». Они настаивали, что «нападением на Польшу Германия в одиночку развязала Вторую мировую войну. И Германия в одиночку несет ответственность за совершенные против человечности преступления холокоста», и возражали против «приписывания другим народам преступной роли»¹⁴⁹.

В конце 2019 года президент России Владимир Путин использовал резолюцию Европейского парламента как повод для обновления своего образа защитника священной памяти советских солдат, павших за освобождение Европы от нацизма. В нескольких выступлениях подряд он заявил об общей вине европейских политиков 1930-х годов за начало мировой войны, сделав особый акцент на ответственности польских государственных деятелей, также пытавшихся договориться с Гитлером¹⁵⁰.

¹⁴⁹ Виршинг А., Маас Х. Нет политики без истории // Сайт Представительства Германии в России. 2020. 7 мая. <https://germania.diplo.de/ru-ru/aktuelles/-/2339548>.

¹⁵⁰ См.: Большая пресс-конференция Владимира Путина // Сайт Президента России. 2019. 19 дек. <http://kremlin.ru/events/president/news/62366>.

Неформальный саммит СНГ // Сайт Президента России. 2019. 20 дек. <http://kremlin.ru/events/president/news/62376>.

Заседание коллегии Министерства обороны // Сайт Президента России. 2019. 24 дек. <http://kremlin.ru/events/president/news/62401>.

Встреча с руководством палат Федерального Собрания // Сайт Президента России. 2019. 24 дек. <http://kremlin.ru/events/president/news/62404>.

Встреча с представителями российского бизнеса // Сайт Президента России. 2019. 25 дек. <http://kremlin.ru/events/president/news/62412>.

Тогда же Путин пообещал лично подготовить историческую статью на тему предвоенной дипломатии и начала войны. Такая статья и правда вышла 19 июня 2020 года. Президент Путин, в отличие от немецкого министра, не стал возлагать всю ответственность за начало войны на Германию. Он настаивал: «Нечестно утверждать, что двухдневный визит в Москву нацистского министра иностранных дел Риббентропа — главная причина, породившая Вторую мировую войну. Все ведущие страны в той или иной степени несут свою долю вины за ее начало», — и обвинил «наших партнеров» в информационных атаках на Россию и в лицемерии¹⁵¹.

Очевидно, что и в этом споре разговор о прошлом является проявлением современного конфликта, в котором оказалась Россия к концу второго десятилетия XXI века.

Изменение оценок Второй мировой войны в европейском дискурсе последнего десятилетия и в самом деле создает впечатление координированной атаки с целью не то унижить россиян, не то обосновать удаление России из круга ведущих держав современности. Однако более глубокий анализ показывает, что в основе лежат прежде всего внутривнутриполитические процессы построения новой идентичности, обострившиеся после распада мировой социалистической системы и СССР.

Послевоенный порядок и нарратив Второй мировой

Мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны, был скроен по лекалам держав-победительниц. Пять держав стали постоянными членами Совета Безопасности ООН, они же

¹⁵¹ Путин В. В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Сайт Президента России. 2020. 19 июня. <http://kremlin.ru/events/president/news/63527>.

играли главные роли в региональных организациях безопасности и двух противостоявших друг другу блоках времен холодной войны — НАТО и ОВД. Описание истории и трактовка Второй мировой войны также были прерогативой победителей. Уинстон Черчилль получил Нобелевскую премию за многотомную «Историю Второй мировой войны», а в школах всего мира эта война преподносилась как борьба добра со злом — нацизмом. Акценты и фокус борьбы различались в советских и американских учебниках, но основная идея совпадала: именно военный союз держав-победительниц стал основой единого подхода. Эта версия событий преподавалась и в школах побежденных стран, а также в малых странах Европы, следовавших в исторической политике за крупными державами. Не случайно апелляция к «встрече на Эльбе» и боевому братству Второй мировой оставалась важным аргументом в поисках общего языка через «железный занавес».

Такой взгляд характеризовался двумя важными презумпциями. Во-первых, война имела выраженную моральную окраску. Уничтожение агрессивного режима, практиковавшего массовое истребление людей по национальному (расовому) признаку, силами коалиции западных демократий и Советского Союза, который в этой картине мира относился к «силам добра». Во-вторых, в Европе сложился консенсус в том, что страница прошлого, чреватого мировыми войнами, перевернута, и в новом мире нет места апелляциям к историческим несправедливостям сверх тех, которые подверглись осуждению в Нюрнберге и были подтверждены обязательствами Германии. Спустя 30 лет после войны границы, какими бы несправедливыми они ни казались потомкам части европейцев, переживших этнические чистки и переселения в середине века, признали нерушимыми, а Западная Европа перешла к строительству новой европейской идентичности, в рамках которой снизилась острота вопроса о государственной принадлежности когда-то

спорных пограничных регионов. Прошлое перестало быть аргументом в международной политике.

Казалось, Вторая мировая война заложила основы и общего представления о границах европейской цивилизации. Хотя европейский континент в послевоенный период и делился надвое «железным занавесом», Советский Союз не только контролировал политические процессы в Восточной Европе, но и сам был ее частью; вопроса о его «цивилизационной» принадлежности не возникало. Совершенно естественно в устах одного из победителей, генерала де Голля, звучала мысль о «Европе от Атлантики до Урала».

Кризис послевоенного нарратива

Этот порядок начал рушиться уже к концу прошлого века. Дети и внуки поколения победителей поставили под сомнение черно-белую картину Второй мировой, указывая на соучастие многих сограждан в холокосте и военных преступлениях. В самой Германии, крепче всего держащейся за послевоенную картину мира, возник (и был подавлен общественным возмущением) «спор историков», пытавшихся переосмыслить первую половину XX века как общеевропейскую «гражданскую войну». А после распада мировой коммунистической системы, а затем и самого Советского Союза пересмотр представлений о прошлом получил мощный стимул со стороны государств бывшей Восточной Европы (переименованной собственными элитами в Центральную).

Перестав испытывать идеологическое давление и контроль со стороны Москвы, интеллектуалы и политики центрально-европейских стран и близких к ним в этом отношении стран Балтии приступили к реконструкции собственной национальной идентичности, а перед многими постсоветскими странами встала проблема национального строительства с нуля.

В этой работе центральное место занял процесс выработки собственного отношения ко Второй мировой. В самом деле, нарратив войны как борьбы добра со злом плохо ложился на национальную память жителей этих стран: во многих случаях население раскололось, значительная его часть сотрудничала с немецкими властями, а в послевоенные годы — с просоветскими лидерами государств. Народы оказались разделенными между двумя враждебными лагерями, и многие были вовлечены в военные преступления — как в качестве жертв, так и в роли палачей. Эта эпоха оставила после себя болезненное наследие, и до сих пор очень сложно примирить национальную память с трагическим прошлым.

В некоторых странах Вторая мировая выглядела как «навязанная гражданская война». Так, например, большие группы эстонцев служили в Красной армии, в германских и финских частях и воевали друг против друга. Задача национального строительства требовала примирить память об этих группах, и для ее решения эти страны объявили себя жертвами двух внешних сил, двух тоталитарных режимов, равно чуждых местным традициям и интересам. Такая трактовка позволяла вынести за рамки национального сообщества вопрос об ответственности за деяния этих режимов, даже совершавшиеся на территории этих стран и при участии местного населения.

В странах Балтии были реабилитированы ветераны Войск СС. В Западной Европе не проводились парады ветеранов прогерманских подразделений, зато они проходили в восточной ее части. На рассказ о войне наложился опыт послевоенных десятилетий, и во многих государствах Центральной Европы и Балтии в 1990–2000-е годы были открыты музеи «двух оккупаций» или тоталитаризма, также приравнивающие немецкое правление 1940-х годов к периоду социализма с конца 1940-х до конца 1980-х годов. Одновременно нарратив, центром которого является день 9 Мая, предстал в некоторых странах региона как

Инсталляция во дворе королевского дворца в Варшаве 17 сентября 2019 года. Слева — известная фотография немецких солдат, ломающих шлагбаум на польской границе в день начала Второй мировой войны. Справа — зеркальное отражение этой же фотографии с пририсованными на касках звездами (изображающее, таким образом, солдат Красной армии). *Фото автора*

чужой — праздник этнических русских, и стал служить сплочению «сообщества контрпамяти», противостоящего государственному дискурсу этих стран¹⁵². Именно программа национального строительства требовала признания СССР и гитлеровской Германии «двумя тоталитарными режимами», в равной степени ответственными за Вторую мировую войну.

Очевидно, что такая трактовка ставила под сомнение моральные основания послевоенного порядка, делая его лишь

¹⁵² См.: Махотина Е. Преломления памяти. Вторая мировая война в мемориальной культуре советской и постсоветской Литвы. — СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2020. — С. 200.

результатом временного соотношения сил великих держав. Именно поэтому к такому пересмотру истории очень осторожно относится и Германия, и страны-победительницы. По понятным причинам не может согласиться с такой интерпретацией и Россия: 27 миллионов советских людей погибли в войне с нацистской Германией, эти жертвы могут быть оправданы только победой над абсолютным злом, и другое представление о Второй мировой в обозримом будущем в России принято не будет.

Даже в тех странах постсоветского пространства, где учебники описывают войну как борьбу за правое дело, например в Армении или на Украине, есть точка зрения, что сотрудничество некоторых национальных лидеров с нацистами может быть оправдано¹⁵³. Россия, напротив, меньше других готова рассматривать Вторую мировую войну даже частично как гражданский конфликт, и официальный нарратив не предлагает варианта интеграции русских коллаборационистов в общую историю. Такие попытки имели место, но им очень далеко до включения в учебники истории или использования в речах политиков¹⁵⁴. Разница в исторической «оптике» сводит на нет вероятность соединения несовместимых версий Второй мировой

¹⁵³ См., например, такие исследования этой темы, как:

Освещение общей истории России и народов постсоветских стран в школьных учебниках истории новых независимых государств. Под ред. А. А. Данилова, А. В. Филиппова. — М., 2009. http://nlvp.ru/reports/doclad_hist_o2_light.pdf;

Бордюгов Г. А., Бухараев В. М. Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. — М.: АИРО-XXI, 2011;

Курилла И. И. В поисках национального единства или международного различия: Исторические нарративы в постсоветских государствах. Аналитическая записка № 203. // ПОНАРС Евразия. Вашингтон, 2012. http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/perpm203_russ_kurilla_may2012.pdf.

¹⁵⁴ См., например: История России. XX век. В 2 т. Под ред. А. Зубова. — М.: Астрель, АСТ, 2009.

войны. Схожую мысль высказывали исследователи учебников Кит Кроуфорд и Стюарт Фостер: «Поскольку типичные учебники истории представляют националистический взгляд на Вторую мировую войну в несистематизированной манере, мир до сих пор не имеет истории Второй мировой войны»¹⁵⁵. Это также означает, что благонамеренные проекты по созданию «совместных учебников истории» не смогут в обозримом будущем увенчаться успехом. Практически невозможно примирить два национальных нарратива, каждый из которых сконструирован так, чтобы объединить одну нацию¹⁵⁶.

Таким образом, отношение к прошлому вытекает из текущих задач политики каждого европейского государства. Современная наука считает нормой различие исторических нарративов разных субъектов истории, однако вопрос об их сосуществовании оставляет политикам. Вопрос в том, какое прошлое необходимо сегодня европейскому обществу.

Российская борьба за европейскую идентичность

В первые постсоветские годы российские политические лидеры исходили из того, что теперь они участвуют в строительстве нового общеевропейского дома. Вступление России в Совет Европы в 1996 году было шагом в этом направлении. Российские лидеры не раз в 1990-е и в начале 2000-х поднимали вопросы

¹⁵⁵ Keith A. Crawford, Stuart J. Foster. War, Nation, Memory: International Perspectives on World War II in School History Textbooks. Charlotte, NC: Information Age Publishing, 2007. Любопытно отметить, что в этой книге не исследуются учебники бывшего СССР.

¹⁵⁶ Тем не менее столкновение «исторических политик» разных стран не должно препятствовать сотрудничеству профессиональных историков, которые не могут ставить перед собой задачу создания некоего единого взгляда на прошлое. Диалог историков разных стран включает и обсуждение различных интерпретаций общего прошлого.

о присоединении страны к различным интеграционным проектам в Европе, отмене виз и даже вступлении в НАТО. Однако первыми в европейские организации вступили страны Центральной и Восточной Европы, для которых собственная европейская идентичность во многом определялась через отторжение восточного соседа.

Известно, что одним из наиболее распространенных способов формирования идентичности является определение «конституирующего Другого» — страны и народа, сравнение с которым и отталкивание от которого помогает определить себя. Россия, долгое время являвшаяся гегемоном на этом пространстве, естественным образом играла такую роль для большинства стран региона. На протяжении нескольких столетий Россия была идеальным «Другим» для соседей: большая, непредсказуемая, имеющая сложную историю отношений с народами, когда-то входившими в империю или граничившими с ней. Национальная идентичность молодежи в этих странах частично определяется сегодня в терминах отчуждения и исторической вражды. Важнейшим аргументом в переопределении России как внешнего по отношению к Европе «Другого» стало переосмысление Второй мировой войны и ее итогов.

Интересно отметить, что продвигаемый восточноевропейскими соседями тезис о близости «двух тоталитарных режимов» не выводит Россию из круга европейских держав. Если Германия — это Европа, то почему Европой не считать Россию? Однако в сочетании с переопределением странами Центральной Европы собственной идентичности путем отталкивания от России этот тезис проводит границу между Россией и европейскими государствами.

Россия позднее соседей вступила на поле «исторической политики», но за несколько лет проделала большой путь. Центром внимания российских властей является история Великой Отечественной войны, к потенциально «опасным»

исследованиям которой применялись эпитеты «фальсификация истории в ущерб интересам России», «отрицание победы СССР во Второй мировой войне», а с 2014 года и формулировка из Уголовного кодекса «реабилитация нацизма». Ученые воспринимают попытки чиновников навязать «правильные» трактовки Второй мировой войны как вмешательство в их профессиональную сферу, но политики преследуют скорее внешнеполитические цели, борясь с «пересмотром истории» и защищая свое место в Европе.

Утратив контроль над Центральной Европой, Москва оказалась под угрозой выпадения из европейского пространства. Теперь на западных границах России вырастает единая Европа, в которой ей места нет. Граница проводится по рубежу России и ее соседей. Символические жесты в виде поворота к Китаю не решают проблемы вытеснения России из Европы и сопутствующего кризиса ее европейской идентичности.

Западная Европа перед вызовом переосмысления истории

Неверно считать, будто изменения в прочтении истории Второй мировой войны тревожат исключительно россиян. Новый взгляд подрывает также представление о борьбе мирового сообщества с абсолютным злом. На этом представлении строился послевоенный консенсус. Так, Израиль озабочен возможностью релятивизации холокоста, превращением его из уникального злодеяния в лишь одно из преступлений XX века. Переосмысление войны ставит западные общества перед опасной дилеммой: с одной стороны, Великобритания и Франция, не говоря о Соединенных Штатах, хотели бы сохранить образ победителей «абсолютного зла», с другой — переоценка роли Советского Союза делает само зло не таким «абсолютным», а альянс с СССР — менее оправданным. Более того, перенос акцента

ведет к утрате морального содержания войны. Если в ее основе лежало столкновение двух диктатур, то роль демократий сводится к выбору более опасной для них стороны в качестве противника, а вовсе не к стремлению покончить со злом.

Кроме того, эта трактовка означает перекалывание ответственности за войну на «два тоталитарных режима», в то время как на Западе, казалось, уже формировался консенсус по поводу общей ответственности европейских политиков, допустивших развязывание Второй мировой войны. Мюнхенская сделка остается темным пятном на репутации западноевропейской дипломатии, но предложение забыть о ней, сосредоточившись на пакте Молотова–Риббентропа, не устраивает многих европейцев, щепетильно относящихся к памяти о собственной исторической вине. Тем не менее главные роли в определении позиции Европы по этому вопросу играют страны бывшего социалистического лагеря, что не может не сказаться на международной атмосфере.

Тени Второй мировой войны тревожат не только бывший соцлагерь. Приведу лишь один пример. В новой Европе выросла

Медаль в память о Мюнхенском соглашении с изображением участников: Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье.
KarlGoetz.com Collection

экономическая и политическая роль Германии, что дало противникам евроинтеграции повод использовать историю Второй мировой войны как символический аргумент, ставя знак равенства между агрессией Третьего рейха и современным расширением Евросоюза, как это было, в частности, в ходе недавних греческих протестов против требований ЕС.

Ответы России

Возникло несколько вариантов ответа российского общества на историческую политику центральноевропейских государств. Первый представлен, хотя и не всегда последовательно, официальной позицией МИДа, настаивающего на разделении вопроса о характере сталинского СССР (включая его ответственность за международные преступления, такие как Катынь), и проблемы ответственности за начало Второй мировой войны, а также роли Красной армии в освобождении Европы от нацизма. Эта позиция, однако, упрощает проблему, сводя ее к «искажению истории».

Вильнюсская декларация ПА ОБСЕ (2009 г.) была воспринята в России как попытка не только приравнять Гитлера к Сталину, но и поставить на одну доску освобождение Европы Советской армией и нацистскую оккупацию. Обе палаты российского парламента выступили с совместным заявлением, в котором вильнюсский документ был назван оскорблением памяти миллионов воинов, павших за освобождение Европы, а также напоминалось, что кроме 23 августа 1939 года (дня подписания советско-германского пакта) были еще мюнхенские соглашения 1938 года об «умиротворении Германии», по которым западные державы фактически подарили Гитлеру Чехословакию. В заявлении также говорилось о попытке подменить итоги Второй мировой войны результатами холодной войны и пересмотреть решения Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Общество «Мемориал» в свою очередь выступило с критикой парламентского документа, считая, что депутаты неверно прочли декларацию. В ней, по мнению этой организации, не было ничего оскорбительного для памяти павших, поскольку они не были частью или собственностью сталинского режима. Именно «Мемориал» еще в марте 2008 года обратился к странам постсоветской Евразии по поводу соперничающих «национальных образов прошлого» и «войн памяти». «Мемориал» предложил организовать Международный исторический форум для обмена мнениями о трактовках истории XX века в Восточной и Центральной Европе¹⁵⁷. В условиях углубления политического раскола эта инициатива не имела продолжения.

Видеть в пересмотре исторического нарратива искажение истории — значит занимать заведомо проигрышную позицию, подразумевающую наличие «канонического» понимания событий прошлого. Если речь идет не о фальсификации исторических источников, то множественность взглядов на историю неизбежна. Установить «канон» в понимании Второй мировой, к чему склоняется Российское государство, невозможно «сверху», решением власти: в современном информационном пространстве единое отношение к войне может сложиться лишь в результате общественного диалога, а в международных отношениях сегодня он не представляется возможным. Видимо, нынешнему поколению европейцев придется мириться с сосуществованием несовпадающих рассказов о Второй мировой войне, бытующих в разных странах. В связи с этим политики не должны настаивать на «своей» трактовке; целесообразнее вывести спор о войне из области актуальной политики. Сегодняшние немцы, россияне, поляки, итальянцы — не те люди, которые совершали подвиги или преступления 70 лет назад. Мы можем и должны

¹⁵⁷ О «национальных образах прошлого»: XX век и «война памяти» // Полит. ру. 2008. 27 марта. <http://www.polit.ru/article/2008/03/27/memory/>.

гордиться подвигами и скорбеть о преступлениях, но строить новую Европу надо исходя из того, что нас объединяет.

Два других варианта реакции на давление меняющегося нарратива заключаются в признании близости режимов СССР и нацистской Германии; различны лишь знаки этой оценки. В одном случае оправдываются действия Германии и Гитлера до нападения на Советский Союз (или по меньшей мере до начала Второй мировой войны). Так, в 2008 году «Военно-исторический журнал» опубликовал статью военного историка полковника Сергея Ковалева, в которой Польша фактически обвинялась в начале Второй мировой войны за отказ принять «справедливые» требования Германии в 1939 году¹⁵⁸. После разразившегося скандала материал был удален с сайта журнала, но само его появление показало, как далеко может завести логика спора с «новым нарративом». В апреле 2014 года известный политолог Андраник Мигранян в газете «Известия» попытался обелить «Гитлера до 1939 года», который, по его мнению, был в тот период «собирателем земель» и не заслуживает осуждения, вызванного его более поздней политикой¹⁵⁹. И в этом случае широкое возмущение общественности заставило автора объяснять свои слова и частично дезавуировать их.

Другой вариант признания равенства двух тоталитарных режимов исходит от либеральной общественности. Она видит в такой постановке вопроса аргумент в своей борьбе за очищение российского общества от последствий сталинизма, таких как низкий уровень защищенности гражданина от произвола государства, широкие полномочия спецслужб и ограничение прав и свобод.

¹⁵⁸ Ковалев С. Н. Вымыслы и фальсификации в оценках роли СССР накануне и с началом Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2008. №7.

¹⁵⁹ Мигранян А. Наши Передоновы // Известия. 2014. 3 апр.

Здесь мы подошли к важной проблеме. Внутри России спор о Второй мировой войне приобрел особый характер: старый раскол между сталинистами и антисталинистами оказался спроецирован на международную проблематику. Сталинисты выступили союзниками руководителей государства в борьбе против приравнивания Сталина к Гитлеру. Их противники настаивали, что такое приравнивание обоснованно, но предлагали разделить сталинизм и подвиг советского народа в войне.

Верно и обратное: если во внутренней политике антисталинисты стремятся «развести» подвиг народа в войне и сталинский режим, а сталинисты, напротив, утверждают, что без Сталина победа была невозможна, то политики соседних с Россией стран, использующие тезис о двух тоталитаризмах, по сути, солидаризуются с российскими сталинистами. В самом деле, отказываясь видеть в победе Красной армии освобождение от фашизма, описывая Вторую мировую войну как схватку «двух тоталитаризмов», они способствуют отождествлению героизма советского народа с политикой репрессивного режима.

Национализация Победы

В ответ на «пересмотр истории Второй мировой войны» в некоторых странах Европы в российской пропаганде (и достаточно широко в обществе) проявилась конфронтация. С одной стороны, в ходе празднования Дня Победы в последние годы россияне все чаще говорят о победе над Германией как об исключительно российском прошлом. «Приватизация» победы, ее переформулировка как «победы над Европой» в трудах некоторых активистов российской исторической политики фактически возрождает в зеркальном отражении нацистский миф о «цивилизаторской миссии» Германии, которая якобы несла завоеванным народам Восточной Европы «европейские ценности».

С другой стороны, в таком контексте обострение международной ситуации, на которое пошел Кремль в 2014 году, может объясняться попыткой «остаться Европой» хотя бы в статусе источника европейской головной боли. Вместе с тем именно это обострение ускорило процессы символического объединения европейцев перед «угрозой с Востока». Россия сыграла в ту игру, которую центральноевропейцы приписывали ей на протяжении предыдущих десятилетий. Со своей стороны, российская пропаганда в 2014 году бездумно использовала словарный запас времен Великой Отечественной войны, описывая войну как победу не над нацистской Германией, а над Европой с ее «чуждыми россиянам» ценностями. Современный раскол, таким образом, опрокидывается в прошлое, оценки действий СССР в 1930–1940-е годы и России в 2010-е влияют друг на друга.

Надо понимать, что проблема европейской идентичности и памяти о войне никуда не денется даже в случае изменения внешней и внутренней политики России. Сегодняшний конфликт подпитывает раскол, но не является его причиной. Память о Второй мировой войне (в разных формах) способствовала общности европейской истории. С затуханием этой общности встанет вопрос о том, что еще является общеевропейским «местом памяти».

«Лоскутное одеяло» или «агонистская память»?

Исследователи исторической политики часто противопоставляют два способа обращения с прошлым. В одном, иногда ассоциируемом с националистическими и консервативными политическими программами, история описывается единым каноническим нарративом, в котором исторические персонажи и события разделены на «добро» и «зло», а собственное прошлое преподносится как жертвенная или победоносная борьба с окружающими врагами.

Этому построенному на антагонизме способу создания исторического нарратива противостоит космополитический подход, в центре которого находятся страдания людей и нарушение прав человека. Именно такой подход набирал силу с 1980-х годов вокруг признания холокоста центральным событием европейской памяти XX века и сопровождался ростом значения прав человека как универсальной ценности. Во втором десятилетии XXI века вместе со спадом оптимизма и кризисом глобализации космополитическое отношение к прошлому стало уступать место новому антагонизму, порожденному приходом к власти во многих странах правых националистических режимов.

Исследователи этой проблемы Анна Булл и Ханс Хансен считают, что оба варианта опираются на моральные категории «добра» и «зла», но антагонистическая память приписывает их «жертвам» и «палачам», а в космополитической злом является античеловеческая практика (прежде всего холокост): фокус переносится с «палачей», как группы людей, на последствия их дел. Поэтому космополитическая память сосредоточена на травме и на сочувствии, то есть на прошлом за пределами его политического использования, но Булл и Хансен указывают, что таким образом она лишь освобождает место для новых политических антагонизмов, связанных с прошлым. Эти авторы считают позитивным формирование «агонистского» подхода к прошлому, в котором допускается существование множества перспектив и нарративов и проблематизируется наличие разных субъектов истории, вызывающих свои эмоции и страсти ¹⁶⁰.

Общение носителей разных нарративов поднимает проблему несовместимости памяти некоторых взаимодействующих групп. В самом деле, память противоборствующих сторон

¹⁶⁰ Bull, Anna Cento, Hansen, Hans Lauge. On Agonistic Memory // Memory Studies. 2016. Vol. 9 (4). P. 390–404.

старого конфликта устроена по-разному, и примирить их бывает невозможно. Политики способны лишь способствовать забвению травмы или же, в зависимости от собственных интересов, занимаются ее эксплуатацией.

Задачей тех политиков, которые не заинтересованы в конфликте, становится не создание единой общей истории, а «сшивание» разных нарративов в единое «полотно». Единая история в этом случае начинает походить не на монолит, придавивший альтернативные нарративы «покоренных» и «проигравших» этнических и социальных групп, а на лоскутное одеяло, сотканное из разных объяснений прошлого. Исторический нарратив «лоскутной истории» включает (но не примиряет) важнейшие взгляды, сосуществующие в обществе, вбирая в себя основные региональные, социальные и идеологические расколы. Гегемония одного «суверенного нарратива» уступает место диалогу как альтернативной форме нарратива, лучше отвечающей нуждам современного общества. Образ «лоскутного одеяла» не дает определенного ответа на многие важные вопросы, которые мы ставим перед прошлым, — вернее, он оставляет каждого из нас с собственным ответом; однако это означает признание нашего права задавать прошлому собственные вопросы. История, если использовать современную метафору, превращается из монолога вещающей «радиоточки» в интерактивный «интернет».

Даже школьный учебник завтрашнего дня вполне может стать интегратором разных взглядов на историю. Тогда «либеральный» и «государственный» нарративы будут не взаимоисключающими рассказами об истории, а разными разделами одной науки.

История VIII

«Свобода истории», или Каноны «исторической правды»

2 июня 2005 года французский историк, специалист по истории африканской работорговли Оливье Петре-Гренуйо, в интервью *Le Journal du Dimanche* высказал мнение, что «работорговля не была геноцидом. Торговля не ставила целью уничтожение людей. Рабы были коммерческим товаром с рыночной ценностью». Этот комментарий был вызван серией французских мемориальных законов, предписывающих «правильное понимание» важных событий прошлого. Первый из них, Закон Гейсо (*loi Gayssot*), был принят в 1990 году и предусматривал наказание за отрицание холокоста. Второй, принятый в 2001 году, признавал геноцид армян турками в 1915 году. В том же году появился Закон Табиры (*loi Taubira*), который признал рабство и работорговлю преступлениями против человечности, а в феврале 2005 года французский парламент проголосовал за поправку к этому закону, требовавшую включения в учебники истории упоминания о «цивилизующем» влиянии французского колониализма.

После интервью Ассоциация выходцев с Антильских островов, Гайаны, острова Реюньон и Майотты (*Collectifdom*) подала в суд на Оливье Гренуйо. В ответ на это французские историки подписали обращение под заголовком «Свободу истории»

(Liberté pour l'histoire), в котором потребовали отмены всех законов, ограничивающих исторические исследования, включая Закон Тобиры.

«История не религия. Историки не принимают никаких догм, не соблюдают никаких ограничений, игнорируют любые табу. Историческая правда отличается от морали. Задача историка — не превозносить или обвинять, а объяснять. История не рабыня современных проблем. История не память. История не юридическая проблема. В свободном государстве ни парламент, ни суд не имеют права устанавливать историческую правду»¹⁶¹.

С этого заявления началась деятельность ассоциации «За свободу истории», которую возглавляет один из самых известных французских историков Пьер Нора. Collectifdom отозвал свой иск к Оливье Гренуйо, однако государства в разных частях мира не прекратили попыток установить свои версии «исторической правды». Часто эти «правды» сталкиваются.

Какой должна быть история, чтобы служить языком описания современности и почему она таковой не является

Использование исторической науки в качестве языка описания современности содержит неустранимое противоречие. В естественных науках языком описания является математика, представляющая собой логически выстроенное здание, каждый элемент которого имеет уникальное значение и может быть обоснован с помощью системы строгих доказательств. Живые языки обладают меньшей строгостью и меняются со временем, а слова обычно многозначны. История впервые использовалась

¹⁶¹ Liberté pour l'histoire // Libération. 13 décembre 2005. https://www.liberation.fr/societe/2005/12/13/liberte-pour-l-histoire_541669/.

как язык описания современности в тот период, когда само прошлое — его смысл и значение — казалось зафиксированным. То есть история обладала качествами, необходимыми для такого описания путем сравнения и отождествления. Однако сегодня история выглядит совершенно по-другому.

Историки знают, что любое событие может быть интерпретировано с разных позиций. Вопросы, с которыми обращаются к источникам, могут быть разными, как и получаемые ответы. Современная история не имеет единого нарратива, и потому кажущиеся политикам бесспорными «референтные точки» прошлого не могут трактоваться однозначно. В этом корень конфликта между политиками и историками.

Для того чтобы в какой-то картине мира роль языковой разметки социальной реальности могла играть история¹⁶², исторические события должны не оцениваться, а восприниматься застывшими и трактоваться в одинаково понимаемых участниками разговора терминах. Другими словами, история-язык должна представлять как некий набор событий, истолкованных единственно возможным способом, которые в силу этого можно использовать для описания (или оправдания) современной политики. Только в этом случае отсылка к какому-то событию или деятелю прошлого будет самодостаточной, станет означать для всех одно и то же, а коммуникация состоится.

Уже в советское время исторический язык потребовал первоначального структурирования для присвоения каждому вошедшему в нарратив событию или персонажу однозначного смысла. Так, Сталинградская битва стала символом героизма советских солдат, стратегического таланта полководцев и победы над захватчиком (трагедия жителей Сталинграда оставалась «за кадром» до конца существования Советского Союза), тогда как блокада Ленинграда символизировала именно трагедию

¹⁶² То есть когда исторические события принимаются за систему координат.

мирного населения (а героизм солдат под Ленинградом долго был «второстепенной» темой в каноническом образе войны). Декабристы символизировали самопожертвование и освободительный порыв против монархии, Иван Грозный — деспотическую власть, Петр I — власть реформаторскую. Оспаривание любой из оценок требовало (и означало) пересмотра всего символического языка разговора о современности, использующего обращение к прошлому.

После распада советского нарратива единое понимание исторических символов стало рассыпаться. В учебники истории наряду с каноническими вошли, например, следующие оценки декабристов: «Приди такие люди, как Пестель, к власти в России, страну постигли бы страшные несчастья. Русский историк Модест Корф называл декабристов горсткой безумцев, чуждых нашей святой Руси»¹⁶³. Это означало и утрату общего языка, в котором понятие «декабристы» несло один и тот же набор смыслов и ценностей для всех участников разговора.

Сегодня же, когда почти любой исторический деятель или событие прошлого являются предметом споров, отсылки к истории являются однозначными только в кругу единомышленников. В этой ситуации использование истории как языка приводит к непониманию. Европейские государства вводят мемориальные законы, чтобы сохранить в политике определение «абсолютного зла» за нацизмом. Российское государство на наших глазах пытается обеспечить единство взглядов хотя бы на Вторую мировую войну — главный ресурс политической речи российских деятелей. Получается это не всегда.

¹⁶³ Боханов А. Н. История России. XIX век. Учебник для 8 класса. — М.: Русское слово, 2009. — С. 67.

История Великой Отечественной войны как канон

Существует историческое событие, оценки которого разделяются большинством россиян, и политики с помощью государственных механизмов стараются удержать свой контроль над единообразием его трактовок. Это Великая Отечественная война. На протяжении полутора десятилетий, начиная с 2000 года, Кремль использовал память о Великой Отечественной войне как основной ресурс для «склеивания» общества и для поддержания собственной легитимности в качестве главного хранителя этой памяти. И этот подход эффективно работал. Война в самом деле оставалась важнейшей социализирующей россиян точкой, а ключевые события и действующие лица Великой Отечественной воспринимались подавляющим большинством жителей страны одинаково. Герои (имена которых были известны со времени самой войны) оставались героями, власовцы — предателями, Сталинградская битва — символом победы, а блокада Ленинграда — примером героизма и трагедией мирных жителей.

Единообразию в понимании истории Великой Отечественной войны делает ее самым удобным языком для использования политиками. Сильная эмоциональная составляющая памяти о войне позволяет использовать элементы этой истории в пропаганде, формировать ярлыки и описывать современные реалии с помощью понятий 1940-х годов. Так, например, понятие «нацизм» имеет очень сильные негативные коннотации, и с его помощью можно донести до партнера в коммуникации свой меседж, описав оппонента как нациста или Гитлера.

Однако на деле оказалось, что такое применение истории имеет свои пределы. В 2014 году российская пропаганда решилась на радикальное использование исторического языка для оправдания политики Кремля. Новости с востока Украины стали

подаваться в терминологии Великой Отечественной: «каратели», «нацисты», «ополченцы». Важнейший символический ресурс языка был брошен в топку украинского конфликта. Лексика Великой Отечественной, понятия, резонирующие в памяти любого россиянина, стали активно использоваться в телевизионных репортажах. «Каратели», «фашисты», «нацисты» — применительно к украинской армии. «Ополченцы» — к стороне, которую поддержал Кремль. Эта лексика ушла на задний план с началом замораживания конфликта, но осталась в арсенале пропагандистов.

В апреле 2017 года в интернете распространялся видеоролик, в котором оппозиционного политика Алексея Навального сравнивали с Адольфом Гитлером. Анонимные источники телеканала «Дождь» связали появление ролика с заказом президентской администрации¹⁶⁴. Формула «борются примерно как с Гитлером», использованная собеседником журналистов, оказалась буквальной и стала еще одним примером использования исторического языка в современной политической борьбе¹⁶⁵. Однако этот ролик был воспринят аудиторией отрицательно. Такого рода узнаваемый негативный образ оказалось трудно приложить к уже известным политикам.

Язык Второй мировой войны используют не только российские политики. Так, президент США Джордж Буш-младший в начальный период «войны с террором» после терактов 11 сентября 2001 года объявил террористов «наследниками фашизма», а затем сравнил режим Саддама Хусейна

¹⁶⁴ Навального на ютьюбе назвали Гитлером. Теперь все пытаются придумать доказательства // Медуза. 2017. 19 апр. <https://meduza.io/shapito/2017/04/19/navalnogo-na-yutube-nazvali-gitlerom-teper-vse-pytayutsya-pridumat-dokazatelstva>.

¹⁶⁵ Рубин М. Кремль решил начать кампанию против Навального // Дождь. 2017. 18 апр. https://tvrain.ru/news/kreml_nachinaet_kampaniju_protiv_navalnogo-432692/.

с нацистским. В 2014 году, после присоединения Крыма, Владимира Путина сравнивали с Гитлером такие видные американские политики, как Хиллари Клинтон, сенаторы Джон Маккейн, Марко Рубио и Линдси Грэм¹⁶⁶. Шон Спайсер, пресс-секретарь Белого дома уже при президенте Дональде Трампе, сравнивал с Гитлером президента Сирии Башара Асада (после химической атаки в начале апреля 2017 года он заявил, что «даже Гитлер такого не делал», и был вынужден потом извиняться)¹⁶⁷. Отличие использования образа Гитлера американскими политиками состоит в том, что там он служит прежде всего задачам международной мобилизации вокруг борьбы США с конкретным режимом или организацией: образ коалиции союзников против абсолютного зла востребован именно в такие моменты.

Американский историк Дэвид Нун совершенно правильно отмечал, что «анalogии Второй мировой войны используются администрацией Буша не столько для описания и классификации международных угроз, таких как “Аль-Каида” или Ирак, но гораздо в большей степени для того, чтобы воодушевить американское общество и легитимировать свое руководство, заново артикулировать знакомые иконы национальной идентичности»¹⁶⁸. Российский случай отличается от описанного тем, что аналогии со Второй мировой войной и другими историческими событиями в самом деле становятся описанием и классификацией современных угроз.

¹⁶⁶ Kelley, Michael B. 12 Prominent People Who Compared Putin To Hitler Circa 1938 // The Business Insider. May 22, 2014. <https://www.businessinsider.com/people-who-compared-putin-to-hitler-2014-5>.

¹⁶⁷ Sean Spicer apologizes for ‘even Hitler didn’t use chemical weapons’ gaffe // The Guardian. April 11, 2017.

¹⁶⁸ Noon, David Hoogland, 2004. Operation Enduring Analogy: World War II, the War on Terror, and the Uses of Historical Memory // Rhetoric and Public Affairs. 2004 (Fall), Vol. 7, No. 3. P. 355.

Такая инструментализация истории опасна как для исторической науки (которую кто-то, не разобравшись, может опять причислить к ведомству пропаганды), так и для общества в целом. В долгосрочной перспективе эта борьба лишает важного содержания и саму политическую коммуникацию, которой, очевидно, не хватает собственных терминов, а также идей и ценностей, способных играть роль референтов без отсылок к фигурам и событиям прошлого.

Мемориальные законы

Иногда политики считают возможным и нужным использовать ресурсы государства для поддержания определенной версии истории или подавления определенного нарратива. Прямые запреты на некоторые исторические версии существуют во многих странах Европы и обобщенно именуются мемориальными законами. Первый такой закон был принят в 1985 году в Германии, следом за ним в 1986 году в Израиле; они запрещали отрицать холокост, уничтожение нацистами евреев во время Второй мировой войны. Логика этих законов приравнивает такое отрицание к «преступлению ненависти». После того как такие законы появились, этим путем последовали и другие страны. Сегодня мемориальные законы приняты в следующих странах Европы (по дате принятия закона): Германии, Франции, Австрии, Швейцарии, Бельгии, Испании, Люксембурге, Польше, Лихтенштейне, Чехии, Словакии, Румынии, Словении, Македонии, Андорре, Кипре, Португалии, Албании, Мальте, Латвии, Венгрии, Черногории, Литве, Болгарии, Греции, России и Италии. Близкие по смыслу, хотя отличающиеся от «классических» мемориальных законов, ограничения приняты на Украине, в Турции и Нидерландах. Исследовавший мемориальные законы Николай Копосов отмечает, что они «запрещают распространение фальшивой информации,

а не мнений, что является важным отличием для большинства юридических систем»¹⁶⁹.

Однако между мемориальными законами, принятыми в западной части Европы в период между 1985 и 1998 годами, и более поздними, появившимися на востоке континента, заметна существенная разница. Западный вариант касался исключительно отрицания холокоста и был частью формировавшейся общей памяти объединенной Европы. Первый из восточноевропейских законов, принятый в Польше в 1998 году, запрещал отрицание преступлений как нацизма, так и коммунизма.

Впоследствии еще несколько стран Восточной Европы последовали примеру Польши. Разница здесь не просто в наборе репрезентаций исторического «зла»: запрет отрицания холокоста в Западной Европе сочетался с признанием ответственности государств и обществ за это преступление. Запрет отрицания преступлений «нацизма и коммунизма» начал трактоваться в большой степени как вынос ответственности за пределы стран региона. Вина нацистов и коммунистов помогала закрыть глаза на ответственность собственных националистических движений, генеалогическую преемственность с которыми сохранили многие политики посткоммунистической эры.

В этом ряду особое место занимает российский вариант мемориального закона, названного запретом «реабилитации нацизма». Он не затрагивает преступления коммунизма (как и законы, принимавшиеся в Западной Европе), но также выносит ответственность за пределы собственного государства и защищает «прогосударственный» нарратив, как это делают восточноевропейские мемориальные законы.

Мемориальный законопроект был впервые внесен в Государственную думу в начале мая 2009 года, накануне Дня

¹⁶⁹ Koposov, Nikolay. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge University Press, 2018. P. 300, 302.

Победы — главного праздника России, который также является и днем памяти всех погибших в войне против нацизма. Среди авторов законопроекта были Ирина Яровая и Владимир Мединский. Неделей позже тогдашний российский президент Дмитрий Медведев создал президентскую «комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России». В результате необходимость в законе отпала, и влиятельные депутаты, такие как Олег Морозов, Павел Крашенинников и Владимир Плигин, отозвали свои подписи. Идея государственного вмешательства в область исторических интерпретаций была, казалось, забыта во время протестов зимы 2011–2012 года; сама комиссия была распущена президентским указом в феврале 2012 года.

После того как сами протесты стали историей, вновь избранная Дума вернулась к законопроекту. В июле 2013 года почти 40 депутатов добавили свои подписи к списку его авторов. Еще полгода ничего не происходило, но в феврале 2014 года 45 депутатов вынесли на рассмотрение новую редакцию законопроекта. Он был одобрен в апреле и подписан Путиным в начале мая. Новый закон добавил в Уголовный кодекс Российской Федерации статью 354.1, предусматривающую уголовную ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны».

Закон также признает отягчающим обстоятельством «искусственное создание доказательств обвинения» и объявляет преступлением «распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, совершенные публично».

Комментаторы связали появление этой последней части закона с активностью популярных оппозиционных блогеров, критиковавших использование «георгиевских лент» как символа российского «лоялизма».

В соответствии с законом реабилитация нацизма наказывается штрафом до 300 000 рублей или тремя годами тюрьмы. Если преступление совершено «лицом с использованием своего служебного положения или с использованием средств массовой информации», то наказание может вырасти до пяти лет тюрьмы или штрафа до 500 000 рублей, а также быть дополнено «лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет». За распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и осквернение символов воинской славы России может быть назначен штраф до 300 000 рублей либо исправительные работы на срок до одного года¹⁷⁰.

Существует несколько объяснений принятия этого закона в 2014 году. Во-первых, его можно рассматривать как часть консервативно-традиционалистского поворота Государственной думы. Депутаты уже приняли целый ряд законов в поддержку возвращения к «традиционным ценностям» и для противодействия распространению в России современных тенденций изменения трактовки истории и «морального релятивизма». Закон, напоминая публике о существовании абсолютного зла и наказывающий за его «реабилитацию», хорошо укладывается в такую законодательную повестку дня.

Закон может быть также объяснен приверженностью Путина символической политике. Он умело использовал память о Великой Отечественной войне для подъема собственной

¹⁷⁰ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. №128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 7 мая.

популярности. Всего за год до этого он инициировал унификацию школьных учебников русской истории с целью создания стандартной версии национального прошлого. С этой точки зрения Путин пытается избавиться от любых возможных вызовов главной опоре исторического нарратива, на который он делает ставку. С уходом поколения ветеранов войны государство устанавливает контроль над всеми интерпретациями войны в попытке остаться единственным распорядителем национальной памяти.

Одним из аргументов, используемых авторами закона, является то, что Германия, Австрия, Франция и другие европейские государства имеют похожие «мемориальные законы». Они запрещают отрицание холокоста, хотя во Франции поправка к одному из законов также запрещает отрицание преступлений, совершенных французской колониальной администрацией. Эти законы, однако, продвигались левыми политическими силами и были направлены на сохранение памяти угнетенных групп и памяти о преступлениях собственного государства. Российский вариант (как и мемориальные законы в Польше и некоторых других центрально- и восточноевропейских странах) поддерживается прогосударственными правыми политиками, которые стремятся сформировать и защитить героический национальный нарратив и законодательно запретить любые сомнения в исторической правоте собственного государства.

Язык закона при этом лишен конкретики. Запрещенное осквернение «символов воинской славы России» представляется довольно далеким от «реабилитации нацизма». Приравнение хулиганства к оправданию нацизма размывает смысл последнего как уникального зла. Кроме того, дополнение о распространении «выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества», просто трудно понять. Как сведения могут «выражать явное неуважение к обществу»?

Организация независимых российских историков, Вольное историческое общество, выступила с протестом против принятия такого закона, указав на недостатки самой идеи подобного законодательства, а также выбора слов в тексте закона. В частности, историки указали, что запрет на «искусственное создание» доказательств может быть опасным для историков, стремящихся провести объективное исследование истории Второй мировой войны. Таким же образом термин «заведомо ложные сведения» напоминает язык советского Уголовного кодекса, который запрещал распространение «заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй», и использовался для наказания диссидентов. Более того, любое наказание за «ложную информацию», приложенное к истории, предполагает наличие некоей окончательной исторической правды. Путь установления исторического канона — одобренной государством версии истории — напоминает о создании Сталиным печально знаменитого «Краткого курса истории ВКП(б)»¹⁷¹.

Критики также отметили, что закон защищает «факты, установленные приговором Международного военного трибунала», а не его определения военных преступлений и преступлений против человечности. Это означает, что любые действия, осуществленные во время войны, но не признанные Нюрнбергским трибуналом военными преступлениями, не могут быть названы преступлениями, даже если будут существовать веские доказательства этого. Более того, если о таких действиях, совершенных Красной армией, пишет историк, это может привести к тому, что его привлекут к уголовной ответственности. Понятно, что такой подход уничтожает свободу исследований Второй мировой войны и прекращает исторический диалог с этим периодом российского прошлого.

¹⁷¹ http://polit.ru/article/2014/04/28/vio_280414/.

Наконец, новый закон опасен даже для доминирующего русского исторического нарратива. Великая Отечественная война является главной точкой национальной памяти; она играет социализирующую роль и объединяет россиян. Законодательный запрет на обращение к этой истории превращает центральную часть исторического нарратива России в слепое пятно, разрушая таким образом все здание. Если никто не будет задавать новых вопросов о войне, если в публичном пространстве война останется только в форме отвердевших сакральных текстов и неприкосновенных мемориалов, она перестанет быть частью актуального прошлого и утратит свое значение.

Конституция

Развитием мемориального законодательства стало изменение в 2020 году российского Основного закона. Внесение в Конституцию России статьи 67.1 явилось символическим шагом, приравнявшим историческое высказывание к политическому действию. Эта статья гласит: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Понятие «историческая правда», конечно же, взято не из арсенала историков: это политическая проекция желания поддержать единственный нарратив прошлого, однозначность языка, с помощью которого осуществляется политическая коммуникация в России.

Сосредоточенность российских политиков на исторических примерах в их публичных выступлениях и текстах означает не опору на историю, а попытку подчинить ее своим сегодняшним задачам. Эта ситуация очень точно соответствует определению презентизма в работах Франсуа Артога, таким образом включая российскую ситуацию в мировой

контекст «использования истории». Особенность России состоит именно в отказе от развития языка политики, место которого заняла история.

Нельзя не отметить и разрушающее воздействие современной политизации на представления россиян о своем прошлом. Постоянно проводя аналогии между современными событиями и прошлым, политики добиваются не только изменения в нужном им ключе представлений о современности, но и заставляют людей переносить свои сомнения в однозначности современных оценок на события прошлого. Так, можно предположить, что в результате бездумного использования в антиукраинской агитации резонирующих понятий Великой Отечественной пострадала именно память о той главной войне.

Без развития особого, отдельного от истории языка разговора на политические темы ситуация вряд ли изменится. В этом контексте роль исторического образования состоит в восстановлении дистанции между «сегодня» и «вчера», возвращении прошлому его автономии, а исторической науке — права на ее язык.

Использование истории как языка разговора о политике привело к серьезным проблемам для историков, продолжающих анализировать прошлое в рамках своих профессиональных конвенций, которые для окружающего мира тоже звучат как рассуждения о политике. При этом сами историки не воспринимают свое предметное поле как язык. Оно видится им скорее как диалог с прошлым.

Государство, а точнее контролирующая его политическая группа, недвусмысленно заявило о своем праве на контроль над историческим нарративом. Нетрудно увидеть, что под обвинение в «распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны» из закона о запрете «реабилитации нацизма» могут попасть историки, чьи труды подвергают сомнению устоявшиеся представления

о войне. Поскольку науки без сомнений не бывает, можно сказать, что изучение Второй мировой войны оказалось в сегодняшней России затруднительным. Подтверждение этим опасениям не замедлило появиться.

В марте 2016 года в Санкт-Петербургском институте истории РАН состоялась защита докторской диссертации Кирилла Александрова. Тема диссертации: «Генералитет и офицерские кадры вооруженных формирований Комитета освобождения народов России 1943–1946 гг.»¹⁷². Видимо, в силу этого обстоятельства процедуру защиты решили посетить представители общественности, обвинявшие диссертанта и совет в «реабилитации Власова»¹⁷³. Это был яркий пример принятия исторического текста за политический. После того как диссертационный совет проголосовал за присуждение автору ученой степени, политические активисты продолжили давление уже на Высшую аттестационную комиссию, и та направила диссертацию фактически на повторную защиту в Военную академию Генерального штаба, диссовет которой спустя год после защиты в Петербурге проголосовал против. Комментарии в прессе не оставляли сомнений в политизации этой защиты¹⁷⁴. ВАК отказалась присудить Александрову степень доктора наук.

¹⁷² Речь идет о созданном генералом А. Власовым при поддержке Германии комитете, претендовавшем на роль правительства в изгнании и главной антибольшевистской силы в русской эмиграции. Комитет осуществлял политическое руководство вооруженными силами, состоявшими в основном из бывших советских военнопленных и частично эмигрантов, и воевавшими на стороне Германии.

¹⁷³ Кузнецова Е. Защита с генералом Власовым // Фонтанка.ру. 2016. 2 марта. <http://www.fontanka.ru/2016/03/01/173/>.

¹⁷⁴ Спасет ли ВАК Россию от предателей? Историк-власовец Кирилл Александров может не получить степень доктора // Версия на Неве. 2017. 27 марта. <https://neva.versia.ru/istorik-vlasovec-kirill-aleksandrov-mozhet-ne-poluchit-stepen-doktora>.

Поправки в Конституцию, сделавшие «защиту исторической правды» задачей государства, уже привели к последствиям: осенью 2020 года появилась информация, что в структуре Следственного комитета создан штаб для архивных и поисковых работ в рамках борьбы с фальсификацией истории и реабилитацией нацизма¹⁷⁵. В июле 2021 года президент Путин своим указом создал Межведомственную комиссию по историческому просвещению, в состав которой, помимо историков, вошли представители аппарата Совета Безопасности, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, Минобороны, МВД, Службы внешней разведки и ФСБ России. Прошлое стало предметом внимания силовых ведомств¹⁷⁶.

¹⁷⁵ СК создал специальный штаб в рамках борьбы с реабилитацией нацизма и фальсификацией истории // Новая газета. 2020. 16 сент.

¹⁷⁶ Указ президента РФ №442 от 30 июля 2021 года // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107300042?index=0&rangeSize=1>.

История IX

Возвращение кинжала принца Дипонегоро, или Конец европейской истории

В начале марта 2020 года Нидерланды вернули Индонезии крис (кинжал) принца Дипонегоро, руководителя Яванского восстания против Нидерландов, произошедшего в первой половине XIX века. Крис был отобран у принца в 1830 году после поражения восстания и с тех пор хранился в метрополии. В независимой с 1945 года Индонезии (Нидерланды признали ее независимость в 1949-м) сформировалась национальная историческая мифология, в соответствии с которой индонезийская нация появилась в огне Яванской войны, а Дипонегоро считается национальным героем, указавшим дорогу к избавлению индонезийцев от колониальных оков. В 1975 году Нидерланды пообещали вернуть в Индонезию вещи принца, включая этот кинжал, однако обнаружили у себя только седло, копье и зонтик, принадлежавшие Дипонегоро. Кинжал разыскивали еще 45 лет.

Сейчас известно, что нидерландские дипломаты еще в 1980-е годы настаивали на возвращении криса, однако музейные работники саботировали эту идею, называя репатриацию «нежелательной». Только опубликованная в 2017 году книга историка искусства Йоса ван Бердена, раскрывшая эту и ряд

других подобных историй¹⁷⁷, вновь привлекла внимание общества к судьбе культурных ценностей из бывших колоний, и нидерландское правительство создало специальную комиссию из внешних по отношению к музею экспертов для поиска кинжала в запасниках Национального музея этнологии. Комиссия обнаружила восемь похожих крисов и определила среди них нужный¹⁷⁸.

Возвращение исторических ценностей в страны их происхождения в наше время сталкивается с возражением о невозможности обеспечить их сохранность. Уже в нынешнем веке мир стал свидетелем сознательного разрушения культурных ценностей радикальными группировками: в марте 2001 года движение «Талибан» уничтожило в афганской провинции Бамиан две статуи Будды VI века, вырубленные в скале, «как не соответствующие мусульманским канонам»¹⁷⁹, а в августе 2015 года «Исламское государство» взорвало в Сирии центральный храм древнего города Пальмиры¹⁸⁰. Тем не менее в бывших метрополиях общественное мнение по отношению к этой проблеме на глазах меняется.

Кому принадлежит прошлое?

В современном обществе этот вопрос актуализирован не только расовым или классовым противостоянием — как видим, он

¹⁷⁷ van Beurden, Jos. *Treasures in Trusted Hands: Negotiating the Future of Colonial Cultural Objects*. Leiden: Sidestone Press, 2017. — 290 p.

¹⁷⁸ Boffey, Daniel. Prince's dagger returned to Indonesia after 45 years lost in Dutch archive // *The Guardian*. March 5, 2020.

¹⁷⁹ Получено документальное подтверждение разрушения статуй Будды в Бамиане // Интерфакс. 2001. 13 марта. <http://www.interfax-religion.ru/?act=archive&div=16610>.

¹⁸⁰ СМИ: боевики ИГ подорвали храм Бэла на территории сирийской Пальмиры // РИА Новости. 2015. 30 авг. <https://ria.ru/20150830/1217983802.html>.

Крис принца Дипонегоро.
Dutch Embassy Jakarta

остро встает и в отношениях между бывшими колониями и метрополиями. Огромное количество предметов искусства, быта, религиозного поклонения было вывезено в колониальный период из стран их происхождения. Эти предметы попадали к колонизаторам в виде подарков колониальной администрации от местных элит, присваивались в ходе военных и исследовательских экспедиций, покупались или обменивались частными коллекционерами, изымались церковными властями. Пересмотр значения колониального прошлого, идущий на наших глазах, поставил и вопрос о возвращении ценностей на их родину.

Чтобы оценить, насколько изменилась политика в последние годы, можно вспомнить, что еще в 2002 году 18 крупнейших музеев мира, включая петербургский Эрмитаж, парижский Лувр и музей Метрополитен в Нью-Йорке, подписали «Декларацию о важности и ценности универсальных музеев». В ней утверждалось, что «памятники искусства и монументальные произведения,

попавшие десятилетия и даже столетия назад в музеи Европы и Америки, были приобретены в условиях, отличных от современного положения дел. С течением времени подобные памятники, приобретенные путем покупки, дарения или раздела, стали частью музеев, в которых они хранятся, а также частью наследия государств, на территории которых они находятся». По мнению авторов декларации, «музеи служат гражданам не только одной страны, но всех стран», а потому «сузить охват музеев, обладающих разнообразными коллекциями, означало бы оказать дурную услугу всем их посетителям»¹⁸¹.

Однако через полтора десятилетия эти принципы уже не кажутся незбылемыми. В 2018 году президент Франции Эмманюэль Макрон создал ученую комиссию, подготовившую доклад, в котором указано, что от 90 до 95% объектов культурного наследия Африки хранятся сейчас в крупных музеях за пределами этого континента. В докладе содержатся рекомендации вернуть в страны происхождения все объекты, которые были вывезены без согласия местного населения, если эти страны оформят соответствующие запросы¹⁸². В 2019 году в Германии были приняты правила возвращения артефактов в бывшие колонии. В соответствии с этими правилами музеи, в которых есть этнографические коллекции, должны произвести их инвентаризацию и предоставить открытый доступ к спискам хранящихся предметов для облегчения выдвижения претензий на владение ими¹⁸³.

Присматриваются к опыту бывших европейских колоний и страны, входившие в состав Российской империи и СССР.

¹⁸¹ Декларация о важности и ценности универсальных музеев // Сайт Государственного Эрмитажа. https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/news/news-item/news/1999_2013/hm11_1_93/?lng.

¹⁸² Nayeri, Farah. Museums in France Should Return African Treasures, Report Says // *The New York Times*. Nov. 21, 2018.

¹⁸³ Schuetze, Christopher F. Germany Sets Guidelines for Repatriating Colonial-Era Artifacts // *The New York Times*. March 15, 2019.

Так, уже в 2017 году в Узбекистане был создан Центр по изучению и возвращению из-за рубежа культурных ценностей, задачей которого является создание банка данных о национальных сокровищах, хранящихся вне страны, а также «проведение переговоров и принятие необходимых мер по возвращению данных ценностей в страну»¹⁸⁴.

Эта идея набирает популярность, и история кинжала принца Дипонегоро — лишь один из свежих примеров репатриации музейных предметов. Еще один недавний случай — передача Берлинским этнографическим музеем мумифицированных голов маори в Новую Зеландию в октябре 2020 года. В конце XIX века для европейских путешественников такие головы были предметом коллекционирования¹⁸⁵.

Однако не все страны и музеи согласны отдавать ценности. В 2018 году представители музеев Австрии, Германии, Нидерландов, Швеции и Великобритании предложили предоставить в аренду строящемуся в Нигерии музею западноафриканского искусства хранящиеся у них коллекции нигерийского искусства («бенинской бронзы»), вместо того чтобы вернуть их. Предложение вызвало поддержку с одной стороны и острую критику с другой¹⁸⁶.

У противников возвращения музейных ценностей есть свои аргументы. Директор Чикагского института искусств Джеймс Куно (позднее занявший пост президента Музея Гетти

¹⁸⁴ В Узбекистане создан Центр по возвращению культурных ценностей // Sputnik Узбекистан. 21.07.2017. <https://uz.sputniknews.ru/culture/20170621/5664283/Uzbekistan-kultura-cennosti-nasledie.html>.

¹⁸⁵ German museum returns mummified Maori heads to New Zealand // *Deutsche Welle*. 12.10.2020. <https://www.dw.com/en/german-museum-returns-mummified-maori-heads-to-new-zealand/a-55246975>.

¹⁸⁶ Brown, Kate. Europe's Largest Museums Will Loan Looted Benin Bronzes to Nigeria's Planned Royal Museum // *ArtNet News*. October 22, 2018. <https://news.artnet.com/art-world/benin-dialogue-group-ocotober-2018-1376824>.

в Лос-Анджелесе) опубликовал в 2011 году книгу о значении «энциклопедических музеев», в которой описал опасность растаскивания культуры по национальным углам. Без энциклопедических музеев, по мнению Куно, существует «коллективный, политический риск», что «культура сведется к фиксированной национальной культуре»¹⁸⁷.

Поддержка реституции президентом Франции вызвала возражения многих директоров европейских музеев. Тристрам Хант, директор Музея Виктории и Альберта, одного из крупнейших лондонских музеев, опубликовал большую статью, в которой настаивал, что для его коллекций «деколонизация означает деконтекстуализацию»: детализованный взгляд на прошлое Британской империи важнее «политически предопределенного пути Добра или Зла». Поэтому, считает Хант, необходимо отделять энциклопедическую сущность музеев от их колониального прошлого¹⁸⁸.

Директор Эрмитажа Михаил Пиотровский считает возможным возвращение «вещей, священных для другой страны», однако заявил, что «не признает принцип “отдать”». Все, что попадает в музей, входит в его организм, и нечего тут “отдавать”». Более того, по мнению Пиотровского, «надо уже как-то кончать с этой постколониальной идеологией и культурой с ее установками на покаяние», ведь правда состоит и в том, что «вывоз древностей в европейские музеи спас их от уничтожения»¹⁸⁹.

Однако весьма вероятно, что возвращение музейных ценностей в страны происхождения рано или поздно произойдет:

¹⁸⁷ Cuno, James. *Museums Matter: In Praise of the Encyclopedic Museum*. University of Chicago Press, 2011. 160 p.

¹⁸⁸ Hunt, Tristram. *Should Museums Return Their Colonial Artefacts?* // *The Guardian*. June 29, 2019.

¹⁸⁹ Империя ценностей. Михаил Пиотровский: Эрмитаж важен не меньше, чем армия и экономика (интервью Елены Яковлевой) // Российская газета. 2020. 21 янв.

европоцентричная картина мира, на которой основывалось право европейских держав хранить в своих музеях колониальные трофеи, разрушается на глазах.

Несложно заметить, что в этом споре, как и в других острых проблемах отношений с прошлым, на первый план вышел вопрос «Кто владеет историей?».

Эпилог

Памятник Примирения в Севастополе

На протяжении нескольких лет РВИО и ряд общественных организаций лоббировали установку в Севастополе памятника примирению красных и белых, участвовавших в Гражданской войне. Первый раз этот памятник планировали открыть к 100-летию Октябрьской революции в 2017 году; предполагалось даже, что торжественное открытие монумента станет апогеем коммеморации. Однако неожиданно для инициаторов оказалось, что о примирении говорить рано. Потомки «красных» назвали памятник «обелиском предателям» и «пособникам нацистов». «Если мы примиряемся с идеями Белого движения, значит, примиряемся с условиями, с социальным неравенством, за которое эти люди воевали», — утверждала севастопольский художник Надежда Крылова. Председатель «белого» Севастопольского морского собрания Владимир Стефановский тоже был против установки памятника: «Нас таким образом заставляют заключить мир с теми, кто устроил величайшую трагедию в истории страны... Какое примирение, если рядом бандит стоит?» «Это все равно что поставить памятник маньяку и его жертве», — добавил предводитель Дворянского собрания Крыма Андрей Ушаков¹⁹⁰. В результате от установки памятника в 2017 году отказались.

¹⁹⁰ Радулова Н. На стороне непримиримости // Огонек. №44. 2017. 6 нояб.

Однако, как выяснилось, идею всего лишь на время отложили. К установке монумента вернулись осенью 2020 года — теперь его открытие было запланировано к 100-летию «Русского исхода», эвакуации белых из Крыма в конце Гражданской войны. Известие об этом вновь всколыхнуло сева­стопольских активистов. Местный комитет ветеранов потребовал, чтобы памятник назывался «100-летию окончания Гражданской войны в Крыму и Севастополе». «В городе-герое Севастополе не может быть установлен памятник участникам “белого исхода” — военным преступникам», — написали ветераны в письме Законодательному собранию Севастополя. Противоположная сторона тоже не готова к примирению: предводитель Российского дворянского собрания Олег Щербачев считает, что «ставить памятник Примирения в настоящий момент — это профанация. Никакого примирения нет и быть не может. Нельзя примирить добро и зло»¹⁹¹.

В результате конфронтации (а официально по причине пандемии COVID-19) срок открытия памятника, который в ноябре 2020 года был установлен на мысе Хрустальный, переносился несколько раз. В конце концов памятник открыли 22 апреля 2021 года, назвав его «памятником окончанию Гражданской войны»¹⁹².

Память о Гражданской войне в России способна вызвать не меньший конфликт, чем тот, что разгорелся в Соединенных Штатах в случае с их Гражданской войной.

¹⁹¹ Окунев Д. «Потоки лжи»: почему памятник Примирения не устроил ни красных, ни белых // Газета.ру. 2020. 3 нояб. https://www.gazeta.ru/science/2020/11/03_a_13344577.shtml.

¹⁹² Крымова, Ю. В Севастополе открыли памятник окончанию Гражданской войны // Российская газета. 2021. 22 апр.

Часть
четвертая
Прошлое
как действие

Пролог

День Победы после СССР

Победа в Великой Отечественной войне стала определяющим событием для переживших ее людей, а с приходом фронтовиков на командные позиции в стране в середине 1960-х День Победы занял место главного праздника, символически потеснив 7 ноября — День Великой Октябрьской социалистической революции. Любой праздник предполагает ритуал, отличающий его от других дней в году; ритуал Дня Победы включал в себя военный парад и встречи ветеранов в парках, скверах, у военных мемориалов. Идеальный посыл этих двух составляющих был понятен: парад в память о Параде Победы 1945 года подчеркивал военную доблесть государства-победителя, а встречи фронтовиков представляли человеческую, гуманную сторону праздника. В песне, ставшей неотъемлемой частью 9 Мая с середины 1970-х годов, была найдена главная формула — «праздник со слезами на глазах», — объединяющая гордость и скорбь.

В начале 1990-х казалось, что праздник Дня Победы постигнет судьба других советских праздников. Американский историк Нина Тумаркин писала в те годы об уходе «культы войны» из России¹⁹³. Парады 9 Мая не проводились, и встречи участников войны остались единственным объединяющим ритуалом.

¹⁹³ Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994. P. 225.

Эта перемена подчеркивала человеческое измерение войны, ставила судьбы людей выше престижа государства.

Однако к началу 2000-х годов стало заметно, что ветеранов остается все меньше и все меньшее их число может принимать участие в ритуалах праздника. Осознание этой проблемы пришлось как раз на тот период, когда в поисках «национальной идеи» чиновники обратились к Победе как к «мифу основания» современной России (Октябрьская революция утратила этот статус после отказа от коммунистической идеологии, а концепция тысячелетней России от Владимира Святого до наших дней начала формироваться несколько позже, да она и менее пригодна для политической мобилизации).

Во второй половине 2000-х годов место ветеранов в ритуале Дня Победы пытались занять реконструкторы. Молодые люди, одетые в форму военного времени, не только устраивали инсценировки сражений, но и исполняли роль «аниматоров» — угощали празднующий народ кашей из полевых кухонь, подменяли регулировщиков уличного движения и всячески подчеркивали свое присутствие на праздновании 9 Мая.

Реконструкторы как будто стремились наполнить праздник человеческим содержанием. Проблема состояла в том, что человеческое содержание памяти о той войне — это скорбь по погибшим и умершим, трагедия, объединявшая ветеранов в их встречах. А именно этого у реконструкторов не было.

Одновременно рос интерес и к так называемому *трудному прошлому* — новые поколения пытались выстроить собственную связь с периодом репрессий, разобраться в произошедшем с их предками. Эта попытка личного, но публично проводимого расследования отличала подход молодых россиян от отношения к репрессиям их родителей, полагавшихся на государство.

История X

Дело Дениса Карагодина, или «Трудное прошлое»

В июне 2016 года СМИ облетела история выпускника Томского университета Дениса Карагодина, который расследовал гибель своего прадеда Степана — жертвы Большого террора в начале 1938 года. Степан Карагодин был расстрелян НКВД после приговора по «делу шпионско-диверсионной группы “харбинцев и высланных из ДВК”» как «резидент японской военной разведки». Денис потребовал от ФСБ расследовать убийство своего прадеда и установить виновных в этом преступлении.

Денис Карагодин поставил вопрос об ответственности государства и конкретных исполнителей террора, причем не политической ответственности, о которой говорили, начиная с XX съезда КПСС, а самой что ни на есть уголовной. В самом деле: убийство невинного человека, кем бы оно ни было совершено, требует расследования и наказания преступников. Если убийцы выполняли приказ, то наказание должно распространяться на всю цепочку. И если прошло слишком много времени и никого из убийц уже нет в живых, то уголовное расследование должно установить их имена и дать определение их преступным действиям.

У россиян не было ни комиссии по национальному примирению, ни трибунала для палачей. В результате, как показал в своей книге «Кривое горе» Александр Эткинд, последствия

Заставка сайта «Расследование Карагодина». <https://karagodin.org>

ГУЛАГа до сих пор не изжиты российским обществом, они сохраняются в культуре и науке, в отношениях между людьми и людей с государством¹⁹⁴.

Денис Карагодин предложил свою форму выяснения отношений с прошлым: личное расследование и личный иск по поводу гибели прадеда. Это конкретная судьба, а не сухая статистика. Сейчас на сайте Карагодина выложены десятки архивных документов, указывающих на всех участников «дела» его прадеда — от генсека ВКП(б) до конкретных палачей, нажимавших на курок.

Внучка одного из упомянутых Карагодиным людей, обнаружив эти документы, попросила прощения у потомков репрессированных. Через шесть лет после начала расследования, в марте 2021 года, сын другого сотрудника НКВД, раскрытого на сайте Карагодина как соучастник расстрела, подал на него жалобу в Следственный комитет, обвинив в клевете на отца и в разглашении персональных данных. Общество тоже разделилось

¹⁹⁴ Эткинд А. Кривое горе: Память о непогребенных. — М.: Новое литературное обозрение, 2016.

по отношению к этой инициативе. Кому-то обнаружение документов представляется дорогой к гражданскому конфликту между потомками жертв и палачей. Кому-то — установлением истины и путем к гражданскому миру.

Мифы и документы

Денис Карагодин выбрал юридический способ обращения к «трудному прошлому» нашей страны. Эти страницы истории СССР отсутствовали в публичном обсуждении вплоть до XX съезда ВКП(б), состоявшегося в 1956 году, когда Хрущев докладом о культе личности Сталина открыл возможность для создания нарратива невинно осужденных.

Потребовалось полтора десятилетия и новые политические «заморозки», чтобы из этого нарратива вырос более жесткий, описывающий весь СССР как преступное государство. В 1973 году Александр Солженицын опубликовал на западе свое «художественное исследование» советской лагерно-тюремной системы 1918–1956 годов «Архипелаг ГУЛАГ», создавшее мощный образ репрессий, ставших основой советского государства. Писатель мог опираться только на собственный опыт и на свидетельства знакомых, что позднее дало повод критикам книги обвинять его в преувеличении количества жертв красного террора. Книга тем не менее создала альтернативный официальному нарратив истории СССР, который и сегодня служит средством политической мобилизации, но даже почитатели Солженицына признают в ней именно художественное, а не документальное исследование.

Документальное исследование советских репрессий стало возможным только в перестройку, когда было основано историко-просветительское общество «Мемориал», занявшееся, в частности, архивной работой по установлению имен жертв репрессий. В 1980-е годы десталинизация происходила в медиа

и среди активистов и многим казалась родом пропаганды: журналисты писали о репрессиях, «Мемориал» собирал документы о репрессированных, но в основном сограждане оставались лишь «потребителями» информации, которой к какому-то периоду «наелись» (так нас, во всяком случае, уверяют противники возвращения дискуссии о советском прошлом).

Расследование Карагодина нацелено на восстановление семейной истории; в этом контексте десталинизация может стать личным делом сотен тысяч граждан. Это мощное движение по восстановлению семейной истории совсем не равнозначно борьбе интеллигенции на страницах СМИ за правильное прочтение истории прошлого века. Новая память оказывается сложнее и многослойнее учебника истории. Есть очевидная параллель между делом Карагодина и движением «Бессмертный полк». В обоих случаях потомки обращаются к семейным историям и вписывают своих дедов в историю страны, а на нее смотрят глазами предков.

Если книга Солженицына, можно сказать, создала альтернативный миф, вступавший в конфликт с мифом официальным, то расследование Карагодина — документальный, юридический способ обращения к прошлому.

Надо сказать, что сторонники старого мифа продолжают его отстаивать. Так, к столетию ВЧК директор ФСБ Александр Бортников дал интервью «Российской газете», в котором оправдывал чрезвычайные меры первых лет советской власти (не упоминая, что это были бессудные казни и массовые расстрелы), защищал «открытые процессы» 1930-х годов, высоко оценивал деятельность Лаврентия Берии и СМЕРШа. Показательно, что свое интервью он начал с утверждения о необходимости опровергнуть «множество мифов, нередко весьма живучих», созданных про органы безопасности¹⁹⁵. Неудивительно, что это

¹⁹⁵ Фронин В. А. ФСБ расставляет акценты // Российская газета. 2017. 20 дек.

интервью вызвало возмущение историков, посчитавших его искажением прошлого в политических целях¹⁹⁶.

Американское «трудное прошлое»

Юридический подход к решению проблем прошлого кажется более присущим американскому обществу, но это не значит, что там они легко решаются. На протяжении долгого времени американское государство, например, пытается закрыть вопрос об интернировании американцев японского происхождения в годы Второй мировой войны. В 1942 году президент Франклин Д. Рузвельт санкционировал насильственное переселение 120 000 японцев, живших в США (в том числе американских граждан), из штатов, выходящих к Тихому океану, во внутренние штаты страны. Лишь в конце Второй мировой войны Верховный суд США признал это переселение нарушением гражданских прав. В 1960-е годы дети насильно переселенных японцев начали требовать выплаты компенсаций. После десятилетий замалчивания проблемы в 1988 году президент Рональд Рейган подписал закон о гражданских свободах, в соответствии с которым каждому интернированному были выплачены 20 000 долларов¹⁹⁷. Но только в феврале 2020 года штат Калифорния (откуда и было выслано подавляющее большинство японоамериканцев) принес официальные извинения¹⁹⁸.

¹⁹⁶ Суслов А. Б. Акценты политиков как вызов для историков. Заметки на полях одного интервью // Историческая экспертиза. 2018. №1 (14). — С. 131–136.

¹⁹⁷ From Pearl Harbor to an Apology, an Internment Timeline // *The New York Times*. November 27, 2015.

¹⁹⁸ Brockell G. Japanese Americans Were Sent to Camps with California's Help. Now the State Will Apologize // *The Washington Post*. February 19, 2020.

«Нация иммигрантов», Америка объединена скорее идеалами, чем общим прошлым. Собственные варианты исторического нарратива выработали различные сообщества, и существует большой набор тем, по-разному (иногда антагонистически) описываемых афроамериканцами и мексиканоамериканцами, коренными американцами и потомками итальянских иммигрантов. Вместе с тем доминирующий «режим памяти» остается англо-американским и евро-американским, он, по выражению европейского исследователя американской идентичности Дьёрдя Тота, утверждает свои правила «железной рукой», примерами чего являются ритуалы поднятия национального флага, гражданская клятва верности и прочие «изобретенные традиции» гражданской публичности¹⁹⁹. Частью этих ритуалов является обращение к военному прошлому, к полям битв и к памяти павших.

Надо отметить, что начало «войн памяти» в США относится к тому же периоду, когда отношение к прошлому стало политизироваться в Европе. Любопытно, что память о Второй мировой войне, послужившая во многих частях Европы поводом к началу «войн памяти» и лежащая в основе большинства «исторических политик» старого континента, в Соединенных Штатах воспринимается как платформа для объединения. Всплеск интереса к войне в конце 1990-х — начале 2000-х годов: премьера блокбастера «Спасти рядового Райана» (1998), публикация бестселлера Тома Брокау «Величайшее поколение» (1998), давшего новое имя поколению ветеранов Второй мировой, наконец, создание Мемориала Второй мировой войны на Национальном молле в Вашингтоне (2003) риторически были оформлены как уроки гражданственности для нынешнего

¹⁹⁹ Toth G. The Politics of Public Memory in the United States // Kryštof Kozák, György Tóth, Paul Bauer, Allison Wanger. Memory in Transatlantic Relations: From the Cold War to the Global War on Terror. London, 2019.

поколения американцев, не способного прийти к согласию по поводу единства американской культуры и выработать общую идентичность²⁰⁰.

Вопрос о допустимости извинений от имени Соединенных Штатов Америки за совершенные в прошлом ошибки и преступления является одной из линий раскола между республиканцами и демократами. Республиканцы часто цитируют бывшего президента Джорджа Буша-старшего, любившего повторять, что он «никогда не будет извиняться за Соединенные Штаты Америки». Другой видный политик-республиканец, Митт Ромни, озаглавил одну из своих книг «Никаких извинений»²⁰¹, нападая на президента-демократа Барака Обаму именно за его «извинения» (в той или иной форме) перед другими странами. Обама, в свою очередь, в самом деле подходил к международным проблемам прошлого как к требующим признания ошибок, вызывая этим критику консерваторов²⁰². Однако для американского общества внутренние проблемы, в том числе вопросы оценки прошлого, оставались намного более важными, чем любые международные «войны памяти».

«Колыма — родина нашего страха»

В апреле 2020 года в интернете набрал рекордное количество просмотров документальный фильм популярного журналиста Юрия Дудя о Колыме²⁰³. «Я всегда думал: откуда у старшего

²⁰⁰ Biesecker B. A. Remembering World War II: The Rhetoric and Politics of National Commemoration at the Turn of the 21st Century // *Quarterly Journal of Speech*. 2002. November, Vol. 88, No. 4. P. 393–409.

²⁰¹ Romney M. No Apology: The Case for American Greatness. New York, 2010.

²⁰² Fisher M. Obama, Acknowledging U.S. Misdeeds Abroad, Quietly Reframes American Power // *The New York Times*, September 8, 2016.

²⁰³ Колыма — родина нашего страха // ВДудь. 2019. 23 апр. <https://yurij-dud.ru/interview/kolyma-rodina-nashego-straha-vdud/>.

поколения этот страх, это стремление мазать все серой краской? Почему они боятся, что даже за минимальную смелость обязательно прилетит наказание? Моя гипотеза: этот страх зародился еще в прошлом веке и через поколения добрался до нас», — написал Дудь в анонсе своего проекта. Многие люди старшего поколения, посмотрев фильм, пришли к выводу, что в нем нет ничего нового: перестроечные публикации были более подробными и шокирующими. Однако пиковый интерес со стороны основной аудитории Дудя, молодежи, показал, что он открыл тему репрессий для молодых людей. Оказалось, нарратив репрессий, оформленный окончательно во время перестройки, ушел в относительно узкий круг поддерживающих обсуждение темы активистов и не затрагивал новое поколение. Это важная проблема: без напоминания в какой-либо форме даже самый известный нарратив забывается обществом.

Для многих россиян имя Сталина является маркером в проблеме отношений государства и общества. Вероятность встретить сталиниста среди сторонников сильного государства выше, чем среди либералов. Однако историческая политика сложнее, чем такое разделение. В Чечне, республике, в которой политические отношения являются противоположностью либерального идеала, Сталина ненавидят за высылку чеченцев в 1944 году. Напротив, там чтят реформатора и разоблачителя «культы личности» Хрущева, вернувшего чеченцев домой²⁰⁴. Трудно представить альянс между обществом «Мемориал» и властями Чеченской Республики, но в отношении к памяти о Сталине их позиции сближаются.

В 2015 году Россия пережила целую серию инициатив, направленных на восстановление имени Сталина в пантеоне российских героев. В феврале 2015 года председатель Государственной

²⁰⁴ Площадь имени Хрущева // Российская газета. Региональный выпуск Кубань-Кавказ. 2010. 14 янв.

думы (и глава государственного Российского исторического общества) Сергей Нарышкин присутствовал на открытии в Ялте памятника в честь юбилея встречи Франклина Рузвельта, Уинстона Черчилля и Иосифа Сталина. Монумент «Большая Тройка» авторства Зураба Церетели стал первым официальным памятником Сталину, установленным в России с тех пор, как Никита Хрущев в 1961 году начал кампанию десталинизации²⁰⁵.

После установки этого мемориала изображения Сталина начали появляться в разных частях страны и использоваться в разных контекстах. Патриотический Изборский клуб Александра Проханова принес «икону» Сталина на церемонию присвоения стратегическому ракетоносцу имени «Изборск», проходившую на авиабазе в Энгельсе под Саратовом в июне 2015 года. В апреле того же года памятник Сталину установила в Липецке местная организация КПРФ. О планах проведения подобных мероприятий сообщалось в разных городах и селах страны, от Уссурийска на Дальнем Востоке до Орла в Центральной России и Дагестанских Огней на Кавказе (где уже существует проспект Сталина). В июле бюст Сталина был установлен в Твери в экспозиции музея Калининского фронта при поддержке министерства культуры Владимира Мединского.

Что же произошло к зиме 2014–2015 года? Ведь президент Путин многократно осуждал Сталина и отвергал идеи меморизации его имени. В официальных учебниках истории, включая «историко-культурный стандарт», разработанный в ходе подготовки единого учебника, содержатся формулировки «сталинская диктатура», «культ личности», «массовые репрессии» и «великодержавные амбиции». Однако волна «возвращения

²⁰⁵ В 1956 году Никита Хрущев на XX съезде КПСС выступил с закрытым докладом «О культе личности и его последствиях», с которого началась критика Сталина, а на XXII съезде КПСС в 1961 году было принято решение о выносе тела Сталина из мавзолея и переименовании названных в его честь городов и улиц.

Коммунисты возложили цветы к Мавзолею в день рождения Иосифа Сталина. ФГУП «ИТАР ТАСС»

Сталина» показала, что для некоторых политиков и бюрократов среднего ранга официальный несталинистский исторический нарратив перестал удовлетворительно объяснять метаморфозы политики государства.

Можно предложить несколько объяснений «возвращения Сталина» в 2015 году. Одно из них характеризует эту серию событий как пробный камень Кремля, который он использовал для проверки общественной реакции на радикальную переоценку отечественной истории. В другом варианте это трактовалось как способ устрашения российских либералов и Запада.

Третье объяснение также связывало «возвращение Сталина» с попыткой оправдания радикальных перемен во внешней политике России в 2014 году. Такие перемены требуют четкого объяснения для всех уровней государственного аппарата. От Кремля ждали чего-то более убедительного, чем рассказы о нацистах на Украине или новые открытия о жизни князя Владимира.

Ближайшим историческим периодом, когда Россия присоединяла территории, была сталинская эпоха. В связи с этим можно увидеть в «возвращении Сталина» поиск политиками среднего уровня политического (исторического) языка, способного объяснить аннексию Крыма и оправдать другие возможные внешнеполитические шаги.

Ирония истории состоит в том, что наиболее соответствующим моменту оказался нарратив, который Путин не был готов публично поддержать: сталинское восстановление Российской империи в форме Советского Союза и в изоляции от остального мира. Чувствуя притягательность этого нарратива, часть элиты оказалась готова продвинуться дальше, чем намеревались руководители государства. Это произвело эффект сорвавшейся лавины, которая угрожала выйти из-под контроля Кремля, — пожалуй, впервые за время президентства Путина.

Вероятно, чтобы восстановить контроль над исторической политикой, российское правительство в августе 2015 года внесло давно подготовленный (но отложенный ранее на неопределенный срок) законопроект об увековечении памяти жертв политических репрессий. Возвращение этого законопроекта в Государственную думу и принятие соответствующего закона в марте 2016 года, когда его подписал президент Путин, стало сигналом недовольства российского руководства триумфальным «возвращением Сталина» в публичную политику и попыткой погасить такие инициативы²⁰⁶. Начиная с осени 2015 года инициативы, направленные на символическую ресталинизацию, снова стали делом активистов КПРФ.

²⁰⁶ См.: Kurilla, Ivan. The “Return of Stalin”: Understanding the Surge of Historical Politics in Russia. PONARS Eurasia Policy Memo. 429. May 2016. <http://www.ponarseurasia.org/memo/return-stalin-understanding-surge-historical-politics-russia>.

История XI

Реконструкция нацистов, или Играя в прошлое

В октябре 2010 года незадолго до промежуточных выборов в конгресс в США разразился скандал. Журнал *The Atlantic* опубликовал фотографию одного из республиканских кандидатов в члены конгресса, Ричарда Йотта, в униформе дивизии СС «Викинг». Йотт был одним из многих американцев, участвовавших в реконструкциях сражений «на стороне» гитлеровцев. Когда его фотографии в нацистской форме появились в прессе, он оправдался тем, что его участие в реконструкторском движении вызвано чисто историческим интересом, нацизм он осуждает и — самое интересное — его группа «выбрала дивизию “Викинг” частично по той причине, что она воевала на Восточном фронте, в основном против советской русской армии, а не против американских или британских солдат».

На сайте реконструкторов из «Викинга» журналисты обнаружили текст, объясняющий, что, невзирая на природу национал-социализма, «тысячи и тысячи этих отважных людей погибли, защищая свои страны во имя лучшего будущего. Мы приветствуем этих идеалистов; независимо от того, насколько неприятным было нацистское правительство, солдаты войск СС

(в частности, иностранные добровольцы) отдали свои жизни за своих близких и свое желание быть свободными»²⁰⁷.

Иотт не был избран в конгресс, но эта история заставляет нас искать ответы на новые вопросы. В самом деле, многие исследователи отмечают особый интерес реконструкторов к «стильной» эсэсовской униформе и их отказ рассматривать политическое содержание ее истории. Многие считают, что «все солдаты одинаковы, не важно, какую форму они носят, потому что для них война — это прежде всего история о мужском товариществе»²⁰⁸.

Как американцы относятся к памяти о своем бывшем союзнике

В американском обществе распространен взгляд на Восточный фронт глазами немецких солдат, чему причиной несколько факторов. После Второй мировой войны интерес к ее событиям, происходившим на территории СССР, удовлетворялся за счет мемуаров немецких генералов и солдат и исторических работ, написанных на основе попавших к американцам германских архивов. Советские архивы были труднодоступны, а мемуары, написанные на русском языке, не переводились. К этому добавились условия холодной войны, когда образ СССР как вероятного противника наложился на описываемый немцами образ противника вчерашнего. При этом немецкие мемуаристы стремились обелить свое прошлое и замалчивали собственные военные преступления и соучастие в холокосте, одновременно изображая войну на Восточном фронте как битву против коммунизма.

²⁰⁷ Green, Joshua. Why Is This GOP House Candidate Dressed as a Nazi? // *The Atlantic*. October 8, 2010.

²⁰⁸ Apel, Dora. *War Culture and the Contest of Images*. New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 2012. P. 50.

В результате память о военном союзе между СССР и США отодвинулась на второй план, а о героизме советских солдат в США некому было помнить. Конечно, эта память актуализировалась политиками и журналистами каждый раз во время сближения двух стран, в годы разрядки начала 1970-х или в 1990-е, однако каждое охлаждение отношений снова закрывало эту тему. Вместо образа антигитлеровской коалиции, возглавляемой Советским Союзом, США и Великобританией, в массовых представлениях американцев существует образ «атлантических союзников» США и Англии, прибегших к помощи СССР для разгрома нацистской Германии.

В Соединенных Штатах распространилось и мнение о том, что значимость советско-германского сухопутного фронта преувеличена по сравнению с действиями военно-воздушных сил американских и британских союзников²⁰⁹. Соответственно, ключевыми битвами Второй мировой войны считаются битвы при Эль-Аламейне в Африке и при атолле Мидуэй в Тихом океане. Меняющиеся отношения США с Россией после распада СССР продолжают накладывать отпечаток и на способы трактовки Второй мировой. В 1995 году лидеры всего мира, включая президента США Билла Клинтона, отмечали 50-летний юбилей Победы в Москве, а в 2020 году президент Трамп в твиттере сообщил, что «8 мая 1945 года Америка и Великобритания победили нацистов!», даже не упомянув Россию²¹⁰.

²⁰⁹ Edele, Mark. Who won the Second World War and why should you care? Reassessing Stalin's War 75 years after victory // *Journal of Strategic Studies*. 2020. Vol. 43. №6–7. P. 1039–1062.

²¹⁰ The White House 45 Archived. May 8, 2020. <https://twitter.com/WhiteHouse45/status/1258842411524132865>.

Реконструкторы в США и в России

Реконструкция военной жизни прошлого — не только сражений, но и тягот армейского быта — популярное хобби в Соединенных Штатах и в России. Оно увлекает людей в прошлое, и, как любое такое вовлечение, связано с современной политикой. Оговоримся, что наряду с военной реконструкцией существует движение «живой истории», участники которого «живут» жизнью людей прошлого, не связанной с военными действиями.

В американской истории главной войной, события которой реконструируются особенно часто, была Гражданская война 1861–1865 годов. Если не считать «реконструкции» битв, которые солдаты проводили для своих близких вскоре после реальных сражений, первым большим подобным мероприятием стала частичная реконструкция битвы при Геттисберге, состоявшаяся в дни ее 50-летнего юбилея в 1913 году в присутствии 50 000 ветеранов — как северян, так и южан.

Современное движение реконструкторов Гражданской войны берет начало в 1960-е, когда отмечались столетние юбилеи сражений. Пиком движения считают 1980–1990-е, когда в нем участвовали десятки тысяч американцев. В реконструкции битвы при Геттисберге в июле 1998 года через 135 лет после ее окончания приняли участие 30 000 реконструкторов, а за событием наблюдали около 50 000 зрителей. Именно те десятилетия были отмечены всплеском интереса к Гражданской войне. Издавались книги об этом событии, один за другим выходили документальные и художественные фильмы, и все это подогрело интерес американцев к самому кровавому периоду их истории.

подавляющее большинство реконструкторов — белые мужчины консервативных взглядов, хотя бывают и исключения. Особенное внимание исследователей привлекали реконструкторы, предпочитавшие «южную сторону», «Проигранное Дело». Отмечалось, что у многих из них высоко стремление хотя бы

Реконструкция битвы при Геттисберге в 2013 году. Gary Cameron / Reuters

в виде представления «переиграть» результаты войны в пользу проигравшего Юга²¹¹.

В конце второго десятилетия XXI века движение явно выходит из моды. В 2018 году, к 155-летию Геттисбергской битвы, в ее реконструкции приняли участие 6000 человек — много, но несравнимо меньше, чем за 20 лет до этого. Некоторые реконструкторы списывают спад энтузиазма на популярность компьютерных игр и растущую дороговизну аутентичного оружия и амуниции. Однако другие смотрят глубже. *The New York Times* цитирует Томаса Дауниса, участвующего в реконструкции уже 38 лет: «Все настроение страны было другим. До последних пяти или десяти лет социальные причины войны не имели отношения к тому, чем мы занимаемся. Мы отдавали дань

²¹¹ Horwitz, Tony. *Confederates in the Attic: Dispatches from the Unfinished Civil War*. New York: Pantheon, 1998.

уважения сражавшимся солдатам... Мы не были расистами и не хотели прославлять рабство. Никто в самом деле не задумывался об общественных причинах, по которым Юг начал войну. Это были просто бедняги, которые были недокормлены, недоукомплектованы, недовооружены, но отважно сражались до последнего человека». Другой участник реконструкции добавляет: «Реконструкторы смотрят на войну как на период из четырех лет между 1861 и 1865 годами и отбрасывают все, что привело к войне, а также игнорируют то, что случилось после нее»²¹². Однако в современных США игнорировать связь войны с проблемами рабства и освобождения, расизма и равенства, гражданства и бесправия больше невозможно. Сразу после трагедии в Шарлотсвилле, случившейся в 2017 году, по меньшей мере два мероприятия реконструкторов было отменено. В 2020 году под разными предложениями начали отменять и другие реконструкции с участием «конфедератов»²¹³.

Надо отметить, что некоторые реконструкторы используют свое увлечение для политического высказывания, и это не всегда консервативная защита «памяти Конфедерации». В 2000-е годы группа «Иракские ветераны против войны» провела несколько показательных реконструкций боевых действий в Ираке, чтобы продемонстрировать американцам ужасы боевых действий. В марте 2008 года 12 человек в камуфляжной форме разыграли на улице Вашингтона «задержание подозреваемых», заставив группу добровольцев лежать, уткнувшись лицом в асфальт, к ужасу напуганных туристов и офисных работников. Организаторы стремились реконструировать травмирующую атмосферу террора и привлечь внимание к продолжавшейся войне.

²¹² Arnold, Daniel. The Decline of the Civil War Re-enactor // *The New York Times*. July 28, 2018.

²¹³ Behrendt, Barbara. A Civil War reenactment in Florida ends after 40 years // *U. S. News and World Report*. July 26, 2020.

Один из участников этой группы объяснял: «Мы устраиваем наш уличный театр борьбы с партизанами под названием “операция ‘Первая жертва’”, потому что первая жертва войны — правда».

В Джорджии начиная с 2005 года группа активистов ежегодно проводит реконструкцию линчевания четверых афроамериканцев, случившегося в 1946 году события, за которое никто не понес наказания. Для первой реконструкции организаторы не нашли белых участников, которые бы согласились играть роль преступников, и черные добровольцы надели на себя белые маски²¹⁴. В отличие от реконструкции событий, в которых участвовали нацистские подразделения или армия Конфедеративных Штатов Америки, на подобных мероприятиях участники подчеркивают политическое значение своих реконструкций, призванных пробудить у американцев гражданские чувства.

Российское движение реконструкторов ведет свою историю от фестиваля «День Бородино», прошедшего в 1989 году. Оно организовано в «клубы исторической реконструкции», участвует в фестивалях, турнирах и реконструкциях сражений («бугуртах»). Движение делится на реконструкторов событий Античности, Средневековья, Нового времени и мировых войн XX века. Среди реконструкторов Второй мировой войны есть те, кто участвует в «сражениях» в форме вермахта, — исследователи указывают, что они намеренно подчеркивают отсутствие определенных политических взглядов²¹⁵. Многочисленность клубов и участников не позволяет однозначно оценивать политические взгляды российских реконструкторов.

Как упоминалось выше, во второй половине 2000-х годов реконструкторы на несколько лет стали центральными

²¹⁴ Apel, Dora. *War Culture and the Contest of Images*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 2012. P. 69–75.

²¹⁵ Демина А. В. Движение исторической реконструкции: Пути и решения // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2012. №5. — С. 46.

участниками празднования Дня Победы и других военных дат. Люди в форме военных лет раздавали кашу из полевых кухонь, регулировали движение и разыгрывали эпизоды битв. Было заметно, что реконструкторы стремятся сохранить «человеческое содержание» праздника, центром которого было когда-то поколение ветеранов, ныне стремительно редящее. Появление «Бессмертного полка» отодвинуло реконструкторов на второй план праздновании Дня Победы, но они сохранили свое присутствие.

В начале прошлого десятилетия, когда российское государство начало определяться с собственной исторической политикой, одними из первых оно решило взять под крыло реконструкторов. Участие в движении реконструкции — особый вид обращения к прошлому. Его отличие от обыденного или научного интереса состоит в деятельном вовлечении людей в работу с прошлым, а такое вовлечение является самым сильным способом социального действия. Участие в нем часто принимают люди активные, способные на поступки, поэтому политики не могли оставить реконструкторов без контроля. Осенью 2012 года во время посещения фестиваля военно-исторических клубов в Бородино президент Путин поддержал предложение тогдашнего министра культуры Мединского создать общественно-государственную организацию «Российское военно-историческое общество», которая, начав с работы с реконструкторами, с тех пор сосредоточила в своих руках львиную долю управления государственной исторической политикой, монументальной пропаганды и контроля над учебниками²¹⁶. Не все реконструкторы хотят сотрудничать с РВИО, но именно оно имеет ресурсы для помощи в организации фестивалей, пошиве униформы

²¹⁶ Ускова Т. «Министерство памяти»: как с помощью «общественной» организации Владимир Мединский завладел прошлым // МБХ-Медиа. 2020. 27 янв. <https://mbk-news.appspot.com/suzhet/ministerstvo-pamyati/>.

и изготовлении копий оружия для тех клубов, которые сотрудничают с обществом.

Активность реконструкторов была продемонстрирована всему миру в 2014 году во время кризиса на востоке Украины, когда всеобщее внимание было приковано к Игорю Гиркину (Стрелкову), известному историческому реконструктору, ставшему на несколько месяцев полевым командиром донбасских «ополченцев».

В последние годы все большую роль в патронаже над реконструкторским движением играет Министерство обороны, постоянно проводящее масштабные мероприятия военно-исторических клубов в своем парке «Патриот». Так, в апреле 2017 года реконструкторы штурмовали в парке макет Рейхстага, а потом докладывали о его взятии министру обороны Сергею Шойгу²¹⁷.

²¹⁷ Демченко В. Над Рейхстагом снова красный флаг // Комсомольская правда. 2017. 23 апр.

История XII

«Бессмертный полк», или Кому принадлежит память о войне

9 мая 2012 года в Томске на празднование Дня Победы вышли две тысячи человек с портретами своих воевавших предков. Подобные шествия случались и раньше в разных регионах страны, например в Тюмени в 2007 году, но дать имя этой идее и «раскрутить» ее смогли томские журналисты телекомпании ТВ-2 Сергей Лапенков, Сергей Колотовкин и Игорь Дмитриев. Именно они придумали название для марша «Бессмертный полк» и привлекли к идее коллег-журналистов из разных регионов России.

Сергей Лапенков так объяснял мотивы инициаторов: «9 Мая скорее приобретало форму какой-то смеси карнавала, флеш-моба с первомайской демонстрацией. И захотелось какую-то человеческую историю немножко сделать, вернуть какое-то... что-то живое такое». Для каждого журналиста в этой истории было что-то личное: «Для меня очень важно, потому что это поколение моего деда. И дед прошел две войны, вернулся без ног, воевал так прямо по-настоящему, то есть Герой Советского Союза, батальонная разведка. И вот всегда 9 Мая для меня, например, это был [праздник]... И понятно, что для Игоря и для Сергея это тоже, в общем, была история личная. Они были связаны со своими дедами. Они воевали. У Сережи дед

без руки вернулся с войны. В общем, такая история, вполне понятная, мне кажется, по-человечески».

Первоначально идея распространялась по журналистской сети: «Первые 20, может, 30 городов — это просто мои знакомые: Слава Черепяхин в Волгограде, Лена Гребнева в Туле, Андрей Воронцов в Кургане, Миша Анненков в Кирове и Калининграде, Оксана Ачкасова в Чебоксарах, ребята в Новосибирске... Володя Овчинников, Юрий Пургин, «Алтапресс» в Барнауле, Ксения Карпычева в Благовещенске. Ну то есть это все были медийщики, которых мы знали и которым мы в принципе доверяли, потому что знали не первый год людей».

Через год в акции участвовало 150 000 человек в 120 городах страны, через два года — 400 000, а к 2019 году число участников достигло 10 миллионов — не только в России, но и по всему миру.

Шествие «Бессмертного полка» по Невскому проспекту в Санкт-Петербурге 9 мая 2019 года. Фото автора

Общественное движение, объединенное общей памятью

«Бессмертный полк» — самое многочисленное (и следовательно, самое важное) общественное движение в России, возникшее в последнее десятилетие. Он попал в центр политических дебатов, которые в России используют язык истории; именно поэтому он вызывает эмоциональное отношение у слишком многих экспертов и даже ученых. Давайте попробуем посмотреть на феномен «Бессмертного полка», не помещая его ни в «патриотическую», ни в «пропагандистскую» картину мира.

Самые разные действующие лица исторической политики (такие, как церковь, Коммунистическая партия, активисты «Русской весны» и многие другие — их еще называют актерами памяти или мнемоническими актерами) пытались присвоить «Бессмертный полк» и заявить, что он представляет их интересы; однако никто не добился уверенной победы. Напротив, два основных мнемонических актора, которые возникли из движения, первые организаторы из Томска и контролируемая государством НКО «Бессмертный полк России», основаны на совершенно разных политических принципах (несмотря на то, что они заявляют о своей «аполитичности»). Тем не менее они сотрудничают в организации шествий «Бессмертного полка», потому что оба черпают силу из этих эмоций и участием в движении показывают, что играют важную роль в политике памяти в России.

Неверно рассматривать «Бессмертный полк» как отдельного актора, он представляет собой общественное движение, но, во-первых, создает новые действующие лица исторической политики, а во-вторых, уже изменил ландшафт, в котором существуют другие мнемонические акторы.

Ни одна другая общественная инициатива в последние годы не достигла таких масштабов и не вызвала столько споров, как «Бессмертный полк». Акция, начатая в 2012 году группой томских

журналистов, изменила формат главного праздника страны и расколола общество и ученых в их понимании смысла ритуала. В стране, где почти каждая семья хранит память о ветеранах войны или родственниках, погибших в 1941–1945 годах, каждый может присоединиться к шествию. Идею томских журналистов быстро подхватили по всей России, а потом и за рубежом. Антрополог Михаил Габович объясняет этот факт распространением «Бессмертного полка» по готовому шаблону, созданному основателями: запоминающееся название, понятные правила и последовательность действий²¹⁸. Тем не менее участие в акции уже миллионов людей, внезапно решивших скопировать именно этот ритуал, предполагает, что необходимы и другие объяснения.

Широко распространено мнение, что «Бессмертный полк» всего лишь «один из многих инструментов, которые Кремль использует для распространения своего видения и интерпретации Второй мировой войны». Эксперты во многих странах, включая Россию, считают, что шествие «представляет собой воплощение политического использования истории правящей элитой в качестве инструмента политической аргументации, попытку навязать особую историческую интерпретацию войны»²¹⁹. Чтобы оспорить это мнение, нам необходимо кратко остановиться на эволюции кремлевской исторической политики, представленной в праздновании Дня Победы.

²¹⁸ Gabowitsch, M. Are Copycats Subversive? Strategy-31, the Russian Runs, the Immortal Regiment, and the transformative potential of non-hierarchical movements. In Beumers B., Etkind A., Gurova O., Turoma S. (Eds.) Cultural Forms of Protest in Russia. Chapter. 4. Abingdon: Routledge, 2018.

²¹⁹ Milosevich-Juaristi, Mira. (2018, 27 September). The Immortal Regiment: the pride and prejudice of Russia. Elcano Royal Institute. http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_en/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_in/zonas_in/ari110-2018-milosevichjuaristi-immortal-regiment-pride-prejudice-russia.

Современный российский режим консолидировался в тот период, когда угасало поколение ветеранов, а их встречи перестали быть смысловым и символическим центром празднования Дня Победы. Со второй половины 2000-х годов российские руководители вели несколько «исторических войн» с соседними государствами вокруг памяти о войне. Путин лично выступал в этих конфликтах как защитник священной памяти погибших советских людей, символически претендуя на роль, которую до сих пор играли ветераны войны²²⁰. Такое замещение ветеранов государством поставило под вопрос семейные истории войны и актуализировало проблему принадлежности национальной памяти.

Еще один важный контекст, который надо иметь в виду, — это время первого шествия «Бессмертного полка». В годы, предшествовавшие первому маршу, в России появился новый тип мнемонических акторов. Они были представлены низовыми движениями и инициативами. Люди во многих городах и деревнях по всей России начали восстанавливать свою связь с прошлым. Интерес к местной истории и генеалогии привел к возникновению на местном уровне организаций и появлению инициатив, таких как исторические экскурсии краеведов-волонтеров во многих городах, защита старых зданий от сноса, поиск семейных корней. Авторы доклада «Какое прошлое нужно будущему России?», подготовленного в 2017 году членами Вольного исторического общества, назвали это новое явление «второй памятью»

²²⁰ Wood, Elizabeth A. (2011). *Performing Memory: Vladimir Putin and Celebration of World War II in Russia*. *The Soviet and Post-Soviet Review*. 38. 172–200; Edele, Mark. (2017). *Fighting Russia's History Wars: Vladimir Putin and the Codification of World War II*. *History & Memory*. 29 (2) 90–124; Miller, Alexei and Lipman, Maria (eds.) (2012). *The Convolutions of Historical Politics*. N.Y.-Budapest: CEU Press; Torbakov, Igor. (2011). *History, Memory and National Identity: Understanding the Politics of History and Memory Wars in Post-Soviet Lands*. *Demokratizatsiya. Journal of Post-Soviet Democratization*. 2011. 19 (3). 209–232.

(чтобы отличать его от «первой», поддерживаемой государством и ориентированной на государство)²²¹. Лучше всего в контекст этой «второй памяти» вписался первый «Бессмертный полк».

Вспомним, что в современной России история заняла место политического языка. В этом контексте «Бессмертный полк» — это попытка людей выразить свою политическую субъектность на том единственном языке, который им оставила власть, — на языке разговора о Великой Отечественной войне.

Идея томских журналистов возникла наряду со множеством других инициатив общественной самоорганизации, характерных для периода 2011–2013 годов, включая борьбу за окружающую среду (защита Химкинского леса), предвыборные протесты (движение «За честные выборы» 2011 года), общенациональную организацию помощи южнорусскому городу Крымску, пострадавшему от наводнения (июль 2012 года), и прочие мероприятия, общим для которых было стремление принимать участие в решении важных вопросов или, по крайней мере, быть услышанными²²². В этот ряд вписывается и инициатива участников «Бессмертного полка» рассматривать память о войне как часть семейной истории (вразрез присвоению истории войны государством).

Однако большинство других гражданских инициатив, возникших в 2011–2013 годах, в последующие годы были подавлены государством, активисты сдались и движения утихли. Траектория «Бессмертного полка» была противоположной; за период с 2013 по 2020 год количество его участников увеличилось с нескольких тысяч до миллионов человек, и он стал одним из главных

²²¹ Колесников А., Рубцов А., Жарков В., Юдин Г., Хлевнюк Д. Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России?» — М., 2017. https://komitetgi.ru/service/Социология_финал.pdf.

²²² Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов. — М.: НЛО, 2015.

событий (наряду с военным парадом) важнейшего национального праздника. Причина заключалась в том, что вектор движения совпал с квазиидеологией власти: Кремль просто не мог подавить массовую инициативу, которая использовала тот же язык и обращалась к тому же наследию, что и руководство страны.

Американский социолог Джеймс Джаспер отметил, что «ритуалы порождают эмоциональную энергию и взаимное внимание, которых так жаждут люди. Но это удовлетворение хотя и является самоцелью, также дает уверенность и энергию для дальнейших действий и участия»²²³. Борьба за присвоение энергии масс, возникшей вокруг «Бессмертного полка», — одна из самых важных историй в современной российской политике.

Актеры памяти в борьбе за движение

В последующие годы «Бессмертный полк» продолжал расти, в то время как государство и другие политические силы пытались присвоить энергию движения. Телетрансляция шествия «Бессмертного полка» 2012 года преподнесла зрителям столь привлекательный образ, что идея распространилась как лесной пожар. Многие группы пробовали привлечь внимание общественности к движению или переосмыслить его, присоединяясь к «Бессмертному полку» в первые годы его существования. Русская православная церковь пыталась в разных регионах превратить шествие в крестный ход, в котором часть участников несла бы иконы и хоругви вместо фотографий ветеранов²²⁴; различные политические организации демонстрировали свои баннеры, несмотря

²²³ Jasper, James M. Cultural Approaches in the Sociology of Social Movements. In: Klandermans B., Roggeband C. (eds) Handbook of Social Movements Across Disciplines. Handbooks of Sociology and Social Research. Springer, Boston, MA, 2010. P. 74.

²²⁴ Поклонская прошла в колонне «Бессмертного полка» с иконой Николая II // РИА «Новости». 2016. 9 мая. <https://ria.ru/20160509/1429702188.html>.

на попытки организаторов пресечь такую практику. Прекратить ее им не удалось — однако шествие оказалось слишком массовым для такого «перехвата». Более многообещающим способом подчинения «Бессмертного полка» представлялся контроль государства над его организаторами, выступающими от имени движения.

Однажды во время разговора с музыкантами-рэперами президент Владимир Путин описал стратегию власти, когда нет возможности запретить движение: государство в этом случае должно «организовать и возглавить» его²²⁵. Этим же способом чиновники попытались установить контроль над «Бессмертным полком». В самом деле, «хотя всегда существуют разногласия по поводу памяти о прошедших событиях, институционализация заставляет вспоминать прошлое в его самой простой и наименее противоречивой форме»²²⁶.

В 2013 году инициаторы акции пережили первый конфликт с Николаем Земцовым, организатором марша «Бессмертного полка» в Москве. Причиной раскола была его попытка установить административный контроль над движением «Бессмертный полк», чему сопротивлялись первоначальные организаторы. Глава томского ТВ-2 Виктор Мучник вспоминал свой разговор с Николаем Земцовым перед расколом: «Вам надо обязательно сходить по теме “Бессмертного полка” к Володину, — вдруг сказал Николай. — “Бессмертный полк” — тема политическая, даже геополитическая... Обязательно нужен Володин... Если вы не пойдете к Володину, тогда он придет к вам сам. Хотите

С хоругвями, как крестный ход... // Кольчугинские вести. 2019. 9 мая. <http://kolchvesti.ru/2019/05/09/s-horugvyami-kak-krestnyj-hod/>.

²²⁵ Kramer, Andrew E. 'Putin on Rap Music: It's the Drugs That Really Bother Him'. *The New York Times*. December 16, 2018.

²²⁶ Kubal, Timothy and Becerra, Rene (2014). Social Movements and Collective Memory. *Sociology Compass*. 8/6: p. 869.

вы того или не хотите»²²⁷. Координаторы «Бессмертного полка» Сергей Колотовкин, Сергей Лапенков и Игорь Дмитриев также не смогли договориться с Николаем Земцовым. В 2014 году «Бессмертный полк» был зарегистрирован как общественная организация, а Николая Земцова исключили из его совета. Тот, однако, сразу же создал свою организацию «Бессмертный полк — Москва».

9 мая 2014 года в шествиях по всей стране приняли участие более 400 000 человек, а оргкомитет «Победа», образованный при президенте, рекомендовал региональным и местным властям поддерживать и продвигать акцию²²⁸. Это был поворотный момент в истории движения, поскольку с тех пор административная поддержка стала душить низовую инициативу. Государство («Володин») действительно пришло к полку.

Уже в феврале 2015 года инициаторы «Бессмертного полка» забили тревогу, опубликовав открытое письмо. Они выразили озабоченность бюрократизацией движения: «В отдельных регионах “Бессмертный полк” пытаются квотировать. То есть вместо создания условий для всех желающих 9 Мая встать в колонну полка с портретом своего родственника-ветерана, к прохождению на параде могут быть допущены только специально отобранные граждане. Иногда даже не родственники, а просто молодежные активисты; другим проявлением формализма мы считаем стремление добиться массовости «Бессмертного полка» любой ценой, гонки некоторых регионов за показателями численности Полка, в первую очередь через мобилизацию учащих и трудовых коллективов. Портрет ветерана, выданный

²²⁷ Мучник В. «Обязательно нужен Володин...» // ТВ2. 2015. 9 июня. <http://tv2.today/TV2Old/Obyazatelno-nuzhen-volodin>.

²²⁸ «Бессмертный полк» поддержан Российским Оргкомитетом «Победа». // Бессмертный полк. 2014. 29 мая. <https://www.moypolk.ru/news/bessmertnyu-polk-podderzhan-rossiyskim-orgkomitetom-pobeda>.

на один день в школе или на заводе, — это очевидная подмена ради формы смысла “Бессмертного полка”»²²⁹.

В Москве шествие 9 мая 2015 года было организовано уже не координаторами «Бессмертного полка», а представителями отколовшейся организации «Бессмертный полк — Москва» совместно с Общероссийским народным фронтом (ОНФ) и Общественной палатой Российской Федерации (ОП РФ). Именно тогда президент России Владимир Путин прошел в колонне полка с портретом своего фронтовика-отца²³⁰. Уже в конце мая 2015 года появилась информация о том, что «координаторы в ряде городов страны, многие не первый год организующие “Бессмертный полк”, стали получать предложения — далее работать координаторами Полка, но уже “на окладе”, с записью в трудовой книжке, под опекой данных структур (ОНФ и ОП РФ — ИК)... Это уже не гражданская инициатива, а иной Полк — формальная общественная организация, состоящая на государственном финансировании. Что ведет к переждению добровольного народного движения в отчетное ежегодное мероприятие, в гонку за показателями любой ценой для рапорта вышестоящим инстанциям»²³¹.

После публикации в июне 2015 года открытого письма президенту Путину с этим протестом Земцов при поддержке ОНФ и Общественной палаты РФ создал альтернативную организацию. Название новой организации было выбрано как можно

²²⁹ Открытое письмо — обращение Совета Полка // Бессмертный полк. 2015. 19 февр. <http://www.moypolk.ru/news/otkrytoe-pismo-obrashchenie-soveta-polka>.

²³⁰ Зеленский М. Путин возглавил шествие «Бессмертного полка» по Красной площади. // Republic. 2015. 9 мая. <https://republic.ru/posts/51319>.

²³¹ Обращение координаторов Бессмертного полка к Президенту России Владимиру Путину // Бессмертный полк. 2015. 28 мая. <https://www.moypolk.ru/news/obrashchenie-koordinatorov-bessmertnogo-polka-k-prezidentu-rossii>.

ближе к названию движения, она называлась «Бессмертный полк России». Председателем Попечительского совета избран популярный актер Василий Лановой. Примечательно, что новая организация предпочитала называться не НКО, а общероссийским общественным гражданско-патриотическим движением. Руководители БПР заявляли, что представляют движение в целом, а не отдельную группу²³². Также стоит обратить внимание на небольшое смещение фокуса: вместо семейной истории шествия полка в материалах БПР и подконтрольной ему прессе представлено как «патриотическая акция» — словосочетание, имеющее сомнительные коннотации для либеральной части общества, которая в противном случае могла бы с большей готовностью поддержать шествие.

Движение распространилось по всему миру, выходцы из бывшего СССР проводят марши «Бессмертного полка» более чем в 80 странах — во многих случаях «Бессмертный полк» стал частью культурной программы Русского мира или деятельности посольств России. В апреле 2016 года президент Владимир Путин на заседании Комитета Победы призвал поддержать «“Бессмертный полк” — общенациональную инициативу, собравшую 9 мая 2015 года 12 миллионов человек как в России, так и за рубежом»²³³. В 2018 году акция прошла даже в Антарктиде²³⁴ на российской станции «Новолазаревская»²³⁵.

²³² Устав Движения // Бессмертный полк России. 2015. 2 июня. <https://www.polkrf.ru/about/dokumenty/ustav-dvizheniya>.

²³³ Заседание Российского оргкомитета «Победа» // Сайт Президента России. 2016. 5 апр. <http://kremlin.ru/events/president/news/51641>.

²³⁴ Первое в истории шествие Бессмертного Полка пройдет в Антарктиде // ТАСС. 2018. 8 мая. <http://tass.ru/obschestvo/5183046>.

²³⁵ В акции «Бессмертный полк» приняли участие более десяти миллионов россиян // РИА «Новости». 2018. 9 мая. <https://ria.ru/society/20180509/1520239795.html>.

Между тем чиновники не только создали альтернативную организацию, призванную возглавить движение «Бессмертный полк». Серьезные неприятности начались у первого пропагандиста акции в России — томской телекомпании ТВ-2, где работали инициаторы движения. В результате телеканал был закрыт. О причинах закрытия телекомпании глава медиагруппы Виктор Мучник рассказал в интервью со ссылкой на неназванного эксперта. Тому якобы «показывали докладную записку из администрации президента по этому поводу», и в ней журналистам ТВ-2 вменялось в вину то, что они «несанкционированно вмешались в историческую политику российского государства, намереваясь расшатать его главную идеологическую скрепу. Речь в данном случае идет об акции “Бессмертный полк”»²³⁶.

Самой важной частью истории успеха «Бессмертного полка» стало появление конкурирующих акторов памяти. Один из них — это группа томских инициаторов, сохраняющих позицию защитников чистоты движения и пользующихся значительным авторитетом среди региональных организаторов, второй — альтернативная группа, которой была оказана административная поддержка. В то время как вторая группа пользуется ресурсами государства, первая опирается на свою репутацию инициаторов движения, которую невозможно не принимать во внимание. Не вступая в открытый конфликт, бывшая томская группа (ее участники перебрались в Москву и Санкт-Петербург после того, как их телеканал закрылся) сохранила и развила веб-сайт, расширила свою сеть контактов и стала влиятельным мнемоническим актором в современной России.

Попытка чиновников присвоить «Бессмертный полк» имела двойные последствия. С одной стороны, режиму удалось

²³⁶ Мучник В. «Телекомпания ТВ2 уничтожалась по политическому решению» // ТВ2. 2017. 13 янв. <https://web.archive.org/web/20170714070210/rus2web.ru/mneniya/v-2-unichtozhalas-po-politicheskomu-resheniy.html>.

в значительной степени направить умонастроения народа в официальные церемонии и использовать их в качестве дополнительной легитимации. То же самое было и с шествиями «Бессмертного полка», проходившими за пределами России, где они наполнили смыслом работу Русского мира.

С другой стороны, первоначальные эмоции, которые выводили людей на улицы, еще живы. Они продолжают проявлять свою субъектность в стране, которая становится все более авторитарной. Организовать публичные собрания с политической повесткой становится все сложнее, а «Бессмертный полк» проводит лишь частично подконтрольные властям массовые шествия, поскольку, с точки зрения чиновников, поддерживает важный для режима миф о Великой Отечественной войне. Государство не могло ни полностью подчинить народное движение, ни запретить его.

Как отмечал российский ученый Алексей Миллер, «бок о бок с уже “огосударствленными” структурами возникают новые автономные, которые “защищены” институционализацией “Бессмертного полка”, то есть превращением этой инициативы в легитимную социальную практику»²³⁷. В этом ключе показателен анекдот историка Джули Федор о генеральном секретаре ООН Пан Ги Муне, который якобы в 2015 году неправильно понял шествие «Бессмертного полка», сначала приняв его за митинг оппозиции, а затем — за демонстрацию любви народа к президенту Путину²³⁸.

Можно согласиться с антропологом Михаилом Габовичем, который еще в 2015 году утверждал, что осмысление

²³⁷ Миллер А. И. Рост значимости институционального фактора в политике памяти — причины и последствия // *Politeia*. 2019. №3 (94). — С. 95.

²³⁸ Fedor, Julie. Memory, Kinship, and the Mobilization of the Dead: The Russian State and the ‘Immortal Regiment’ Movement. In: Fedor, Julie, Markku Kangaspuro, Jussi Lassila, Tatiana Zhurzhenko (eds.) *War and Memory in Russia, Ukraine and Belarus* (307–346). Palgrave Macmillan, 2017. P. 326–327.

ритуалов празднования Дня Победы невозможно, если исходить из прямого противопоставления государственного проекта и подлинной народной памяти, «не только потому, что “низовые” практики и инициативы подхватывались государством (как это происходит и сегодня, например, с проектом «Бессмертный полк»), но и потому, что само государство не являлось и не является внутренне монолитным актором»²³⁹.

Национализация инициативы проходит неравномерно в разных регионах страны. В некоторых городах проявляются конфликты между организаторами и властями, как, например, в 2018 году в Тольятти, где многолетний организатор митинга объявил, что не сможет его провести в этом году из-за серьезных разногласий с местной администрацией. «Активист подчеркивает: во-первых, происходит подмена понятий, и смысл акции вовсе не в единении под эгидой городских властей. Во-вторых, многим будет сложно принять участие в акции: “У движения «Бессмертный полк» нет цели собрать как можно больше людей в одном месте!!!”», — а это стало главной задачей тольяттинских властей²⁴⁰.

Растущая национализация изначально массовой инициативы изменила отношение к «Бессмертному полку» — по крайней мере, у той части общества, которая в целом критически относится к властям. Некоторые ученые (и большая часть либеральной общественности, высказывающаяся в социальных сетях) убеждены, что государство успешно подчинило «Бессмертный полк» или, по крайней мере, захватило львиную

²³⁹ Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. №3 (101).

²⁴⁰ Многолетний организатор «Бессмертного полка» из Тольятти сдался из-за бойкота властей // NEWSru.com. 2018. 8 апр. <https://www.newsru.com/russia/08apr2018/estrin.html>.

долю энергии движения²⁴¹. В России широко распространено мнение, что в шествии «Бессмертного полка» для его участников «на родовую самоидентификацию накладывается национально-гражданская»²⁴². Авторы социологического исследования «Какое прошлое нужно будущему России?» цитируют отзыв респондента об акции «Бессмертный полк»: «Когда она начиналась, это было движение гражданское, оно вызывало у меня большую симпатию... дочь солдата, которого мы нашли, она мне писала и присылала фотографию: “Я шла с портретом отца, которого вы нашли”. И мы понимаем, насколько для нее это важно. А потом, когда это оседлали власти, буквально оседлали, [когда] увидели народное гражданское движение. Но что мы видели после этого? Власти же не умеют. Я видел студентов, которых пригоняют на эту акцию, видел фотографии брошенных плакатов. Зачем это? Такое ощущение, что ко всему, к чему они притрагиваются, они пачкают» (Б., активист). Авторы справедливо считают, что «вмешательство государства рассматривается как профанация многих ритуалов исторической памяти»²⁴³. Однако история конкурирующих организаторов практически неизвестна участникам, для которых «Бессмертный полк» остается общественным движением, а не конкретной организацией.

²⁴¹ Пономарева А. М. «Огосударствление» гражданских инициатив в практике политического использования прошлого (на примере движения «Бессмертный полк»). // Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы. — СПб.: Издательство Европейского университета, 2020. — С. 188–201.

²⁴² Немцев М. «Бессмертный полк» и его ветераны // Riddle. 2019. 8 мая. <https://www.ridl.io/ru/bessmertnyj-polk-i-ego-veterany/>.

²⁴³ Комитет гражданских инициатив. Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества «Какое прошлое нужно будущему России?» — М.: КГИ, 2017. — С. 109. https://komitetgi.ru/service/Социология_финал.pdf.

Две альтернативные организации избегали открытого конфликта и по возможности, как упоминалось, сотрудничали в проведении главного события года — шествия «Бессмертного полка». Оба актора, несмотря на различающиеся политические программы, черпают свою легитимность из общественного движения и нуждаются в его поддержке. Показателен опубликованный в фейсбуке комментарий организатора первых акций полка в Волгограде Вячеслава Черепяхина: «Нет никаких отдельных полков! Все идут в едином строю. А организуют мероприятие сейчас и мы, и Ярослав [Князев — организатор волгоградской акции от “Бессмертный Полк — Россия”], и волонтеры, и много кто. Ни у меня, ни (надеюсь) у кого нет цели тащить одеяло. Шествие превратилось в традицию, и людям ведь неважно, кто там и что организует. Собственно, это и было моей целью». Однако приоритеты двух групп явно различаются. Чтобы увидеть это, можно обратиться к союзам, которые они заключают.

Союзники в борьбе

Общественные движения взаимодействуют «со множеством других участников». Они не только находят союзников, но и приобретают противников в государственной администрации, партийной системе, группах интересов и в гражданском обществе²⁴⁴. Исследование «Бессмертного полка» показывает, что организации, заявляющие, что представляют одно и то же общественное движение, могут иметь разных союзников.

На протяжении существования движения каждая организация искала союзников, институционализируя группы активистов в качестве мнемонических акторов. Государство пыталось направить энергию движения в административно подчиненный

²⁴⁴ della Porta, Donatella, Diani, Mario. *Social Movements. An Introduction*. 2nd edition. Blackwell, 2006. P. 210.

«Бессмертный полк России», для чего необходимо было увеличить вес и легитимность этой новой организации за счет кооптации руководства организации представителями других, более старых ГОНГО (государством организованных негосударственных организаций), в первую очередь поисковиков («Поисковое движение России» — объединение добровольцев, ищущих останки непогребенных солдат на полях сражений Великой Отечественной войны). Летом 2018 года лидеры патриотических движений, существовавших с конца 1980-х (и получавших большую часть государственного финансирования патриотических инициатив до появления «Бессмертного полка»), предприняли решительные шаги по перехвату контроля над «Бессмертным полком России». Третья конференция организации, состоявшаяся в июне 2018 года, не переизбрала Николая Земцова (расколовшего движение в 2015 году) в руководство. Вместо этого в дополнение к декоративным фигурам ветеранов и артистов новым сопредседателем была избрана глава «Поискового движения России» Елена Цунаева²⁴⁵. Приняв на себя руководство и избавившись от человека, ответственного за раскол, Цунаева обратилась к лидерам оригинального «Бессмертного полка» с предложением преодолеть разногласия. Накануне Дня Победы 2019 года обе организации подписали совместный меморандум о принципах проведения маршей «Бессмертного полка»²⁴⁶.

Наиболее интересно развивались связи между основателями «Бессмертного полка» и Преображенским содружеством малых православных братств. Это движение в Русской православной

²⁴⁵ Съезд движения «Бессмертный полк России» избрал новые органы управления // ТАСС. 2018. 1 июня. <https://tass.ru/obschestvo/5256930>.

²⁴⁶ Организаторы движения «Бессмертный полк» выступили против красных флагов и портретов Сталина в ходе акции памяти // Эхо Москвы. 2019. 18 апр. <https://echo.msk.ru/news/2410347-echo.html>.

церкви возглавляет ректор Свято-Филаретовского христианского института в Москве отец Георгий Кочетков. Среди проектов этой православной группы — «Карта памяти» мест преступлений советского режима²⁴⁷. Также содружество продвигает акцию национального покаяния «Имеющие надежду» и поддерживает Форум национального покаяния и возрождения²⁴⁸.

Кочетков — давний оппонент главного сторонника консервативной исторической политики РПЦ митрополита Тихона Шевкунова; они представляют два разных подхода православной церкви к проблемам национальной памяти. С 2018 года отец Георгий Кочетков приглашает сопредседателей «Бессмертного полка» Сергея Лапенкова и Игоря Дмитриева принять участие в ежегодном православном фестивале «Живите вместе». С кафедры фестиваля авторы идеи «Бессмертного полка» выражали озабоченность тем, что шествие «становится инструментом определенной пропаганды»²⁴⁹. В ноябре 2018 года отец Георгий Кочетков и Сергей Лапенков встретились на конференции «Россия между прошлым и будущим: хранители и самородки»²⁵⁰, а летом 2019 и 2020 годов две группы совместно организовали серию дискуссий (в 2020 году она проходила в онлайн-формате). Такой союз создает горизонтальную связь и определенно объединяет ресурсы в борьбе за память.

Пандемия COVID-19 в 2020 году изменила планы празднования Дня Победы. Шествие «Бессмертного полка» было отменено, и вместо этого организаторы предложили членам семей

²⁴⁷ Карта Памяти // Преображенское братство. 2019. <https://karta.psmb.ru>.

²⁴⁸ Акция национального покаяния. 1917–2017. // Преображенское братство. <https://psmb.ru/collections/aktsiia-natsional-nogho-pokaianiia.html>.

²⁴⁹ Жить вместе // Преображенское братство. 2018. 27 авг. <https://psmb.ru/a/zhit-vmeste.html>.

²⁵⁰ Кто и как возродит Россию и русский народ // Преображенское братство. 2018. 6 ноября. <https://psmb.ru/a/kto-i-kak-vozrodit-rossiiu-i-russkii-narod.html>.

ветеранов отправить фотографии на веб-сайт, который транслировал непрерывный поток фотографий 9 и 10 мая²⁵¹. Число семейных историй, загруженных на веб-сайт «Бессмертного полка», во время пандемии увеличилось с 420 000 до 760 000. Президент Путин сначала отложил шествие на 26 июля (День ВМФ России), а позже перенес на 2 сентября (дата окончания Второй мировой войны). Оба предложения подверглись критике со стороны организаторов «Бессмертного полка». Самой тревожной новостью была идея, что государство может определять дату шествия, изначально привязанного именно к Дню Победы, и распоряжаться движением. Сергей Лапенков в общедоступной записи в фейсбуке назвал это «странным решением» и с иронией спросил, хочет ли кто-нибудь встречать Новый год 26 июля²⁵². Наконец, в разгар продолжающихся протестов 2020 года в Хабаровске шествие «Бессмертного полка» было отменено по всему миру. Однако битва за самое многочисленное движение в современной России не окончена.

«Бессмертный барак»

Ряд критиков предъявляет претензии к идее «Бессмертного полка», поскольку он представляет лишь одну сторону истории страны в XX веке, забывая о погибших в ГУЛАГе. 10 мая 2015 года публицист Андрей Десницкий написал на своей странице в фейсбуке: «Наверное, что-то начнет всерьез меняться после того, как за “бессмертным полком” последует “бессмертный

²⁵¹ Координаторы Полка из 21 страны мира обсудили День Победы — онлайн // Бессмертный полк. Новости. 2020. 4 мая. <https://www.moypolk.ru/news/koordinatory-polka-iz-21-strany-mira-obsudili-den-pobedy-onlayn>.

²⁵² Лапенков С. Запись в фейсбуке. 2020. 26 мая. Retrieved from <https://www.facebook.com/sergey.lapenkov/posts/3702259076510672>.

барак” с фотографиями тех, кто был убит в расстрельных рвах, умер в лагерях или просто прошел через них. Не обязательно в виде демонстрации — это может быть просто ряд мемориальных табличек или памятников, какие ставят жертвам холокоста в Европе. Но обязательно с именами и обязательно всеми»²⁵³.

Идея «Бессмертного барака» получила массовую поддержку, хотя и существенно меньшую, чем «Бессмертный полк»: 13 мая 2015 года (этот день считают датой создания движения) общественный активист Андрей Шалаев в соцсетях призвал собирать материалы о репрессированных родственниках, а к ноябрю был создан сайт движения, на котором размещаются «истории судеб, воспоминания о тех временах, фотографии из личного архива, копии личных дел невинно осужденных»²⁵⁴. Эта работа позволила за счет активизации родственников жертв вовлечь больше людей в работу по восстановлению имен репрессированных, которой многие годы занимается «Мемориал». В отличие от истории с «Бессмертным полком», на этот раз власти не проявили интереса к новому движению.

Этот сюжет интересен тем, каким образом используется в России память о двух главных, с моей точки зрения, сюжетах истории XX века — войне и репрессиях. Часть интеллигенции, недовольная тем, что память о Великой Отечественной войне «присваивается» нелюбимым ею режимом, выдвинула идею «Бессмертного барака» как альтернативную память. Это успешно использовали пропагандисты, противопоставляющие оппозиционных власти интеллектуалов народу. Не случайно историк Алексей Миллер в апреле 2018 года в интервью назвал создание «Бессмертного барака» «в пик» “Бессмертному полку”»

²⁵³ Десницкий А. Запись в фейсбуке. 2015. 10 мая. <https://www.facebook.com/andrei.desnitsky/posts/964984186869654>.

²⁵⁴ <https://bessmertnybarak.ru/>.

«идиотской инициативой», превращающей либералов в «геттоизированную, подвергаемую остракизму группу»²⁵⁵.

Однако на самом деле инициаторы двух движений не противопоставляют их. Создатель сайта «Бессмертный барак» и инициаторы «Бессмертного полка» договорились работать вместе и ведут общую базу данных, ведь «репрессии и война — это даже не две стороны одной медали, это буквально об одном и том же», объясняет Андрей Шалаев²⁵⁶. Информация об их совместной работе доступна и на сайте «Бессмертного барака»²⁵⁷, однако она совершенно отсутствует в общественном сознании, что мы видим на примере интервью Миллера и множества продолжающихся противопоставлений. Раскол памяти на память о войне и память о репрессиях очень удобен для политических манипуляций. Вместе с тем, как показывает исследование социологов «Путь к общей истории», проведенное в 2019–2020 годах, общество «вырастает» из этого раскола, «идет поиск более инклюзивного и менее конфликтного отношения к истории страны»²⁵⁸.

²⁵⁵ Урушадзе А. «Разговор об исторической памяти превращается в троллинг. Мы приплыли». Алексей Миллер о политике памяти в России и Европе // Colta.ru. 2018. 23 апреля. <https://www.colta.ru/articles/specials/17902-razgovor-ob-istoricheskoy-pamyati-prevrashaetsya-v-trolling-my-priplyli>.

²⁵⁶ Зотова Н. Заглянуть в глаза «Бессмертному бараку» // Новая газета. 18 мая 2016 года.

²⁵⁷ Бессмертный полк — Бессмертный барак. https://bessmertnybarak.ru/article/polk_barak/.

²⁵⁸ Юдин Г. Каких отношений с прошлым хотят россияне // Проект. 2021. 5 апр. <https://www.proekt.media/opinion/yudin-otnoshenie-k-istorii-rossii/?1617624601>.

Эпилог

Возвращение имен

С 2007 года в России — и за рубежом в тех городах, где живут россияне, — ежегодно 29 октября люди собираются у мемориалов жертвам репрессий, чтобы, сменяя друг друга, читать списки с именами людей, расстрелянных в годы советской власти. Каждый пришедший получает возможность прочитать список из нескольких имен (фамилия, имя, отчество репрессированного, возраст на момент гибели, кем работал и дата смерти), поставить свечу и возложить цветы.

Акцию «Возвращение имен» проводит общество «Мемориал», и в ней в последние годы (не считая пандемический 2020 год) принимают участие тысячи человек, которым надо отстоять в очереди несколько часов, чтобы прочесть несколько имен. Многие добавляют к этим незнакомым им именам фамилии своих родственников, погибших в годы репрессий.

Исследователь коллективной памяти Джей Уинтер считает, что она живет в форме ритуала, коллективного и повторяющегося действия. Без ритуала не так заметны памятники, «не замечаются» календарные праздники, забываются траурные даты. «Возвращение имен» стало одним из новых ритуалов, сохраняющих память о погибших.

Важной особенностью этого ритуала является то, что он сфокусирован на именах жертв. Эта же особенность отличает другой связанный с «Мемориалом» проект, «Последний адрес»; именно «возвращением имен» занимаются активисты,

Акция «Возвращение имен» в Москве, 2019 год. МИА «Россия сегодня»

работающие с местами массовых захоронений, таких как Коммунарка, Левашово или Сандармох. И именно эта сосредоточенность на именах конкретных людей отличает подход активистов «Мемориала» от отношения к памяти о репрессиях современного государства. «Стена скорби», открытая в Москве президентом Путиным в 2017 году, представляет собой барельеф с множеством безликих человеческих фигур, символизирующих масштабность репрессий.

Конец историй

Когда распад социалистического блока подтолкнул Фрэнсиса Фукуяму предсказать скорый «конец истории», мало кто сомневался в том, что исчезновение самой влиятельной альтернативы либерально-демократическому порядку приведет в перспективе к политическому выравниванию разных стран. Исчезновение отличий в социально-политических идеалах разных народов неминуемо должно было сопровождаться и сближением их историй, разными путями вести к одному и тому же идеалу. Однако на новом историческом повороте крах глобализации «освободил» от единой цели и историю разных стран. Теперь уникальность собственной истории является залогом сохранения идентичности и боевым знаменем консерваторов всех стран. Таким образом, кризис единого идеала привел и к распаду единой истории на множество историй, выстраиваемых политиками.

Мы, безусловно, являемся свидетелями серьезных изменений отношения к прошлому. Главное отличие нашего времени состоит в определении «принадлежности» прошлого. Чье оно? Национальные, религиозные, идеологические претензии на «владение» правильной историей имеют давние корни. Теперь к ним добавился вопрос: является ли прошлое историей героев, государственных деятелей, полководцев и выдающихся людей или же это история «простого человека» — угнетенных, рабов, крепостных, женщин, жертв государственных экспериментов и мировых войн?

Первый вариант истории по-прежнему силен. Его защищают консерваторы во всех странах. Второй вариант, однако, набирает силу. Снос памятников в США и Западной Европе — не единственное свидетельство перемен. В России в это же время множество людей восстанавливают память о прошлых поколениях соотечественников и репрессированных и непогребенных забытых солдатах Великой Отечественной войны. «Книги памяти» и «Последний адрес», «Поисковое движение России» и «Бессмертный полк» показывают подъем той же новой памяти об истории «простых людей», что и борьба с монументами «великим белым мужчинам» на Западе. Наряду с этим мы видим, как социальная история атакует и теснит историю политическую. Она еще не победила и, возможно, не победит полностью, но наш взгляд на прошлое уже изменился.

В нашем постоянно ускоряющемся мире можно осторожно утверждать, что мы уже переживаем эпоху окончания консервативного поворота в мировой политике, и потому стоит ожидать и скорого конца «уникальных историй», и возвращения интереса к истории на каком-то новом уровне понимания общности исторических политик. Помимо роста значения социальной истории будет усиливаться деколонизация прошлого — становление неевропейских вариантов истории развивается вместе с требованиями возвращения исторических артефактов из европейских музеев в бывшие колонии.

Обострение «исторической политики» и «войн памяти», свидетелями и участниками которых мы стали, — проявления более общего перехода. Еще недавно прошлое принадлежало сильным — государствам, национальным элитам, «великим державам», европейским метрополиям. Обладание историей было привилегией, которую поддерживала институционализируемая историческая наука и разнообразная коммеморативная практика. Теперь же вчерашние «слабые» обрели способность и желание получить собственное прошлое, а современная

историческая наука, внимательная к разногласию, поддержала их в этом стремлении. Угнетенные классы и расы, зажатые между великими державами малые страны, бывшие колонии и нынешняя периферия национальных государств формулируют собственные рассказы о прошлом, которые вступают в конфликт со «старой историей» и вынуждают ее защищаться.

Процессы такого перехода идут по-разному. Нарративы — самая «текучая» форма существования прошлого, не поддающаяся контролю в современном информационном обществе. Даже государство, контролирующее в России содержание школьных учебников и влияющее на вид музейных экспозиций и выбор сюжетов кинофильмов, не в состоянии подавить альтернативные варианты прошлого, развивающиеся в разных форматах, и вынуждено сосредоточиться на контроле одного (пусть самого важного) периода — Второй мировой войны.

Овеществленное прошлое меняется редко, но быстро. Невозможно каждый год сносить и устанавливать памятники и обновлять учебники истории. Именно поэтому будущее памятников — во всяком случае, памятников «великим людям» прошлого — сомнительно. Они будут либо снесены, либо перемещены и контекстуализированы, превратятся в музейные экспонаты, повествующие об отвергнутых версиях прошлого.

Механизмы и закономерности обращения к прошлому в современных обществах схожи. Мы видим общее в подходах консервативных сил в разных странах и наблюдаем схожесть в использовании прошлого либералами или левыми. Однако само наличие разных политических сил и их относительные ресурсы, политические традиции, конституционный дизайн и возможности использования государства для установления гегемонного дискурса создают в каждой стране уникальную форму «исторической политики» или «культурных войн».

В этой книге больше всего примеров было взято из опыта России и США — не только в силу лучшего знакомства автора

с этими странами, но и потому, что радикально отличающееся общественно-политическое устройство двух государств позволяет увидеть, какие особенности использования прошлого носят универсальный характер, а какие больше присущи одной из стран.

Есть немало общего в способах использования прошлого в Российской Федерации и в Соединенных Штатах. В обеих странах на протяжении долгого времени сосуществуют разные «символические вселенные», отличающиеся друг от друга исторические нарративы. В США это варианты прошлого, культивировавшиеся на Севере и Юге, в России — коммунистическая и посткоммунистическая коммеморация.

В большинстве других государств после внутренних кризисов новый гегемонный нарратив гораздо быстрее вытеснял из публичного пространства все альтернативы, как мы могли убедиться на примере стран Восточной и Центральной Европы, а недавно и на опыте Испании. На протяжении нескольких десятилетий в Испании после демократизации страны сосуществовали франкистский и республиканский варианты памяти, однако в 2019 году с переносом останков Франсиско Франко из мемориала «Долина Павших» на муниципальное кладбище завершился процесс вытеснения из публичного пространства коммеморации авторитарного режима.

В Соединенных Штатах эти исторические нарративы четко разделены географически, в России же они перемешаны в одном публичном пространстве, за исключением некоторых региональных особенностей, вызванных локальными вариантами политики прошлого.

Первым важным различием в использовании прошлого политиками в России и в США является разный вес субъектов этой политики. В России политические силы, контролирующие государство, играют ведущую роль в формировании и использовании образов прошлого. Большая часть альтернативных

нарративов либо формируется в полемике с государством, либо развивает какие-то его инициативы. Не государственные по происхождению инициативы, такие как «Бессмертный полк», государство старается подчинить или возглавить.

В Соединенных Штатах у государства, бесспорно, есть мощные ресурсы формирования нарративов. Однако мы видим, как не менее серьезные права на корректировку или коренную смену взгляда на прошлое предъявляют негосударственные группы, прежде всего активисты всевозможных левых движений.

Вторым различием является сам вес прошлого в общественных дебатах. В современных США при всем обострении боев за прошлое оно очевидно проигрывает современности, и снос памятников деятелям Конфедерации иллюстрирует не столько отношение к Гражданской войне, сколько сегодняшнюю остроту расовой проблемы. В России прошлое до сих пор влияет на общество — война и репрессии не оставлены позади, а остаются актуальными референтными точками в современных спорах.

Одним из факторов этого различия является то, что США — нация иммигрантов. Для большей части американцев история пилигримов, отцов-основателей и даже Гражданская война не соотносятся с историями их семей, прибывших в Америку в конце XIX века или позже. Современное американское общество не тождественно американскому обществу полуторавековой давности, и переформатирование прошлого нации в политических целях легко находит массовую поддержку. В России современное общество ощущает себя тождественным советскому и в значительной мере дореволюционному. Большинство людей не могут проследить свою родословную дальше третьего-четвертого поколений, но знают, что предки жили на этой же земле, и отождествляют свою память с гегемонным нарративом о прошлом. В таком традиционном подходе манипуляции с историческим нарративом вызывают сопротивление.

Наконец, третьим различием можно назвать существование серьезных вызовов российской версии прошлого со стороны внешних сил — прежде всего стран-соседей России. Соединенные Штаты не ведут споров о прошлом ни с Мексикой, ни с Канадой, ни с кем-либо еще — притом что взгляд на некоторые ключевые моменты этого прошлого у этих стран отличается кардинально.

Политика в России и в США сфокусирована на разных повестках дня, и этот факт влияет на то, под каким углом в ней рассматривается и как используется прошлое. В США главная линия раскола — расовая проблема, а современные бои за историю маркируются как часть «культурных войн» или «политики идентичности». В силу этого политический взгляд на прошлое акцентируется на расовом неравенстве и конструирует генеалогию социальных групп, которые ранее не обладали собственным прошлым.

В России же в центре политической повестки дня находятся отношения государства и общества, поэтому основные войны памяти идут вокруг последствий репрессий, а коммеморация Великой Отечественной войны используется как политическое средство сплочения вокруг режима. Однако не только репрессии относятся к «истории слабых» (тут можно отметить сдвиг фокуса в разговоре о репрессиях с расстрелянных маршалов и отправленных в «шарашки» ученых на массовую гибель крестьянства и на судьбы неприметных «простых» жертв советского режима). Появление «Бессмертного полка» заставляет корректировать и память о войне в сторону семейной памяти тех же «простых людей», не давая политическим элитам установить полный контроль над этой коммеморацией.

Споры по поводу прошлого никуда не исчезнут, потому что причина их лежит в современности. История лишь предоставляет материал и язык для современного политического конфликта. Можно, однако, договориться о границах

«исторических» конфликтов, как договариваются о неиспользовании некоторых приемов языка и конкретных слов в дипломатическом диалоге. Можно понять, что множественность прошлого теперь с нами навсегда. И научиться жить с ней.

Курилла Иван

БИТВА ЗА ПРОШЛОЕ

Как политика меняет историю

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *Е. Кунина*
Художественное оформление и макет *Ю. Буга*
Корректоры *А. Кондратова, Т. Редькина*
Компьютерная верстка *К. Свищёв*

Подписано в печать 08.09.2021. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 14,5 печ. л. Тираж 2000 экз. Заказ №

ООО «Альпина Паблицер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7 (495) 980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14